/01040

Цена отдельного номера в Москве, в провинции и на ст. жел. дор. 5 копеек.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орг. Центральн. Ком. и Московск. Ком. Р. К. П. (больш.).

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверская, 48. ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Тверская, 38.

ТЕЛЕФОНЫ

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

ЦЕНА НА ОБ'ЯВЛЕНИЯ:

№ 17 (2948). Среда, 21 января 1925 г. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА № 17 (2948).

ЛЕНИН УМЕР. ЛЕНИН ЖИВЕТ.

ЛЕНИН ПОБЕДИТ.



Год...

Год тому назад делу освобождения человечества судьба нанесла громовой и непоправимый удар. Сражающейся армии тяжело потерять вождя, еще тяжелее потерять вождя на поле сражения, во время боя, бесконечно тяжело потерять такого вождя, как Ленин. Но армия, которой предводительствовал Ленин, была классовой армией пролетариата, а война, которую он вел, была классовой войной пролетариата против буржуазии. В этой армии и в этой войне роль вождя зиждется на иных началах, чем в обычных армиях и войнах. Там полководец «управляет» насильно-об'единенными массами, решает за них, умерщвляя их волю, «бросает» их в бои, цели которых им неведомы. Ленин руководил свободно-об'единившимися передовыми отрядами человечества, вся сила которых в добровольной борьбе за сознательно-выбранные цели. Могущество Ленина зиждилось на свободно-взвешенном и многократно-проверенном, но тем более глубоком и безраздельном доверии самой сознательной части человечества, той части его, которой предстоит взломать стену, отделяющую «царство свободы» от «царства необходимости», «пред'историю человеческого рода» от его «подлинной истории». Авторитет Ленина опирался не на умерщвлении воли масс, а на ее раскрепощении, не на удушении сознания, а на его расковывании, не на «командовании» массами сверху, а на широчайшем самоуправлении их снизу. В этом—основное, принципиальное отличие характера социального могущества и личного авторитета Ленина от «героев» старой истории.

Чтобы двинуться на завоевание мира, Ленин должен был предварительно завоевать рабочий класс, собрать, сорганизовать, сплотить его вокруг боевых знамен коммунизма. Ленин, ныне символ освобождения всего угнетенного человечества, должен был начать с завоевания отдельных рабочих в рабочих кварталах императорского Петербурга. Победоносный путь Ленина от этих первых боевых окопов до превращения Коминтерна в важнейший фактор мировой истории проделан единственно силой гениального ума, революционной, несгибаемой воли, покоряющего личного примера.

И бессмертны поэтому не только дело Ленина—дело всего будущего человеческого рода, не только учение Ленина—знамя миллионов, но и личность Ленина—прообраз будущего, слияние воедино гения личности с гением шествующего вперед коллектива.

Год...

Год тому назад у могилы вождя, учителя и товарища мы молча дали себе слово держать высоко его знамя, двигать вперед его дело, стоять крепко за его заветы.

Выполнено ли обещание? Кажется, да...

Растет политическая и хозяйственная мощь созданного под его руководством первого Союза Советских Социалистических Республик. Идет вперед дело большевизации секций Коминтерна. Крепнет его детище РКП, включившая в свои ряды четверть миллиона «ленинского призыва». Движется вперед изучение ленинизма. Все глубже и шире охватывает трудящееся человечество учение Ленина...

Будем работать...

Л. КАМЕНЕВ.

Н. БУХАРИН.

Памяти Ильича.

Сидим на пленуме Цека. Много народу, много новых, мало знакомых, мало изученных лиц. Подросли новые силы. А Ильича нет. Думаешь о нем и знаешь: нет, не придет наш мудрец. Точно живые, встают сцены из прошлого. Вот быстрой походкой, засутулившись, точно стыдясь своего собственного величия, точно желая скрыться от множества взглядов—хотя бы даже и любящих—быстро идет, почти бежит, опустив глаза в землю, втянув голову в плечи, прикрываясь воротником шубы или просто рукой, дорогой всем человек. Такой простенький и такой крепкий; с такими добрыми морщинками около глаз—и такой железный; такой незаметный—и такой мудрый. Забьется где-нибудь в уголка, свернет пальцем ухо в трубочку, чтоб лучше слушать, сносит сверлящий глаз и высасывает каждое слово,—если только вообще есть, что послушать. А потом выйдет и, с трудом отбившись от оваций, гула голосов, грохота аплодисментов, радостных взглядов, криков, восклицаний, восторгов, начнет говорить. И сразу яснеет в головах. Точно пришел Ильич и осветил все щели, все кривые закоулочки и переулочки. Как же мы этого раньше не понимали, а?

А теперь его, Ильича, нет. Не оттого ли иногда мы бессмысленно спорим, что чего-то не ухватываем?—приходит иной раз в голову. Может быть. Ведь Ильича нет с нами...

Много лет тому назад увидел я первый раз Ильича. На маленькой грязной уличке Кракова нужно было найти квартиру Ульяновых. Иду, шарю глазами по окнам. И вдруг вижу купол огромного черепа, необыкновенную голову. Ну, конечно, это Старик!

Краковская квартирка, помнится, из двух комнат. Кухня—она же гостиная. Простой, белый, чисто вымытый кухонный стол. Ильич режет хлеб, наливает чаю, усаживает, расспрашивает. Как ловко и как незаметно! С каким вниманием и с какой простотой! Выходишь—и знаешь: да ты, батенька, у него весь как на ладони. И никакого нажима, никакой неловкости перед великим человеком! Помню, что ушел я от «Ильичей» как зачарованный, летел домой, точно за спиной крылья выросли, перспективы раздвинулись, миры новые открылись...

Невольно сравнивал его, Старика, с Плехановым: гордая поза, по-наполеоновски сложенные руки, театральные повороты головы, нарочитые жесты, блестящие остроты и «пафос расстояния»: ты, сударь, не моги подходить ближе, чем на километр! Демократ, якобинец, коммунист. Либеральный барин, хотя и блестящий «основоположник русского марксизма», «надменное чело». Нет, Плеханов не мог быть вождем пролетарской улицы,

«Когда, все низвергая
И сквозь картечь стремясь,
Та чернь великая
И сволочь та святая
К бессмертию неслась».

Оно и не вышло у Плеханова. А Ленин стал знаменем миллионов, и его имя слилось с именем Маркса...

Иногда представляют Ильича какой-то холодной счетной машиной, великим арифмометром и воплощением холодного ума и холодной воли. Это—неправда. Ильич — громадный темперамент, бурно переживавший все, что приходилось переживать. Но эту свою страстность он сжимал железными клещами своей воли, от которой не было пощады. Он мог жестоко страдать. Но я думаю, что его нельзя было «пожалеть»: это значило бы вывести его из себя, и его гнев обрушился бы на вас, как удар парового молота. Ибо вовне Ильич должен был быть полководцем с единой волей, решением, мыслью. О, он никогда не находил «уныния на фронте» и ни одной чертой своего подвижного лица не выдавал своих собственных сомнений: он стоял посреди всех, как скала воли и уверенности в победе.

Помню глухое время, когда в Поронине приехал Роман Малиновский. Первую ночь я спал в комнатушке наверху. «Спал» я очень плохо, поминутно просыпался: еще бы! ведь, дело шло о провокаторстве лидера нашей думской фракции!

И я отчетливо слышу: внизу ходит Ильич. Он не спит. Он выходит на террасу, заваривает (знаю, догадываюсь: страшно крепкий) чай и взад и вперед шагает по террасе. Он шагает и шагает, останавливается и снова шагает. Так проходит ночь. По временам моя усталая голова обволакивается туманом бессильного полусна. Но как только сознание возвращается снова, ухо тотчас ловит мерные звуки внизу.

Утро. Выхожу. Ильич аккуратно одет. Под глазами желтые круги. Лицо больное. Но он весело хохочет, жесты привычные, уверенные: «Ну, что, хорошо выспались? Хе-хе-хе. Да-с. Чаю хотите? Хлеба хотите? Гулять пойдем?» Точно ничего и не случилось. Точно не было мучительной ночи, страданий, сомнений, обдумывания, напряженной работы мысли. Нет, Ильич надел кольчугу своей стальной воли. Разве можно ее чем-либо расшибить?..

Вспоминаются первые месяцы войны. Это было страшно мучительное время, когда у каждого из нас, революционеров, разбросанных по различным странам, странам, окончательно сошедшим с ума под первыми ударами империалистских пушек, выступали слезы гнева и ненависти: как жалко обанкротилась «единая, международная, освобождающая народы социал-демократия!» Какими мерзавцами оказались наши немецкие, французские, бельгийские и прочие «друзья»!

Вот приезжает в Швейцарию, наконец, освободившись из австрийской тюрьмы, Ильич. Все его душевные силы: гениальный ум, воля, страсть,—собрались в один кулак против мерзавцев от патриотизма. Ильич лихорадочно работает. С беспощадной смелостью он поднимает кучи социал-демократического навозу и отшвыривает их в сторону. Коммунизм начинает свой путь...

Помню, как, точно охотник за волком, гонялся Ильич за Плехановым. Тот увиливал, уклонялся от сражения, отнекивался. Наконец Ильич «поймал» Плеханова в большом сараеобразном помещении около Лозанны, где тот читал доклад. Напряжение у всех достигло максимума. Сердца бились, руки тряслись. Ильич сам страшно волновался, и его лицо сделалось пепельным. Когда он стал громить социал-патриотов, когда зазвучала бичующая, гневная, настоящая марксистская речь среди патриотического паскудства и блуда, наши души точно свела судорога облегчения. Как сейчас вижу: вот сидит «Абрам» (Н. В. Крыленко), весь трясется, и слезы льются у него из глаз. Наконец-то мы снова берем в руки меч против изменников! Придет наше время, негодяи!..

В бернской комнатушке «мечтали» о будущем. Шутили над Ильичом, что ему придется командовать настоящими армиями. А Ильич—это в 1915 году!—уже всерьез выдвигал лозунг гражданской войны и видел неизбежность революционной грозы.

Она пришла, эта гроза, и вместе с ней Ильич, эмигрант, «фанатик», «фантазер»,—а на самом деле глубокий ученый и прирожденный массовый вождь,—стал расти с каждым днем и превратился в того революционного гиганта, фигура которого останется в веках, как вечный памятник нашей героической эпохи.

Прекрасен был Ильич в минуты штурма. Но он был прекрасен и в минуты опасности, когда вражеский меч был совсем, совсем близко от наших голов.

В памяти всплывают брестские дни. Мы, «молодые», «левые», уже сделали ошибку, помешав заключить мир сразу, и продолжали упорствовать. И вот на решающее заседание Цека вбегает Ильич. Он—как громадный лев, запертый мальчишками в клетку. Он бегает по комнате, гневный, с суровой решимостью в лице, на котором подобрались и сжались все мускулы. «Больше я не буду терпеть ни единой секунды. Довольно игры! Ни единой секунды!». Его: «ни единой секунды!» произносится с каким-то решительным, серьезным и вместе с тем глубоко гневным придыханием сквозь зубы,—это было характерным признаком того, что Ильич «свирепо» настроен. И Ильич ставит ультиматум. И Ильич ломает прежнее решение. И Ильич—могучий, грозный, железный, всевидящий—спасает революцию от страшных врагов: от революционной фразы и от революционной позы, которые чуть было не выдали республику немецким палачам...

Деникин, Колчак, голод... Границы советского государства сузились до последнего предела. Заговоры внутри, революция становится дыбом. Вот-вот опрокинется все на голову. Ильич считает. Спокойно. Видит возможность поражения. Шутливо называет это по-французски «culbutage» («перекувыркивание»). На всякий случай распоряжается принять такие-то и такие-то меры, чтобы начать сызнова подпольную работу. Ни капли не сомневается, что в случае поражения он погиб. Все это—«culbutage». Но вот он подходит к партийным рядам, и его голос звучит несокрушимой энергией: «паникеров—расстреливать!» И каждый чувствует, что мы победим: чорт возьми, разве с Ильичом можно проиграть сражение?

А вот наш Ильич не в политбюро, не в совнаркоме, а у себя в Горках. В синенькой полиловевшей местами рубашонке, без пояска, с таким добрым лицом. Он роется в кучах книг и газет на всех языках и наречиях. Ходит на охоту и подползает к уткам, дрожа от ожидания, увлекаясь, как может увлекаться только Ильич. Вот человек!

Раз как-то вдруг Ильич засуетился и стал спрашивать садовые ножницы. Потом побежал к сиреневым кустам и стал возиться около них. Мы подошли. «Вот видите,—указал Ильич на наломанные чьей-то варварской рукой ветки, — больно, знаете, смотреть». И Ильич улыбнулся милой, виноватой улыбкой, грозный Ленин, которому «больно смотреть» на изуродованные цветы.

Знал ли Ленин себе цену? Понимал ли он все свое значение? Я не сомневаюсь ни одной секунды, что да. Но он никогда не смотрелся в историческое зеркало: он был слишком прост для этого, и он был слишком для этого прост потому, что был слишком велик. Характерная черточка: Ильич часто притворялся, что он чего-либо не знает, тогда как он отлично это знал. Ему нужно было узнать от своего собеседника что-нибудь дополнительное, быть может, другую сторону вопроса, другой подход, другое освещение, а заодно и прощупать этого собеседника, отложив где-нибудь в клеточках своего изумительного мозга крепкую и плотную характеристику. Ему, Ильичу, Ленину, ведь важно было дело, с которым он крепко-накрепко сросся, которое стало его главной потребностью. Так при чем же тут какая-нибудь фальшь или рисовка, когда речь идет о деле, деле и еще раз деле?

А потом, быть может, причиной ильичевой скромности была его огромная культурность. Ведь это только

шатки всякого мещанства до сих пор не могут понять, почему Ильич мог сделать так много. А он мог сделать так много потому, что вызнал все ценное, что давал капиталистический мир, и, мобилизовав эти знания, оплодотворив их учением Маркса, развив это учение дальше, все это поставил на службу пролетарской революции. Он знал колоссально много. Но именно поэтому он понимал, как это еще мало, если мерить другими масштабами: а ведь Ильич считал миллионами и десятилетиями...

И поэтому тем больше, тем величественнее становилась личность Ленина, чем меньше обращал он внимания на свою личность. Разве кто мог заподозрить «Старика» в личном пристрастии? Разве кто мог допустить, что Ильич думает о чем-либо ином, кроме интересов великого дела? Никто, никогда, за исключением, быть может, совсем отпетых людей. И оттого, когда смертоносные стрелы разящей ленинской диалектики попадали в «цель», когда Ильич обрушивал громы и молнии, с ним,—в рядах нашей партии, разумеется,—боролись, но всегда прислушивались к его аргументам. И скольких, скольких Ильич переделал, навсегда привязал к своему учению, убедил и спас от неверных путей!... Как возился он, убеждая, боролся за людей, заботясь—разными путями—и о физическом здоровье, и об идеологической чистоте тех товарищей, кого он считал ценным «партийным имуществом»!...

Дорогой учитель! Вот вспоминается его предпоследняя речь на четвертом конгрессе Коминтерна. Ильич уже перенес один удар. Он точно встал с одра смерти. Жадными руками хватался за рычаги своей постоянной деловой машины. Страшно волновался, сможет ли работать. Думал о своей речи, как об экзамене.

У нас сердце замирало, когда Ильич вышел на трибуну: мы все видели, каких усилий стоило Ильичу это выступление. Вот он кончил. Я подбежал к нему, обнял его под шубейкой: он был весь мокрый от усталости—рубашка насквозь промокла; со лба свисали капельки пота, глаза сразу ввалились, но блестели радостными огоньками: в них кричала жизнь, в них пела песнь о работе могучая душа Ильича!

В великой радости, в слезах, к Ильичу подбежала Цеткин и стала целовать стариковы руки. Смущенный, потрясенный Ильич неловко стал целовать руку Клары. А никто, никто не знал, что болезнь с'ела уже мозг Ильича, что близок ужасный, трагический конец.

Ильич, мне кажется, видел этот неизбежный конец, видел его лучше ближних, товарищей и друзей, лучше докторов и профессоров. И когда второй удар свалил его с ног, он начал диктовать свое политическое завещание и на краю могилы создал вещи, которые десятками лет будут определять политику нашей партии. И еще, и еще один раз, последний раз, Ильич сказал всей партии последние вещие слова.

А потом началась нечеловеческая трагедия, о которой мы можем только догадываться. Могучая воля оказалась скованной параличом. Уста сомкнулись навсегда. Тщетно билась мысль,—но она не могла выйти наружу. Это было хуже пыток. Об этом трудно писать, товарищи! Во всей истории я не знаю трагедии, более мучительной и более глубокой...

В тихий зимний вечер умирал Ильич в Горках. Еще за несколько дней все шло на улучшение. Повеселели родные, повеселели друзья. И вдруг разрушительные процессы быстро проступили наружу...

Когда я вбежал в комнату Ильича, заставленную лекарствами, полную докторов,—Ильич делал последний вздох. Его лицо откинулось назад, страшно побелело, раздался хрип, руки повисли—Ильича, Ильича не стало.

Точно время остановилось. Точно сердца перестали биться у всех. Точно на мгновение прекратился бег истории, и весь мир застонал мучительным стоном. Милый, прощай!

* * *

Год живет партия без Ленина. И суждено ей жить без него, живого. Сумеем ли мы хоть немного приблизиться к ильичевой мудрости? Сумеем, если будем непрестанно учиться у него. Сумеем ли мы приближаться к ильичевой беспристрастности, к отсечению всего личного в политике? Сумеем, если будем учиться у него. Сумеем ли мы вести в его духе партию, с ней вместе и через нее рабочий класс и крестьянство? Сумеем, если будем учиться у Ленина, Ильича, у нашего учителя и товарища, который не знал мелочности, который был смел, решителен и осторожен. Мы должны суметь, ибо этого хочет рабочий класс, которому отдал жизнь свою товарищ Ленин.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

Снежинки

Засыпали зверины тропинки
Вчерашняя разгульная метель,
И падают, и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
Безмолвие убогих деревень.
И снова он встает передо мною,
Смертельною тоской пронзенный день.

Казалося: земля с пути свернула.
Казалося: весь мир покрыла тьма.
И холодом отчаянья дохнула
Испуганно-суровая зима.

Забуду ли народный плач у Горок *),
И проводы вождя, и скорбь, и жуть,
И тысячи лаптишек и опорок,
За Лениным утаптывавших путь!

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали, и падали снежинки
На ленинский—от снега белый— гроб.

*) Горки—подмосковная деревня, где скончался В. И. Ленин.

В. МОЛОТОВ.

Ленинский призыв.

Ленинский призыв—переломный момент, новая глава и целая эпоха в развитии нашей партии. На смерть Ленина рабочий класс ответил посылкой из своих рядов 203 тыс. рабочих в нашу партию. Сам процесс приема ленинского призыва в нашу партию в течение нескольких месяцев после смерти Владимира Ильича свидетельствовал об особом, исключительном отношении рабочих к Ленину и к ленинской партии. Во многих и многих случаях рабочие превращали прием в партию в своего рода выборы в РКП, в выдвижение из своих рядов лучших, более сознательных и честных. Лучшее доказательство глубокой связи коммунистической партии с пролетариатом трудно представить. Включение в партию двухсот тысяч рабочих-ленинцев еще больше укрепляет эту связь, во много раз усиливает партию в рабочем классе и во всей массе трудящихся.

Ленинский призыв был подготовлен всем экономическим и политическим развитием Советской Республики. Явно наметившийся под'ем хозяйства страны, восстановление и рост основных кадров рабочего класса, культурный и политический под'ем в широких массах трудящихся подготовили ленинский призыв. Сама партия как в годы гражданской войны, так и в первые годы нэпа делала колоссальные усилия к тому, чтобы сохранять и укреплять доверие рабочих к своему политическому руководству, ко всей политике, ко всей своей работе. Ленинский призыв показал, что рабочий класс вступил в новую полосу политического под'ема с возросшей верой в правильность ленинского руководства большевистской партии. Поэтому смерть Ленина так потрясла рабочую массу, и из ее среды за короткие два-три месяца заявило до 300 тысяч о желании вступить в нашу партию. Партия при живейшем участии рабочей массы отобрала из них 203 тысячи лучших, более подготовленных. Общий процент рабочих в партии возрос с 44 до 60 проц. Отдельные промышленные организации увеличились за это время в два раза и даже больше. На ряду с этим комсомол также увеличился за эти месяцы, примерно, на 250 тысяч рабочей и крестьянской молодежи. Ленинский призыв в комсомоле дополнил ленинский призыв в партию. И тот и другой вместе захватили почти полумиллионную массу.

Теперь, спустя год, мы имеем первые итоги ленинского призыва. Партия увеличилась почти в полтора раза. Огромный приток новых членов партии—рабочих — способствовал дальнейшему укреплению партийных рядов, усилению политического влияния в массах и, вместе с тем, развертыванию всей партийной работы. Что особенно важно, так это то, что после окончания ленинского призыва приток рабочих в партию не приостановился, а пошел гораздо более усиленным темпом, чем до него. Некоторые промышленные организации после окончания ленинского призыва приняли уже значительное количество новых членов партии в рабочих районах. Рост партии за счет рабочих продолжается, а ленинские дни, связанные с годовщиной смерти Владимира Ильича, в некоторых местах стихийно превращаются теперь в своеобразное повторение прошлогоднего ленинского призыва. Не может быть сомнений в том, что только за эти последние дни в партию вступят новые десятки и десятки тысяч рабочих.

Продолжающийся рост и качественное укрепление пролетарских кадров во всех основных отраслях промышленности говорят за то, что наша партия прочно вошла в эпоху могучего развертывания ее организаций и еще невиданного укрепления политических связей с рабочим классом. Количество фабрично-заводских рабочих за последние годы неуклонно возрастало. Если в 1920 году фабрично-заводских рабочих в СССР было 1.347 тысяч, то на 1 января 1924 года их насчитывалось 1.542 тыс., а на 1 июля 1924 года—1.712 тысяч. Количество членов партии—рабочих—шло и идет относительно еще более ускоренным темпом. Наша партия вбирает в себя все политически активные силы рабочего класса. Это необходимо. Наша линия в вопросе о росте партии должна итти и дальше в направлении увеличения процента рабочих в партийных организациях. Только в этом направлении, в направлении дальнейшего абсолютного и относительного роста пролетарской части нашей партии может быть правильной политика коммунистической партии. Но партия большевиков остается авангардом пролетариата и вместе с тем все больше превращается во все более могучий авангард трудящихся масс вообще.

Ленинский призыв укрепил связи нашей партии не только с рабочим классом, но и со всеми трудящимися. Значительная часть рабочих нашей страны связана с крестьянством. Среди ленинцев от одной четверти до половины рабочих также связаны с деревней. В настоящий момент это должно сыграть свое громадное значение в деле развертывания работы нашей партии и советов в деревне.

Перед нами стоит теперь задача об улучшении и усилении партийных организаций в деревне. Эту задачу мы должны выполнить двумя путями. Нам необходимо известное обновление и действительное увеличение партийных организаций в деревне. Поэтому необходимо обратить внимание на усиление приема крестьян (а также сельских учителей) в партию. Из среды крестьянства должны притти новые пополнения в наши еще очень слабые деревенские организации. Из среды самого же крестьянства мы сможем выдвигать много новых работников—руководителей деревни. Но этого мало в условиях пролетарской диктатуры. Необходимо, чтобы промышленные рабочие взяли на себя задачу укрепления нашей работы в деревне, задачу обеспечения правильного руководства партии по отношению к крестьянству. Рост партии на фабриках и заводах должен помочь ей в развертывании работы и в постановке правильного руководства работой в деревне. Свою громадную роль в этом деле должен сыграть ленинский призыв и дальнейшие пополнения партии промышленными рабочими. Из среды рабочих будут пополняться кадры основных руководителей деревни; через них партия будет добиваться правильного политического руководства партийными организациями, советами, кооперацией, крестკомами и другими организациями деревни. Великую организаторскую роль в социалистической революции промышленные рабочие должны выполнить не только в городе, но и в деревне. При их помощи, при их руководстве мы должны улучшать нашу работу в деревне. Мы должны укрепить как сами деревенские партийные организации, так и их связь с беспартийной крестьянской массой. Центральную задачу настоящего момента в деревне—создание вокруг партии более или менее широкого беспартийного актива из крестьян, тем самым задачу оживления работы советов,—эту задачу мы лучше и правильнее сможем выполнять только при том условии, если за дело возьмутся новые и новые силы из среды и крестьянства и пролетариата. Партия с ленинским призывом бесспорно может лучше выполнить свои очередные задачи работы в деревне. Партия, все более укрепляющаяся новыми притоками пролетарских сил, может и должна теперь больше и больше уделять внимания деревне, крестьянским массам. Этим партия будет выполнять один из самых важных для нашей эпохи заветов Ленина.

Ленинские заветы о крестьянстве наша партия и все рабочие должны особенно крепко помнить. В настоящий момент эти заветы ленинизма имеют решающее значение. Партия могуче укрепила свои связи с рабочим классом через ленинский призыв и дальнейшие пролетарские пополнения. Партии необходимо теперь как можно больше укрепить доверие к себе, ко всей своей политике в крестьянских массах.

Ошибки в крестьянском вопросе теперь особенно опасны с точки зрения ленинизма. Борьба с троцкизмом в настоящее время есть прежде всего борьба с ошибками в вопросе о крестьянстве. Поэтому эта борьба так необходима, поэтому подмена ленинизма троцкизмом имела бы гибельные последствия. Ленинский призыв вошел в нашу партию под знаком полного доверия к ленинской политике и к ленинизму. Ленинский призыв и дальнейшие пролетарские пополнения в партии должны еще больше укреплять партию во всем ее ленинском курсе политики. Ленинизм был и останется определяющей основой всей нашей внутренней и международной политики. Ленинизм, опирающийся на такую партию, как наша, на партию, растущую за счет всех лучших сил рабочего класса, на партию, которая неуклонно добивается все большего доверия во все более широких крестьянских массах,—этот ленинизм подлинно лучшее оружие рабочего класса в победоносной борьбе за коммунизм.

Н. КРУПСКАЯ.

9-е января и Ленин.

Революционное движение в России нарастало с такой силой, что было несомненно, что страна стоит перед событиями громадной важности. В руках меньшевиков была «Искра», через посредство которой они могли обращаться к массам. Но для большевиков было ясно, что меньшевики поведут массы не по тому пути, по которому надо, что они будут больше ориентироваться на либеральную буржуазию, чем на революционный народ, что они не сумеют надлежащим образом связать дело рабочего класса с делом освобождения всех угнетенных. У большевиков же своего органа, через который они могли бы выяснить массам, как надо действовать, не было. Вопрос был слишком важен,—на карте стояла победа революции,—и потому большевики нарушили устав и организовали свой большевистский орган «Вперед». В редакцию его входили, кроме Ленина, Ольминский, Воровский и Луначарский. Уже во 2 номере «Вперед» Владимиру Ильичу пришлось давать оценку такому факту, как падение Порт-Артура, а в № 4 писать о событиях 9 января. Весть о событиях 9 января долетела до Женевы на следующее утро. Мы с Владимиром Ильичем шли в библиотеку и по дороге встретили шедших к нам Луначарских. Запомнилась фигура жены Луначарского, Анны Александровны, которая не могла говорить от волнения и лишь беспомощно махала муфтой. Мы пошли туда, куда инстинктивно потянулись все большевики, до которых долетела весть о питерских событиях,—в эмигрантскую столовку Лепешинских. Хотелось быть вместе. Собравшиеся почти не говорили между собой, слишком все были взволнованы. Запели «Вы жертвою пали...», лица были сосредоточены. Всех охватило сознание, что революция уже началась, что порваны путы веры в царя, что теперь совсем уже близко то время, когда «падет произвол и восстанет народ, великий, могучий, свободный...»

Мы зажили той своеобразной жизнью, какой жила в то время вся женевская эмиграция: от одного выпуска местной газеты «Трибуны» до другого.

Все мысли Ильича были прикованы к России. Вскоре приехал в Женеву Гапон. Попал он сначала к эсерам, и те старались изобразить дело так, что Гапон «их» человек, да и все рабочее движение Питера также дело их рук. Они страшно рекламировали Гапона, восхваляли его. В то время Гапон стоял в центре всеобщего внимания, и английский «Times» (газета «Время») платил ему бешеные деньги за каждую строку.

Через некоторое время после приезда Гапона в Женеву к нам пришла под вечер какая-то эсеровская дама и передала Владимиру Ильичу, что его хочет видеть Гапон. Условились о месте свидания, на нейтральной почве, в кафе. Наступил вечер. Ильич не зажигал у себя в комнате огня и шагал из угла в угол.

Гапон был живым куском нараставшей в России революции, человеком, тесно связанным с рабочими массами, беззаветно верившими ему, и Ильич волновался этой встречей.

Один товарищ недавно возмутился: как это Владимир Ильич имел дело с Гапоном!

Конечно, можно было просто пройти мимо Гапона, решив наперед, что от попа не будет никогда ничего доброго. Так это и сделал, например, Плеханов, принявший Гапона крайне холодно. Но в том-то и была сила Ильича, что для него революция была живой, что он умел всматриваться в ее лицо, охватывать ее во всем ее многообразии, что он знал, понимал, чего хотят массы. А знание массы дается лишь соприкосновением с ней. Как мог пройти Ильич мимо Гапона, близко стоявшего к массе, влиявшего так на нее!

Владимир Ильич, придя со свидания с Гапоном, рассказывал о своих впечатлениях. Тогда Гапон был еще обвеян дыханием революции. Говоря о питерских рабочих, он весь загорался, он кипел негодованием, возмущением против царя и его приспешников. В этом возмущении было немало наивности, но тем непосредственнее оно было. Это возмущение было созвучно с возмущением рабочих масс. «Только учиться ему надо,—говорил Владимир Ильич.—Я ему сказал: «Вы, батенька, лести не слушайте, учитесь, а то вон где очутитесь,—показал ему под стол».

8 февраля Владимир Ильич писал в № 7 «Вперед»: «Пожелаем, чтобы Георгию Гапону, так глубоко пережившему и перечувствовавшему переход от воззрений политически бессознательного народа к воззрениям революционным, удалось доработаться до необходимой для политического деятеля ясности революционного миросозерцания».

Гапон никогда не доработался до этой ясности. Он был сыном богатого украинского крестьянина, до конца сохранил связь со своей семьей, со своим селом. Он хорошо знал нужды крестьян, язык его был прост и близок серой рабочей массе; в этом его происхождении, в этой его связи с деревней, может быть, одна из тайн его успеха; но трудно было встретить человека, так насквозь пропитанного поповской психологией, как Гапон. Раньше он никогда не знал революционной среды, а по натуре своей был не революционером, а хитрым попом, шедшим на какие угодно компромиссы. Он рассказывал как-то: «Одно время нашли на меня сомнения, поколебалась во мне вера. Совсем расхворался, поехал в Крым. В то время был там старец, говорили, святой жизни. Поехал я к нему, чтобы в вере укрепиться. Пришел я к старцу у ручья народ собравшись, и старец молебен служит. В ручье ямка, будто конь Георгия Победоносца тут ступил. Ну, глупость, конечно. Но думаю, не в этом дело. Вера у старца глубока. Подхожу после молебна к старцу благословиться. А он скидает ризу да говорит: «а мы тут лавку свечную поставили, наторговали сколько!» Вот те и вера! Еле живой и домой дошел. Был у меня приятель тогда, художник Верещагин, говорит: «брось священство!» Ну, подумал я: сейчас на селе родителей уважают, отец старшина, ото всех почет, а тогда станут все в глаза бросать: сын расстрига! Не сложил я сана».

В этом рассказе весь Гапон.

Учиться он не умел. Он уделял немало времени, чтобы учиться стрелять в цель и ездить верхом, но с книжками дело у него плохо ладилось. Правда, он по совету Ильича засел за чтение плехановских сочинений, но читал их как бы по обязанности. Из книг Гапон учиться не умел. Но не умел он учиться и из жизни. Поповская психология застилала ему глаза. Попав вновь в Россию, он скатился в бездну.

В Женеве Гапон стал часто заходить к нам. Много рассказывал. Владимир Ильич внимательно слушал, стараясь в его рассказах уловить черты надвигавшейся революции.

Запомнилась мне такая сценка. Однажды Гапон попросил Владимира Ильича прослушать написанное им воззвание, которое он начал с большим пафосом читать. Воззвание было переполнено проклятиями царю. «Не нужно нам царя», говорилось в воззвании, «пусть будет один хозяин у земли—бог, а вы все у него будете арендаторы!» (в то время крестьянское движение еще шло как раз по линии борьбы за понижение арендной платы). Владимир Ильич расхохотался,—больно уж наивен был образ, а, с другой стороны, очень уж выпукло выступило то, чем Гапон был близок массе: сам крестьянин, он разжигал у рабочих, наполовину еще сохранивших связь с деревней, исконную затаенную жажду земли.

К этому времени как раз относится у Владимира Ильича перемена его программных взглядов на крестьянское движение. Раньше, в борьбе с народниками, игнорировавшими рабочее движение, не понимавшими, какую решающую роль сыграет рабочий класс в борьбе за социализм, а возлагавшими все надежды на мужика, Владимир Ильич говорил прежде всего о революционной роли рабочего класса. Ему казалось тогда, что стремление крестьян захватить всю землю—утопично, неосуществимо при развивающемся капитализме и что нужно поэтому поддерживать лишь осуществимое и при капитализме требование возвращения отрезков, т.-е. земель, служащих для крепостнически-кабальной эксплоатации (отрезанных у крестьян в 1861 г.). В 1902 г.—1903 г. Владимир Ильич еро защищал и провел пункт программы партии, говорящий об отрезках. Однако, когда стало развертываться широкое крестьянское движение, Владимир Ильич усомнился в правильности этого пункта. В 1907 г. в статье «Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905—1907 г.г.» Владимир Ильич писал: «такое примерное отделение (земель, служащих для крепостнически-кабальной и служащих для капиталистической эксплоатации) было совершенно ошибочно, ибо на практике движение крестьянских масс не могло направляться против особых разрядов помещичьих земель, а только против помещичьего владения вообще». (Т. XI, стр. 474). Эта мысль, отчетливо формулированная Владимиром Ильичем в 1907 г., зародилась в нем гораздо раньше, ясно оформилась именно в начале 1905 г. В марте и апреле 1905 г. он в статьях во «Вперед» развертывает свою оценку крестьянского движения. На третьем с'езде, в мае 1905 г., Владимир Ильич уже предлагает пункт об отрезках вынести из программы в комментарий и проводит резолюцию о поддержке революционных мероприятий крестьянства, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель. Наивно формулированный Гапоном лозунг «вся земля народу» натолкнул Владимира Ильича на целый ряд новых мыслей.

Смех Владимира Ильича смутил Гапона. «Может не так что,—сказал он,—скажите, я поправлю». Владимир Ильич сразу стал серьезен. «Нет,—сказал он,—это не выйдет, у меня весь ход мысли другой, пишите уже своим языком, по-своему».

Вспоминается другая сцена. Дело было уже после третьего с'езда, после восстания «Потемкина». Потемкинцы были интернированы в Румынии, страшно бедствовали. Гапон в то время получал много денег,—и за свои воспоминания, и пожертвования ему всякие передавали на дело революции,—он целыми днями возился с закупкой одежи для потемкинцев. Приехал в Женеву один из самых видных участников восстания на Потемкине—матрос Матюшенко. Он сразу сошелся с Гапоном, ходили они неразлучно.

В то время приехал к нам парень из Москвы (я не помню уж его клички), молодой краснощекий приказчик из книжного склада, недавно ставший социал-демократом. Привез поручение из Москвы. Парень рассказал, как и почему он стал социал-демократом, а потом стал распространяться, почему правильна программа социал-демократической партии и излагать ее—с горячностью вновь обращенного—пункт за пунктом. Владимиру Ильичу стало скучно и он ушел в библиотеку, оставив меня поить парня чаем и выуживать из него, что можно. Парень продолжал излагать программу. В это время пришли Гапон и Матюшенко. Я было и их собралась поить чаем, да парень в это время дошел как раз до изложения «отрезков». Услыша изложение этого пункта, при чем парень стал доказывать, что дальше борьбы за отрезки итти крестьяне не должны,—Матюшенко и Гапон вскипели: «Вся земля народу!»

Не знаю, до чего бы дело дошло, если бы не пришел Ильич. Быстро разобравшись о чем идет спор, он не стал говорить по существу, а увел Гапона и Матюшенко к себе. Я постаралась поскорее сплавить парня.

На декабрьской таммерфорской конференции Ильич внес предложение: пункт об отрезках вовсе выбросить из программы.

9 января во весь рост поставило вопрос о вооруженном восстании. Никто этот вопрос не продумал с такой настойчивостью и силой, как Владимир Ильич. О вооруженном восстании толковал и Гапон.

Вскоре по приезде он выступает с проектом боевого соглашения революционных партий. В № 7 «Вперед» (от 8 февраля 1905 г.) Владимир Ильич дает оценку предложения Гапона и подробно освещает весь вопрос о боевых соглашениях.

Гапон взял на себя задачу снабдить питерских рабочих оружием. Я уже говорила выше, что в распоряжение Гапона поступали всякого рода пожертвования. Он закупал в Англии оружие. Наконец, дело было слажено. Найден был пароход—«Графтон», капитан которого согласился везти оружие и сгрузить его на одном из островов неподалеку от русской границы. Не имея представления, как ведутся нелегальные транспортные дела, Гапон представлял себе дело гораздо проще, чем оно было в действительности. Чтобы организовать дело, он взял у нас нелегальный паспорт и связи и отправился в Питер. Владимир Ильич видел во всем предприятии переход от слов к делу. Оружие нужно рабочим во что бы то ни стало. Из всего предприятия, однако ничего не вышло. «Графтон» сел на мель, и вообще под'ехать к намеченному острову оказалось невозможным. Но и в Питере Гапон ничего не смог сделать. Ему пришлось скрываться в убогих квартирах рабочих. Пришлось жить под чужим именем, все сношения были страшно затруднены, адреса эсеров, где надо было условиться о приеме транспорта, оказались мифическими. Только большевики послали на остров своих людей. На Гапона все это произвело ошеломляющее впечатление. Жить нелегально, впроголодь, никому не показываясь, совсем не то, что выступать, ничем не рискуя, на тысячных собраниях. Налаживать конспиративную доставку оружия могли лишь люди совершенно иного революционного закала, чем Гапон, готовые итти на всякую безвестную жертву...

Приехал Гапон совершенно растерянный, совершенно выбитый из колеи...

К этому времени Владимир Ильич уже перестал интересоваться Гапоном: движение в России ушло далеко вперед, 9 января, Гапон—все это стало уже пережитым прошлым, революция вступила в свой дальнейший этап, в котором Гапону не было уже места.

Мы организовались при царе в пределах тысяч, при Керенском—в сотнях тысяч. Но это ничего, это в политике мелочь,—она не считается. Это была подготовительная работа, это был подготовительный класс. И пока передовые рабочие не научатся организовывать в широком масштабе, до тех пор они не социалисты и не творцы социалистического общества, и необходимых знаний организации они не приобретут.

(Том XV, стр. 240).

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.

Большевик.

Пройдут века. Но не коснется тленье
Великой памяти о мне и о станке.
Свой радостный рассказ о человеке
«Ленин»
Начнет и кончит мир
Словами
О рабочем,
Большевике.

Оглядывая жизнь, глазища поколений
В себе отыщут часть
От каждого из нас.

Когда же мир сольет потоки наших
глаз,
Он улыбнется,—мир,—
И скажет:
— Это
ЛЕНИН.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

Ленин и ленинградские рабочие *).

...«Как авангард революционных рабочих и солдат, как авангард трудящихся масс России и всего мира, петроградские рабочие первые свергли власть буржуазии и подняли знамя пролетарской революции против капитализма и империализма».

(Из письма В. И. Ленина петроградским рабочим 5-го ноября 1919 г.).

Как истинный пролетарский вождь, Владимир Ильич чувствовал рабочего и в Париже, и в Кракове, и в Цюрихе, и в Москве—всюду, где ни пришлось бы тов. Ленину жить. Но особенно близким, особенно родным и психологически понятным мы сказали бы—созвучным для В. И. Ленина, несомненно, был петроградский рабочий. Кто внимательно читал В. И. Ленина, кто слышал его личные замечания о питерском пролетарии, тот знает, что В. И. был буквально влюблен в петроградского рабочего.

Среди питерских рабочих началась политическая деятельность тов. Ленина, как крупного руководителя, как будущего вождя русской революции (Союз Борьбы за освобождение рабочего класса в середине 90 годов). Здесь тов. Ленин пишет свои первые «экономические» прокламации к рабочим и работницам фабрики Торнтона, ко всем петербургским рабочим и т. д. Здесь собирается первый материал с фабрик и заводов для знаменитой брошюры т. Ленина «О штрафах». Среди питерских рабочих тов. Ленин переживал первую революцию—1905 г. И здесь, на примере первого Совета Рабочих Депутатов тов. Ленин начинает постигать и формулировать будущую всемирную историческую роль Советов. Среди петроградских рабочих тов. Ленин делает свое первое публичное выступление на широкой массовой легальной арене (знаменитое выступление Ленина—«Карпова» в доме Паниной). В письме к питерским рабочим тов. Ленин особенно блестяще формулирует расхождение большевизма с меньшевизмом после поражения революции 1905 г. (известное письмо к петербургским рабочим после стокгольмского с'езда партии: тов. Ленин был в Стокгольме делегатом петербургских рабочих). Здесь тов. Ленин завербовывает из гущи рабочей массы таких своих учеников, как Бабушкин, Шелгунов, впоследствии М. И. Калинин, М. Томский, А. П. Смирнов и многие, многие другие. И здесь же в октябре 1917 года тов. Ленин ведет в решающий бой главную фалангу российского пролетариата. Питерские рабочие первые пошли в огонь за своим вождем и учителем...

Есть, несомненно, какое-то непрерывное глубоко интимное взаимодействие между тов. Лениным и ленинградскими рабочими. Многое тов. Ленин берет у них, но еще больше тов. Ленин возвращает им. Ленин учит, прежде всего, ленинградских рабочих и в то же самое время учится у них. В знаменитом письме к питерским рабочим о голоде (май 1918 г.) тов. Ленин говорит:

«...И вот почему я позволяю себе обратиться с письмом к вам, товарищи, питерские рабочие. Питер—не Россия. Питерские рабочие—малая часть рабочих России. Но они—один из лучших, передовых, наиболее сознательных, наиболее революционных, наиболее твердых, наименее податливых на пустую фразу, на бесхарактерное отчаяние, на запугивание буржуазией отрядов рабочего класса и всех трудящихся России. А в критические минуты жизни народов бывало не раз, что даже немногочисленные передовые отряды передовых классов увлекали за собою всех, зажигали огнем революционного энтузиазма массы, совершали величайшие исторические подвиги».

Здесь ключ к ленинской оценке ленинградских рабочих. Главные свойства ленинградских рабочих по Ленину: 1) наиболее сознательные, 2) наиболее революционные, 3) наиболее твердые, 4) наименее податливые на пустую фразу, 5) наименее податливые на бесхарактерное отчаяние, 6) наименее податливые на запугивание буржуазией. Таков ленинградский рабочий в представлении Ленина.

И это правда. Ленинградский рабочий именно таков. Хладнокровие, решимость, золотые организаторские таланты, богатейший политический и организационный опыт и житейская мудрость, глубочайший внутренний энтузиазм, об'единившийся с величайшим пролетарским реализмом; горячее сердце революционера, ясная голова политического вождя, твердая рука пролетарского организатора—таковы те свойства, которые одинаково характерны для коллективного ленинградского пролетария и самого тов. Ленина.

«Героизм длительной и упорной организационной работы в общегосударственном масштабе неизмеримо труднее, зато и неизмеримо выше, чем героизм восстаний». Эти слова В. И. Ленин обращает к ленинградским рабочим в одном из своих писем к ним. [illegible] нет в нашем Союзе ни одного пролетарского отряда, который лучше оправдал бы эти слова тов. Ленина, чем ленинградские рабочие. Питерские рабочие—пролетарский отряд, несущий теперь с такой гордостью имя величайшего из пролетарских вождей—показал себя поистине несравненным, когда дело шло о «героизме восстаний». Но он был бы недостоин имени Ленина, если бы не показал такого же несравненного героизма в длительной, упорной организационной работе.

Ленин чувствовал петроградского рабочего, как никто. И в самые тяжкие годы разрухи верил в то, что питерские рабочие обнаружат героизм и в области длительной, упорной строительной работы. Теперь мы в это не только уже верим, мы это знаем.

«Одно из величайших, неискоренимых дел октябрьского—советского—переворота состоит в том, что передовой рабочий, как руководитель бедноты, как вождь деревенской трудящейся массы, как строитель государства труда, пошел в «народ». Тысячи и тысячи лучших работников отдал деревне Питер». Так писал тов. Ленин в 1918 г. И какие бы новые трудности ни надвигались, первые, к кому обращал свое слово тов. Ленин, всегда были питерские рабочие.

«Отряды и отряды! Используйте победу на перевыборах. Если питерцы двинут тысяч 10—20 в Тамбовскую губ. и на Урал и т. п.,—и себя спасут, и всю революцию, вполне и наверное. Урожай гигантский. Дотянуть только несколько недель». (Из письма ко мне от 26 июня 1918 г.).

«Сейчас получились известия, что Алексеев на Кубани, имея до 60 тысяч, идет на нас, осуществляя план соединенного натиска чехо-словаков, англичан и алексеевских казаков. В виду этого... настаиваю... на высылке из Питера количестве большего числа рабочих...» (Из письма ко мне от 27 июля 1918 г.).

«Надо все усилия приложить, чтобы двинуть из Питера тотчас сотни агитаторов в деревни. Перед с'ездом советов это сугубо важно, а вся военная и продовольственная ситуация требует этого еще настоятельнее». (Так пишет мне тов. Ленин в письме от 14 июня 1918 г.).

«Нельзя ли составить в Питере инициативную группу рабочих для подбора 300—600 питерских рабочих, с серьезнейшими рекомендациями от партии и от профсоюзов, для рассылки по одному, по два в уисполкомы всей России... Без группы таких, абсолютно надежнейших и опытных питерских рабочих, нам с деревней не добиться прочного улучшения». (Из письма ко мне от 30 апреля 1919 г.).

«Положение на восточном фронте крайне ухудшилось. Сегодня взят Колчаком Воткинский завод, гибнет Бугульма; видимо, Колчак еще подвинется вперед. Опасность грозная. Мы проводим сегодня в Совете Народных Комиссаров ряд экстренных мер помощи восточному фронту, поднимаем усиленную агитацию. Мы просим питерских рабочих поставить на ноги все, мобилизовать все силы на помощь восточному фронту... Я уверен, товарищи, что питерские рабочие покажут пример всей России». (Из телеграммы тов. Ленина от 10 апреля 1919 г.).

«Газеты уже сообщили, что рабочие Петрограда начали усиленную мобилизацию и отправку лучших работников на южный фронт... Его (Петрограда) примеру должны последовать рабочие и в других промышленных центрах».

«В Петрограде рабочим давно уже приходится нести на себе еще больше тягот, чем рабочим в других промышленных центрах. И голод, и военная опасность, и вытягивание лучших рабочих на советские должности по всей России—от всего этого питерский пролетариат страдал больше, чем пролетариат других мест. И все же мы видим, что ни малейшего уныния, ни малейшего упадка сил среди питерских рабочих нет. Наоборот, они закалены. Они нашли новые силы. Они выдвигают свежих борцов. Они превосходно выполняют задачу передового отряда, посылая помощь и поддержку туда, где она более всего требуется». (Из письма тов. Ленина от 3 октября 1919 г.).

«Товарищи рабочие. Возьмитесь все за новую работу по примеру петроградских товарищей... За Питером тронулась Москва. За Москвой должны тронуться остальные». («Известия ВЦИК», 4 октября 1919 г.).

«Первого привета заслуживают петроградские рабочие, как авангард революционных рабочих и солдат, как авангард трудящихся России и всего мира». (Из приветствия тов. Ленина ко 2-й годовщине советской власти).

С такой же настойчивостью В. И. указывает на образец ленинградских рабочих в деле создания продовольственных пролетарских отрядов, в деле создания рабочих столовых, в вопросе о чистке партии и в целом ряде других работ.

Неутомимо настаивал тов. Ленин на том, чтобы тысячи и десятки тысяч питерских рабочих шли в «народ», в деревню, в Красную армию, в продовольственные отряды, в уисполкомы, в хозяйственные и административные органы. Но он же был первым, который поставил вопрос о поднятии питерской промышленности и, в частности, о создании Волховстроя, как только выяснилось, что мы приближаемся к окончанию гражданской войны. Какою радостью переполнилось бы сердце В. И. теперь, если бы он мог видеть, как вновь оживает промышленность первого города нашей революции, как вновь в Ленинград собираются десятки и десятки тысяч лучших рабочих Союза Республик, собирается пролетарская гвардия, как оживают фабрики и заводы Ленинграда—те самые фабрики и заводы, которые почти все вписали славнейшие страницы в историю пролетарской революции.

Ленинградские рабочие так были, как и остались политически наиболее чутким отрядом пролетарской армии. Один пример. Казалось бы, ленинградские рабочие, менее других связанные с деревней, могли бы оказаться не первыми в вопросе об установлении связи с крестьянами. Ленинградский рабочий, это—«сотомственный» пролетарий. Если есть у нас в Союзе Республик группы рабочих, которые в течение уже целого поколения являются городскими пролетариями, мало связанными с деревней, то это именно ленинградские рабочие. Не было бы особенно удивительным, если бы в данном случае их сила превращалась в их слабость, т.-е., если бы вопрос о смычке с крестьянством двигался здесь медленнее, чем в тех центрах, где рабочие более непосредственно связаны с деревней. А между тем, дело оказалось наоборот. Политическая чуткость ленинградского рабочего подсказала ему необходимость и в этом вопросе быть первым. Это потому, что питерский рабочий был, остался и останется именно таким, каким считал его и каким не раз характеризовал его тов. Ленин.

Авангард в авангарде—таким считал тов. Ленин ленинградских рабочих. «Авангард трудящихся масс России и всего мира»! Оправдать эту оценку тов. Ленина каждый ленинградский рабочий считает долгом чести. А что при этом ленинградские рабочие и их организации не зазнаются, не заражаются чванством, что они готовы учиться у каждого другого отряда пролетариев,—за это ручается все революционное прошлое Ленинграда.

Как трудно произносилось слово «Ленинград» еще год тому назад! Оно казалось необычным. А с каким благоговением произносят это слово широкие круги рабочих Ленинграда теперь! Когда в первые дни переименования Петрограда в Ленинград тому или другому рабочему на заседании случалось, оговорившись, употребить старое название, он с глубоким внутренним волнением быстро поправлялся, и чувствовалось, что для него тут дело идет не только о слове. Без всякого преувеличения: теперь с величайшей гордостью рабочие, работницы и все трудящиеся Ленинграда называют свой город городом Ленина. Идеи Ленина становятся и в значительной мере стали уже достоянием миллионов и миллионов пролетариев всего мира. Ленинградские рабочие видят свою гордость в том, чтобы быть не последними в общей пролетарской семье, чтобы оправдать те лестные характеристики, которые не раз давал им тов. Ленин,—человек, который был скуп на похвалы.

Спокойная уверенность в правоте нашего дела; незыблемая твердость именно в минуты наибольшей опасности; сознание того, что теперь хозяева страны—рабочие, наш класс (и в том числе питерские рабочие, как частица нашего класса); безграничная любовь к партии и гордость за партию; полная уверенность в том, что в любом вопросе рабочего движения, партийной жизни, революционной борьбы «наш Питер» — неиссякаемый источник пролетарского опыта; и вместе с тем готовность учиться у каждого другого пролетарского отряда, «жадность» к этому учению,—вот черты ленинградского рядового рабочего-партийца. Именно эти черты давали возможность питерскому рабочему проявить такую изумительную стойкость и верность себе и в июльские дни, и в дни наступлений Юденича, и в дни Октября, и в дни Кронштадта, и в годы голода, и в годы строительства, и в Красной армии, и в смычке с деревней, и в партийных дискуссиях, и в подъятии молодняка.

— Нет лучше питерского рабочего!—Сколько раз слыхали мы эти слова из уст Владимира Ильича...

Ленин и ленинградские рабочие—эта глава в свое время будет разработана с особой подробностью, и это будет одна из самых интереснейших глав одновременно и в биографии тов. Ленина, и в истории великой пролетарской революции в нашей стране.

*) Из предисловия к готовящейся к печати книге «Ленин и ленинградские рабочие».

Н. ОСИНСКИЙ.

Солнце сияет.

Одно из самых прекрасных и трогательных явлений в жизни борющегося за лучшее будущее класса есть светлая и горячая память о тех, кто умер ради великого общего дела, ради блага грядущих поколений, память, которая остается жить в этих поколениях. Даже не нужно для этого быть великим и гениальным. Не преувеличивая нимало, можно сказать, что все мы помним горячо, светло, радостно, с огромною любовью о всех погибших за дело рабочей революции, даже когда не знаем их имен. Кто был убит в Сибирской тайге случайной пулей. Кто рыл себе сам могилу перед взводом деникинских офицеров на юге России. Кто был повешен на фонарном столбе в Ростове. Кто был замучен «пробуждающимися венграми» (такова, кажется, приятная кличка) в Будапеште. Кому в голову вбивали гвозди бандиты Цанкова. Всех их мы помним, всех по-одиночке. Все были славные товарищи, настоящие бойцы, все умерли за то, чтобы нам жить лучше и краше, детям нашим, внукам нашим—всему человечеству. Они умерли,—а бессмертны: никогда не забудут их свободные люди будущего.

Если хотите испытать прекрасное и трогательное чувство,—пойдите и посмотрите на ленту «Дворец и крепость» или на пьесу «1881 год». Не в ленте и пьесе дело, а дело в том, какими рукоплесканиями разражаются мальчики и девочки с красными платочками на спине, юноши и девушки в кожаных куртках и в меховых шапках с наушниками. Выходят на ленте: Перовская, Желябов, Кибальчич. Гриневецкий бросает свою бомбу. Все они умерли давно, навсегда. А когда они выходят на мертвом полотне или в мертвом актерском гриме,—вот они, милые наши, и никогда они не умирали! И гром аплодисментов,—а ведь кто может их принять—не белый ли экран? Гром аплодисментов, потому что, когда стояли под виселицей Перовская, Желябов, Кибальчич, они слышали этот грохот вдали, и этот же грохот слышал Гриневецкий в громе своей бомбы.

Но ведь это только Перовская, Желябов, Гриневецкий, которые убили одного царя и не добились этим ничего, которые не подымали еще рабочих и крестьян в атаку не только на царизм в целом, но и на капитализм в целом. Которые настоящего врага еще не распознали точно и способов борьбы с ним не знали точно.

А вот умер Ленин. Умер оттого, что сосуды не могли жить так долго, как жил его мозг. Оттого, что не мог в этой человеческой единице мозг скомандовать сосудам: равняйтесь по мне, еще не кончена работа—не моя работа, черт возьми, работа миллионов, не ради меня, ради революции!

Умер Ленин—ничего не поделаешь, так оно и есть, умер физически. А память о нем осталась—громадная, сияющая снопами света, пышущая жаром, как солнце. Кто умер год назад? Не человек, бросивший бомбу в царя в 1881 году, а тот, кто вел массы в поворотные годы—поворотные для многих веков. В те годы, с которых начинается новая эпоха в истории людей. Огромная, старая Россия ждала этого времени сотни лет. Поколение за поколением штурмовали неприступные стены, каменные казематы самодержавия, феодализма, потом капитализма. И вот—«пришел настоящий день». Он загорелся для России и для Запада, куда солнце приходит позже, тоже был рассветом. Как часто загорался было этот свет в прошедшие дни и в Европе, и в России—и как быстро он гас—потому что массы, выходя на бой, не знали, куда итти, или кто шел в голове, не знал, куда когда повернуть, и попадал в капкан, под картечь, под разгром от старых генералов. Не вожди были в этом повинны в первую очередь, а то, что в массах не созрела еще полная воля и ясное сознание, зачем и куда итти: не научила их этому до конца сама жизнь, материальная среда.

Но если бы все созрело в массах, а надлежащего вождя не было,—сколько лишних жертв, страданий, годов все это бы потребовало! И не было бы такого огромного под'ема, усиливающего натиск, и такого чувства полноты и радости, что в этот настоящий день все делается так, как завещано поколениями погибших бойцов.

Ленин есть полное, неограниченное, цельное, поднятое до высшего напряжения—воплощение лучших заветов российской и международной пролетарской борьбы. В этом суть, в этом гвоздь, вбитый в века. Это—надлежащий человек на надлежащем месте в тот самый момент, когда творилась прекраснейшая страница революционной истории.

Он был человек, который все, что было нужно, знал. Надо было знать методологию науки—он ее знал, знал верно и точно; надо было знать теорию экономии, алгебру социальных отношений—он это знал верно и точно; надо было знать историю и практику мирового и русского хозяйства, особенно хозяйства деревенского—он это знал верно и точно; надо было знать историю революционного движения в России и за границей—он это знал верно и точно; надо было знать стратегию и тактику народной революции—он это знал верно и точно.

Он был человек, который все, что было нужно, *видел и слышал*. Можно многое знать, но не уметь видеть и слышать, видеть и слышать на расстоянии, кругом, впереди и позади. Можно не уметь слышать шорох жизни или даже видеть и слышать его, но не впитывать в себя: не иметь «здравого смысла», чтобы впитать все то обыкновенное, совершающееся мелкими долями в миллионах, но нарастающее и всегда составляющее миллионные величины в итоге. Все это Ленин видел и слышал верно и точно. Словно был он рядовой рабочий или рядовой крестьянин, словно был он рядовой массовик своими чувствами, а знающий человек своим умом.

Наконец, он был человек, который хотел и умел. Опять-таки можно и знать, и видеть, а хотеть и уметь не быть способным. В Ильиче лежала огромная воля, пружина которой никогда не ослабевала. Что бы и когда бы ни сжимало эту пружину, она никогда не ломалась и не слабела, а только напрягалась все крепче. Сколько мы знаем революционеров, у которых эта пружина ослабела под давлением испытаний и времени. Ленин же и умер все с той же волей. И физическая слабость не одолела ее нисколько; так он и ушел в могилу, не сдавшись. И воля была такова, что не давила только в одну какую-нибудь сторону, но могла менять направление, а если нужно, то как будто и замирать: но всякому бывало ясно, что ничто не замерло в великом революционере—это он ждет, это он жертвует пространством, чтобы выиграть время. Ведь он не только хочет, но он еще и умеет. Он знает, видит, слышит, хочет и умеет—всегда в полной связи, никогда без перевеса чего-либо одного.

Вот такой человек умер год назад. Он был достоин русской рабочей революции, и она была его достойна. Она без него не умрет, ибо в существенном уже победила. Но и он, из нее выраставший, не умрет. Не только потому, что верно и точно, как всегда, научил рабочих и крестьян как делать успешные революции. Не только потому, что его ученики научат тому же новых учеников—и что все будущие бойцы будут начинать с Ленина, продолжать с ним и побеждать с ним. Но потому еще, что он сияет нам из прошлого, как солнце, как, может быть, лучший человек, который когда-либо жил, как славный товарищ и настоящий боец—первый из фаланги погибших товарищей и бойцов,—как тот, кто вел нас в незабвенные годы и был надлежащим человеком в надлежащее время в надлежащем месте. А это время было—первая рабочая революция, а это место было—Республика Советов.

Мы слышим отдаленный гул молодых и старых голосов, бурю плещущих рук, миллионы поющих победные гимны людей, шелест тысяч колыщащихся знамен и шаг народных толп, проходящих перед трибунами: это будущие люди славят вечную память Ленина!

Г. КРЖИЖАНОВСКИЙ.

Все о нем же.

Говорят, что наилучший целитель—это время. Вот уже истек год со дня кончины Владимира Ильича, а время оказалось плохим целителем. Все так же больно думать, что его уже нет и не может быть с нами.

«Неповторяемость» В. И., между прочим, в его многогранности. Неправильно было бы выхватить в нем одну черту и сказать: *вот он, весь тут*. Здесь некоторая параллель с его внешностью, такой с первого взгляда простой, состоящей из комплекса таких, казалось бы, обычных, рядовых черт и черточек. А в сумме своей вот эти именно простые черты и черточки создают то своеобразное и неповторяемое единство, которое озарено совершенно особой, необычайной привлекательностью. Быть может, поэтому почти никому из художников не удаются его портреты. Гораздо легче было бы рисовать лицо, в котором что-нибудь одно являлось решающим и определяющим.

Однако, когда начинаешь подытоживать потери, которые мы понесли с кончиной В. И., невольно выдвигаешь на первый план одно обстоятельство. Невольно вспоминаешь те слова, которые говорил Ф. Энгельс по поводу кончины Маркса, когда он отмечал, что с уходом Маркса с поля жизни ушел единственный непререкаемый авторитет, почти тот центр, к которому с такой естественной и все возрастающей силой тянулись за советами и указаниями в трудные минуты борьбы за пролетарское дело. Конечно, говорил Энгельс, поступь надвигающейся пролетарской революции не остановится от кончины Маркса, но кто в силах прибавить ей в такой мере уверенный шаг, как это мог сделать К. Маркс?

На наших глазах учение ленинизма все более и более глубоко внедряется в самую толщу мирового пролетариата. Братские коммунистические партии разных стран все более и более отчетливо строят свои ряды по указаниям той боевой дисциплины, которая завещана учением и деятельностью тов. Ленина. Но ведь жизнь, и особенно жизнь XX века, отмечена такой кипучей динамикой, что ни одно учение не может исчерпать этой живой диалектики какими-нибудь застывшими и законченными формулами. В ленинизме мы ищем не готовые решения, а самый метод их нахождения. Ленинизм—это иллюстрация в рамке грандиозных исторических событий приложимости учения Маркса и Энгельса к разрешению самых острых, самых насущных вопросов пролетарской революционной борьбы. Но нет такой гениальной иллюстрации, которая могла бы заменить ее творца. Нет никого, кто бы в той же степени, как В. И., мог содействовать уверенности наших шагов на нашем неслыханно трудном пути.

Для лиц, близко стоявших к В. И. в последние годы его жизни, было ясно, что деятельно борясь с физическим недугом, он чувствует себя накануне ухода. Помню, как больно резнула меня по сердцу одна его записка, набросанная еще задолго до последнего кризиса болезни, в которой я прочел фразу: «когда меня не будет...».

Страницы его дневника, помещенные в ряде статей в «Правде»,—ведь это подлинное завещание продолжателям его дела. В проникновенной значимости этого завещания мы с каждым днем убеждаемся все более и более.

Крайне необходимо прикопить беседы с В. И. и его указания за последний период его деятельности. Нередко эти указания носили явно программный характер и из суммы воспоминаний отдельных лиц, быть может, могло бы получиться некоторое дополнение к драгоценным страницам дневника.

Приходится сразу оговориться: тяжкая болезнь так явно грызла его силы, что в беседах с ним за последнее время приходилось быть особо осторожным. При первой «передышке» он со свойственным ему *неукротимым пылом бросался в первые* ряды сражающихся, и личные просьбы не могли остановить его на этом пути. При таких условиях все мы, работавшие рядом с ним, естественно стремились обращаться к нему *с минимумом* запросов. Но разве могли укрыться от этого зоркого глаза те запросы, которые ставила сама беспощадная жизнь?

Быть вождем—это значит уметь «считать на миллионы». В. И. в величайшей степени обладал этим искусством жить так, чтобы в *результате* рядом с ним «печатался шаг миллионный». Но В. И. приходилось одновременно «по долгу службы» непрерывно считать и на единицы, а в последнее время считать с *особой напряженностью*, как бы с учетом своего надвигающегося отсутствия. Припоминаю многие беседы с В. И. не о делах, а о лицах, в которых он меня неоднократно поражал удивительно отчетливой характеристикой многих из окружающих его лиц.

В последние годы мы вступаем явным образом в такой период хозяйственного и государственного строительства, когда организационные вопросы вновь надвигаются на нас с особой силой, и В. И., конечно, первому приходилось распутывать их запутанный клубок.

Отвести своевременно каждому свою полочку—забота забот всякого организатора, и легко себе представить, как много сил приходилось тратить В. И. в этом направлении. На ряду с этой своего рода арбитражной работой В. И. все более и более призадумывался над необходимостью поисков новых направлений и в строительстве самого государственного аппарата. В одной из записочек ко мне он пишет, что надо об'явить беспощадную борьбу тому, что он называл «бюрократизмом, хаосом и длинными». Те, кто думает, что В. И. был врагом всякого рода реорганизаций, жестоко ошибаются: он был врагом реорганизационного зуда, но приходится только пожалеть, что болезнь помешала ему вплотную поставить вопрос о реконструкции некоторых государственных органов, явно им намечавшейся.

Вопросы общей производительности нашего труда неизменно продолжали его интересовать в самой высокой степени. В особенности он ценил отчетливое выявление динамики трудовой производительности, сопоставление сведений за ряд лет революционного периода с довоенным временем и, если возможно, то с аналогичными данными заграничного характера. Ко всем этим вопросам он подходил как испытанный материалист. На первый план выдвигалось то, что создает, так сказать, самый железный костяк трудовых процессов. Припоминаю, что в электрическом хозяйстве он особенно ценил возможность с одного распределительного щита регулировать производственный процесс на сотни верст для сотен тысяч участников. Отсюда же явный уклон у В. И. к техническому *перевооружению трудящихся*, его забота о тракторах, тепловозах, новых способах торфодобывания и т. д. Такой же специфический костяк, нервное, целесообразно направляющую величину он видел в *различных формах кооперации* и в том советском аппарате, который на ряду со своей простотой и дешевизной одновременно должен был бы являться контролирующим общественный труд органом *пролетарской воли*.

С величайшей зоркостью он продолжал следить за всем тем, что в той или иной степени предрешало итоги расходов энергии и «волю к труду» миллионов трудящихся города и деревни, неустанно подыскивая союзников в пролетарской борьбе и прослеживая врагов на их коварных путях. До самого последнего времени он со все более и более возрастающим интересом следил за движением революционных сил в колониях и полуколониях Востока. Беседы на все эти темы невольно возникают в моей памяти, когда я пытаюсь суммировать свои последние впечатления от общения с В. И.

Уже *неоднократно* подчеркивалось, что В. И. был самым решительным врагом всякой фразы, всякого позерства. Совершенно так же, как и Маркс, он больше всего ценил в людях их естественную простоту. Но *не только в людях*. Ему определенно претил весь тот тип города и городского уклада, который являлся прямым отражением всего эксплоататорского механизма прежних дней. Он рвался к такой работе, в *результате которой* в ближайший срок можно было бы выровнять пропасть между городом и деревней, и в этом, между прочим,—его расчеты на электрификацию. В одном из *разговоров* на эту тему мы оба с ним пришли к тому заключению, что выставки магазинов больших городов весьма показательны. Настанет пора, когда с этих витрин исчезнут предметы роскоши и обихода немногих, они превратятся в показательные выставки для широких слоев разнообразнейших работников тяжелого физического и умственного труда, и прежде всего для рабочих и крестьян.

Как-то раз, закончив заседание СТО в поздние ночные часы, В. И. предложил мне прокатиться с ним, в виде отдыха, на автомобиле за город. Он выглядел смертельно усталым. Помню, что мы оба беседовали на тему о необходимости решительного отдыха. В. И. с горечью констатировал, как трудно ему где бы то ни было оставаться незаметным. А ведь лучший отдых был бы для него прожить некоторое время вот так попросту, в «нетях», в тесном контакте с людьми труда, в которых он видел всю соль земли.

Ему суждено было найти другой—последний отдых. Однако, мечта его исполнилась: он живет в умах и сердцах этой семьи семьи, не нуждаясь на этот раз в [illegible].

Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.

О методе изложения у Маркса и Ленина*).

В этой статье я хотел бы сказать несколько слов о методе изложения теоретических работ у Маркса и Ленина. Прежде всего бросается в глаза внешняя разница со стороны размера этих работ того и другого. Маркс переходил от небольших работ к об'емистым: от брошюр 40-х годов и начала 50-х к «Капиталу». Ленин, наоборот, от больших трудов, как «Развитие капитализма в России» и «Эмпириокритицизм», к менее об'емистым, заканчивая небольшими брошюрами и статьями. У Маркса довольно длинные расстояния от теоретических построений к практическим выводам, при чем эти выводы часто должен делать сам читатель (а читатель Маркса, как правило, должен быть квалифицированным читателем). У Ленина, наоборот, всякое теоретическое обобщение либо теснейшим образом связано и переплетается с практическими выводами, либо обобщения вырастают непосредственно из практики, как ее завершение на теоретическом поле исследования. Маркс каждое теоретическое положение продумывает до конца, со всеми логическими разветвлениями и всеми мыслимыми вариантами. Иногда его пунктуальность при изложении абстрактно-мысленных частностей кажется даже излишним педантизмом для читателей, не чуждых некоторой теоретической лени. А в целом вся система Маркса — полное теоретическое [illegible] и законченной логической обработки [illegible], ее глубина, богатство содержания и стройность конструкции дополняются совершенно исключительной художественной простотой стиля. Так могли вообще писать только в органические эпохи, когда было время на глубочайшие теоретические исследования и их обработку, когда рука, пишущая о стоимости и о теории прибавочной при капитализме, не содрогалась от революционных бурь и общего [illegible] всего здания капитализма. Так могли писать в эпоху, когда литературная революционная обстановка не торопила с практическими выводами, а практические выводы не торопили теоретическую мысль поскорей кончить свое дело, ограничиваясь лишь самым главным.

Наоборот, Ленин писал в эпоху [illegible]

*) Отрывок из статьи «Маркс и Ленин, как теоретики».

ПРОФЕССОР ОТФРИД ФЕРСТЕР.

Воспоминания о болезни и смерти Ленина.

Исполняется год, как Владимир Ильич Ульянов-Ленин, человек, который, как никто другой, наложил свой отпечаток на всю эпоху, закрыл глаза. Два года длилась болезнь, незаметно подкрадывалась и постепенно развивалась, и вот, после того, как период относительного улучшения пробудил надежду на дальнейшие успехи, тяжелый, длившийся почти целый час припадок судорог (удар) с поражением дыхания привел к концу. Это было 21-го января 1924 года в 5 часов вечера.

Снег, падая мягкими хлопьями, плотным саваном опушил дом, в котором умер великий человек. В беззвучный покой погрузилась вся природа и то место, где он только что испустил свой дух. Как будто бы на один миг остановилось биение пульса мировых событий, еще совсем недавно направлявшееся этим гигантом, биение, ритмом которого он управлял; как будто не только стапятидесятимиллионный народ, в течение пяти лет напряженно ловивший его слова и дела, но все человечество, сознательно или бессознательно следившее за ним взглядом, на минуту прекратило дыхание. А потом вдруг как будто бы шопот пронесся в природе—через тихую деревню Горки, в которой Ленин провел последние дни своей жизни, через всю страну, через огромную, гигантскую страну, с Востока на Запад—вокруг всего земного шара. Сначала явились друзья и товарищи Ленина из ближней Москвы, потом потекли крестьяне из окрестных и более отдаленных деревень и длинным паломническим шествием потянулись мимо его гроба, стоявшего в одной из комнат горкинского дома. У некоторых явилось горячее [illegible] последнее душевное «прости» говорили лица всех проходящих или сумрачно стоявших у гроба с сосредоточенной думой. Когда в среду утром началось перенесение тела из Горок в Москву, гроб Ленина несли на руках его друзья в сопровождении его близких и тысяч людей, все расстояние от дома до железнодорожной станции, отстоящей от Горок версты на три. На протяжении 32 верст железнодорожного пути от Горок до Москвы, обыкновенно заброшенных и пустынных, направо и налево стояли почти непрерывной цепью шпалеры людей, в то время как поезд, медленно подвигаясь, вез драгоценный груз. В Москве умершего опять понесли на руках через весь город в Дом Союзов его друзья, и бесконечная человеческая толпа в беззвучной тишине и порядке тянулась за шествием. В Доме Союзов тело великого Ленина оставалось до воскресенья утра. Миллионы людей за это время, днем и ночью, в 25—30-градусный мороз, проходили мимо гроба Ленина, мужчины и женщины, старики и дети, больные и калеки, пришедшие со всех концов Союза Советских Республик в самых разнообразных национальных костюмах. Это был нескончаемый человеческий поток, стремившийся к родному герою «Ильичу», и тихо-тихо, едва слышно шептавший слова последнего привета. Отдельные волны его пенились местами лесами, иной поток разбивался в желобах и стенах, вырывающихся из стесненной груди. Ранним утром в воскресенье гроб был перенесен из Дома Союзов на Красную площадь, и за ним последовало бесконечное шествие делегаций. Ровно в 4 часа пополудни под жалобные звуки сирен всех фабрик Москвы и под глухой, издалека доносившийся гул орудий тело было опущено в его последнее прибежище — в подземный склеп. За малыми исключениями, я все время присутствовал при этой траурной демонстрации, с момента, как Ленин закрыл глаза, вплоть до того мгновения, когда его опустили в могилу. В моей жизни, и особенно в России за те два года, которые я там провел, мне пришлось испытать много сильных впечатлений. Но ничто не захватило меня так, как эта траурная демонстрация. Тихой, спокойной и полной достоинства была она, но как мощен был ее язык! Эта траурная демонстрация не закончилась еще и теперь: целый год толпы паломников со всех концов России текут к могиле, где можно видеть набальзамированное тело Ленина. Я уже сейчас вижу, забегая своим умственным взором вперед, как в тот день, когда исполнится годовщина трагического события, та же самая толпа, как на год перед этим, пройдет мимо гроба великого человека, чтобы отдать честь его смертным останкам и его бессмертному духу.

Безграничное величие Ленина измеряется всемирно-историческим значением и успехами его дела. Ленин был гений, один из величайших гениев всех времен. Несмотря на все, что было сказано о нем и против него, что было написано и будет написано, это—гигантский гений необыкновенно творческой силы. Его портрет можно рисовать только в общих, главных чертах; более близкий психологический анализ его может быть доступен только тем, кто непосредственно участвовал в его деле, кто находился в постоянном теснейшем общении с ним, с ним вместе разрабатывал и проводил его планы. Однако, даже этим людям Ленин кое в чем остается непонятным, и именно в этом сказывается его из ряда вон выходящая гениальность. Подобно эфиру, проникающему вселенную, он прозрачен и в то же время бесконечно глубок; подобно ему, он доступен наблюдению, и все же вечно остается тайной для рассудка; так гений, в противоположность рассудку, способному только повторить уже пройденное, повторяющему природу, возвышается над природой, обогащая в природе природу, непостижимый, свободный и неуловимый в своем творчестве. Тем не менее и всякий, не принимавший личного участия в великом деле Ленина, попадал, как только сталкивался с ним, под магическое действие его мощной личности. Я сам в течение двух лет, со времени его болезни и до самой его смерти, почти постоянно находился при нем, почти ежедневно посещал его и—за исключением самого последнего времени, когда он не хотел видеть врачей—почти ежедневно подолгу говорил с ним. И мне довелось испытать на себе прикосновение его сильного духа. Я также с первого же момента подпал под обаяние его личности. Первое впечатление было совершенно непосредственным и определялось наверняка не отдельными его характерными особенностями. Дело шло о трудно определимом и в частностях не поддающемся анализу влиянии, которым всегда отличались выдающиеся личности всемирной истории. Со временем я, естественно, ближе познакомился с Лениным. И теперь он стоит передо мной, как живой, со своей коренастой фигурой, со своими властичными движениями, со своим великолепным, как своды мощного здания, черепом; со его глаз, которые то широко раскрыты и глядят спокойно и ясно, то полуприщурены, как будто бы для того, чтобы лучше и точнее взять прицел на мир, всегда живой искрящийся поток ума и проникновенный взор знатока людей. Его мимика отличалась [illegible] живостью, всякая его черта выдавала постоянную и интенсивную умственную деятельность, а также глубочайшее внутреннее переживание. Он бегло говорил по-немецки, и я часто удивлялся, с какою легкостью и редкой меткостью он пользовался выбором слов для выражения своих мыслей. Простота и ясность, отличавшие его язык, были наиболее яркой чертой всего его внутреннего существа. Внешность и блеск были ему противны. Когда я в мае 1922 года, после того, как он получил первый удар, явился к нему в Горки, я нашел его в маленькой темной комнатке маленького домика [illegible] на кровати. Потребовалось решительное указание с моей стороны, что гигиенические условия этого места мешают его выздоровлению, чтобы заставить его покинуть это пристанище и перебраться в более обширное, светлое и просторное помещение; и если он оставался в последнем все то время, которое он провел в Горках, то все же несколько раз, именно в особенно серьезные периоды его болезни, когда он следовал больше глубоко-скрытым бессознательным внутренним влечениям, свойственным его натуре, чем спокойно рассудительному мышлению, он стремился в маленький домик, мужественно преодолевая, несмотря на свой паралич, его ступеньки. Такой поступок на первый взгляд мог бы показаться незначительным. Однако, он имеет глубокое психологическое значение. В последнее время выработано понятие коммунистической этики. Эта этика не только олицетворялась в Ленине, она была в нем автоматизирована. В те моменты его болезни, когда спокойный рассудок, противившийся этому временному и нецелесообразному бегству в маленькую и темную комнату, молчал, аффект и инстинкт, на время освобожденные от его оков, брали верх в этой [illegible] тяге к простоте, соответствующей самому внутреннему существу Ленина, и определяли его поступки. Никто и ничто в эти моменты не могли отвлечь его от этого намерения. Никогда Ленин при частых врачебных исследованиях и лечении, при которых ему приходилось одеваться и раздеваться, не допускал ни малейшей помощи со стороны его врачей. Когда в декабре 1922 года у него была парализована нижняя правая сторона, и он был прикован к постели, он лишь с большим сопротивлением допустил сиделку, и позже, когда он был полностью лишен правой руки, все, что только он мог, он старался делать левой рукой, по возможности избегая посторонней помощи. Служить другим, это было основой всего его существа; не допускать себе служить, а заботиться о себе самому,—таков был его высший закон до последнего дня.

Одним из выдающихся, характерных свойств Ленина *были* его беспримерная энергия и сила воли. Я не призван решать, в какой мере они являлись важнейшими условиями его политических успехов и крепчайшим фундаментом воздвигнутого им здания. С железной волей вел Ленин и борьбу против своей болезни, против вызванного ею паралича правой стороны тела, речи и способности писать. Восстановление речи, чтения и письма в последнюю [illegible] жизни было его главной целью, и на пути к этой цели он достиг таких успехов, которые трудно [illegible] с точки зрения всех до сих пор бывших научных исследований, с теми тяжелыми разрушениями, которые были обнаружены при вскрытии в его мозгу. Это было возможно только благодаря воле Ленина, который в дни своего здоровья направлял мировые события [illegible] по определенному им пути, а теперь, в период болезни, диктовал собственному, уменьшенному в [illegible] состоянии, мозгу его трудную программу. Нельзя сказать, чтобы всегда легким было положение врачей Ленина пред лицом этой твердой воли, стремившейся во что бы то ни стало восстановить утраченные функции,—способность ходить, говорить, читать, писать. Иногда я, [illegible]сь заповеди «nil quid nimis» (ничего чересчур), накладывал вето и прерывал упражнения. Однако, если вначале у больного проявлялось недовольство вынужденным покоем, то затем всегда разум и логическая жестокой необходимости брали верх. В первый год его болезни, в 1922 году, когда болезнь еще не достигла своего высшего пункта, наиболее болезненным для больного было предписанное врачами удаление от всех служебных дел. Сопротивляясь, он все же подчинялся, так как восстановление работоспособности было превыше всего. Я никогда не забуду, с какой благодарностью и счастьем в конце сентября 1922 года, когда его страдания значительно уменьшились, он принял мое заявление, что он, хотя и в сильно сокращенном масштабе, с начала октября может снова приняться за свою работу. Спорный вопрос, было ли это решение правильным с врачебной точки зрения, и не благодаря ли тому, что Ленин с начала октября до середины декабря снова был на работе, развитие болезни пошло ускоренным ходом. Я раньше это со всей решительностью отвергнуть. Болезнь Ленина была обусловлена в первую очередь внутренними причинами, она развивалась по внутренним законам, [illegible] от влияния внешних факторов с безошибочной закономерностью. Я не могу судить, насколько работоспособен был Ленин в течение последнего периода его работы от октября до декабря 1922 года и насколько он смог принести пользу дальнейшему укреплению своего великого дела. Во всяком случае, один из его друзей говорил мне, что еще в ноябре и декабре 1922 года Ленин делал в высшей степени важные указания и делал чрезвычайно ценные директивы. Однако, ясно одно: если бы Ленин в октябре 1922 года настоящим и сильным остался в бездеятельном состоянии, его [illegible] бы последней большой радости, которую он получил в своей жизни. Дальнейшим полным устранением от всякой деятельности нельзя было бы задержать хода его болезни. Больной, преисполненный сознанием недовольства вследствие [illegible] его внутренних особенностей и его личности, был бы самым глубоким образом раздражен, что, вероятно, повело бы к еще более быстрому развитию болезни. «Попробуйте шахматисту запретить просто его жить!», Ленин [illegible] когда не говорил этого. Но он [illegible] чувствовал. Работа для него была жизнью, бездеятельность означала смерть.

[illegible]

Когда 21 января 1924 года Ленин [illegible]

[illegible], 18 января 1925 г.

революций, мировой и гражданской войн. Даже те из его работ, которые писались до первой революции, не были никогда академическими. Что же сказать о тех, которые писались в ожидании революционной бури, во время ее или непосредственно после нее? Теоретическое изложение Ленина, как правило, является укороченным — укороченным революцией. В ранних его работах еще чувствуется известный аппетит к тому, чтобы всесторонне и полно обосновать ту или иную проблему, хотя бы и под дамокловым мечом необходимых практических выводов. Наоборот, в дальнейшем Ленин, ухватившись обыкновенно за гвоздь вопроса, аргументирует лишь в пользу основной, стержневой мысли и очень скупо одевает ее прикрытием именно теоретической аргументации. В результате ленинская постройка отличается от марксовой, как наскоро сделанный простой жилой дом весьма демократического вида от художественного особняка, над которым многие годы и не торопясь с любовью работал заботливый архитектор. Это, между прочим, судьба всякого идеологического творчества. Наиболее благоприятным моментом для такого творчества является либо период вызревания нового класса в чреве старого общества, либо органический период после революционных бурь. Непосредственная же эпоха революций—плохой меценат как для художественного, так и для углубленного научно-теоретического творчества. В одной из своих брошюр я как-то заметил раз, что хорошая революционная литература помогает успехам революции, но хорошая революция не способствует,—пока она длится,—появлению хорошей литературы. Это целиком применимо и к теоретическому творчеству, особенно к законченной теоретической обработке той или иной работы.

Надо иметь далее в виду и следующее. Если теоретические работы Маркса, во главе с «Капиталом», образуют главный капитал, с которым основатель научного коммунизма вошел в историю, то теоретические работы Ленина отнюдь не играют такой доминирующей роли во всем ленинском наследстве. Ленин ведь и практически руководил пролетариатом в трех революциях. Трудно переоценить долю участия Ленина в том коллективном памятнике Октябрьской революции и всей предшествовавшей истории мирового рабочего движения, каковым является советская власть. Здесь пай Ленина по своему историческому значению не меньше, если не больше, чем все его чисто литературное наследство. Распределяя свои силы и свое время с учетом этой последней работы, Ленин не мог, не хотел и с точки зрения революционной целесообразности не смел углубляться в теорию и заниматься филигранной логической обработкой своих произведений тогда, когда надо было участвовать в непосредственном действии, в том действии, для успеха которого и пишутся, в конце концов, толстые и тонкие книги теоретиками пролетариата. В замечательном послесловии (на предисловие времени нехватило) к своей книжке «Государство и революция» от 30 ноября 1917 г. Ленин говорит, что не написал «ни строчки» из намеченной им седьмой главы книги и не надеется подготовить второй выпуск. Он пишет: «второй выпуск брошюры, посвященный «опыту русских революций 1905 и 1917 годов», пожалуй, придется отложить надолго; приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать». Эти строки Ленина многое об'ясняют из нашей темы без лишних слов.

Надо, кроме того, помнить о том, что Ленин писал не для тысяч, а для миллионов, не только для кадров движения, но и для самой массы. Ленин—это величайший рабочий демократ в теории, в самом лучшем смысле этого слова. Как в революциях, так и при постройке социализма он всегда ориентировался на массы (почему и массы ориентировались на него). Но, чтобы теория овладела массами, надо, чтобы эти массы были в состоянии овладеть теорией. Ленин, помимо стратегического расчета, проявлял величайшее, чисто товарищеское участие к этим миллионам, без активного участия которых и сама теория осталась бы только «колдовством» в руках кадровой аристократии рабочего движения. Говорить же с массами на языке теории есть задача огромнейшей трудности даже для такого мастера популяризации, знатока массы и самого большого демократа в науке, каким был Ленин. Либо теория, либо масса должны при этом неизбежно пострадать. Ленин решал вопрос так: чтобы укоротить путь от теории к массе, он, избегая всякой вульгаризации, укорачивал путь от практических выводов к теории. Практические выводы усвоить массе легче, а с этим костылем им легче дальше итти и к общетеоретическим выводам. Отсюда внешняя бедность теоретического наряда у Ленина, его научный демократизм в аргументации, простота языка, доступность изложения,—и все это без принижения науки, без вульгаризации, без ущерба для основных своих мыслей. Спуская метод изложения, опуская свой язык до понимания масс, он массы поднимал до науки.

В результате и Маркс, благодаря Ленину, делается достоянием миллионов и начинает новую жизнь, много лет спустя после своей смерти **).

**) Ленин продолжал дело Маркса в другой период человеческой истории. У революционного марксизма нет других наследников и продолжателей, кроме большевиков. Но если Маркс делается достоянием миллионов благодаря Ленину, то это отнюдь не значит, что марксизм можно знать, не изучая самого Маркса. Нельзя изучать второй этаж здания, не изучая первого; ни Маркса нельзя понять полностью и целиком, не изучая Ленина, ни Ленина нельзя понять и усвоить, не изучая Маркса.

Ленинская неделя в Англии.

ЛЕНИН

Опять, опять, опять!..

Рис. Д. МООР.

В. КАРПИНСКИЙ.

О культурной революции.

Вместе с Лениным мы сделали величайшую социально-политическую революцию. Без Ленина мы стараемся выполнять его заветы. Но как мы их выполняем?

Не хватаемся ли мы бестолково за десятки и десятки задач, завещанных нам Лениным? Умеем ли мы выбирать главнейшие, основные задачи, от решения которых зависит все остальное? Улавливаем ли общий смысл, общий дух великого ленинского завещания? Не забываем ли за множеством конкретных задач общего, основного завета, включающего в себя все остальные? Не расплываемся ли мы в частностях? Не уходим ли с головой каждый в свою отдельную задачу, выполняя ее каждый по-своему, вне связи с общими задачами, с общей основной линией?

Вот вопросы, которые более всего надлежало бы выяснить, поставить себе каждому в такой день, как нынешний.

По отношению к капиталистическому миру мы все хорошо знаем общий, главный завет Ленина, мы много, чрезмерно много о нем говорим. Этот завет—сделать пролетарскую революцию в остальных странах. Но Ленин в своей последней статье оставил нам столь же общий, главный завет по отношению к Союзу Советских Республик, о котором мы говорим очень мало. Этот завет—сделать у нас еще одну величайшую, труднейшую революцию—культурную революцию.

Как это ни странно, но никто до сих пор не пробовал задуматься над этой мыслью Ленина, не пытался определить точнее, что такое эта культурная революция, каково ее содержание, каковы ее задачи, ее формы, ее методы и т. д. Правда, за последнее время мы стали много толковать о культуре, о культурных задачах, культурных работниках и т. д. Вопросы культурно-социалистического строительства настойчиво лезут на передний план, становятся самыми злободневными вопросами. Но обыкновенно эти вопросы понимаются у нас в чрезвычайно ограниченном смысле, в узком кругозоре какой-нибудь отдельной культурно-просветительской работы. Самое понятие культуры употребляется у нас в ограничительном толковании. Под культурой обыкновенно разумеют у нас грамотность, школы, избы-читальни, политпросвещение и т. п. В культурных задачах многие и многие среди нас видят лишь одну из бесчисленных «очередных кампаний», неожиданно свалившихся нам на голову. А враги наши, несомненно, увидят здесь очередную «демагогию большевиков»; дескать, варвары-большевики на восьмом году схватились за культуру, вспомнили, что большинство населения неграмотно, принялись ухаживать за просвещенцами и т. п.

На самом деле здесь нет, конечно, ни неожиданности или случайности, ни очередной кампании, ни тем более большевистской демагогии. Исключительная важность и острота задач культурно-социалистического строительства создана у нас глубокой необходимостью, всем ходом исторического развития.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Во время империалистической войны в одной из самых отсталых стран, лежащей на грани между передовым капиталистическим Западом и полукрепостным Востоком с начинающимися на этом Востоке националистическими революциями, в стране с революционным промышленным пролетариатом и угнетенным, но разбуженным войной многомиллионным крестьянством, в стране, доведенной до отчаянно-безвыходного состояния вековым господством полуазиатского деспотизма, вмешавшегося в схватку между крупнейшими капиталистическими державами,—в России создались условия, необычайно благоприятные для революционной деятельности пролетарской партии. Силою вещей партия пролетариата была поставлена во главе всенародного рабоче-крестьянского движения не только против царско-помещичьей власти, но и против господства богатых классов вообще. А это значило, что партия неизбежно должна взять на себя почин захвата власти пролетариатом, почин социалистического переворота, несмотря на отсутствие достаточных экономических и культурных предпосылок для социализма.

Вот вкратце особенности тех исторических условий, которые создали необходимость октябрьского переворота. Ленин гениально схватил все своеобразие этого необыкновенного исторического положения и решительно высказался за то, чтобы им воспользоваться. Ленин восстал против «педантов от марксизма», затвердивших из книжек, что для осуществления социализма необходимы «об'ективные экономические предпосылки». Марксизм для нас не догма, а руководство к действию,—заявил Ленин.—История не строгий дедушка в роде почтенного старичка Каутского, у которого заранее размечено, кому, когда, в каком порядке выступать с социалистической революцией. «Ждать от истории, что она двинет социалистические отряды разных стран в строгой постепенности и планомерности—значит понятия не иметь о революции или, по глупости своей, отрекаться от поддержки социалистической революции». (Том XV, стр. 232, апрель 1918 г.). «При общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития...». «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать—каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы?» (Том XVIII, часть 2-я, стр. 118 и 119, январь 1923 г. Подчеркнуто везде мною).

Вот вкратце ленинское теоретическое обоснование социалистического переворота в стране с недостаточной подготовкой в смысле экономических и культурных предпосылок. Наш октябрьский переворот был ни чем иным, как бессмертным образцом революционного применения марксистской теории к конкретному историческому положению данной страны. «Наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим» (Том XVIII, часть 2-я, стр. 145, май 1923 г.).

Вдумайтесь во всю глубину этой ленинской мысли—и вы поймете, почувствуете всю историческую необходимость задач нашего культурно-социалистического строительства во всей их колоссальности, остроте и сложности. Да, мы создали политические предпосылки для свободного культурного развития, каких нет ни в одной стране (рабоче-крестьянская власть, советский строй). Да, мы смели все препятствия, которые стоят на пути развития культуры в других странах (власть буржуазии со всеми ее учреждениями). Но все-таки мы не могли перепрыгнуть через целую полосу культурного развития, все-таки мы очутились перед лицом новой, труднейшей, небывалой в истории революции — перед культурной революцией.

Эта культурная революция выросла непосредственно и необходимым образом из социально-политической революции Октября. Наше революционное развитие прошло с тех пор, примерно, такие полосы:

1) Низвержение старого строя и захват власти по всей стране. Эта сравнительно легкая задача требовала всего нескольких месяцев. Неизбежность дальнейшей громадной борьбы не была еще ясна участникам.

2) Борьба за укрепление власти. Эта гораздо более трудная задача потребовала уже три года (1918—1920). Дальнейшие трудности оставались опять-таки неясными борцам.

3) Переход от военной борьбы к мирному строительству. В условиях послевоенного разорения и демобилизации эта задача коренной ломки всей нашей политики, всего аппарата, всех методов работы представляла для нас величайшие трудности. И все же это было,—как мы теперь отчетливо видим,—только началом культурной революции,—началом, потребовавшим не менее трех лет (1921—1923).

4) Культурная революция. Ее мы только-что начинаем, только теперь осознаем во всех ее необычайных трудностях, только теперь проникаемся пониманием, что это действительно (как писал Ленин) «целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы», которую мы можем пройти «на хороший конец в одно—два десятилетия». (Том XVIII, часть 2-я, стр. 141 и 142, май 1923 г.).

Вот в результате какого развития мы пришли к ленинской культурной революции. Вот откуда пошли наши культурные задачи во всей их громадности, сложности и остроте.

На другой день после социалистической революции мы очутились у разбитого корыта крайне слабой, поверхностной, затронувшей лишь верхушку городов, буржуазной культуры. Наша буржуазная демократия, жившая без году неделю, равно ничего не сделала для разрешения культурных задач. Единственная ее заслуга в том, что она дала массам сильнейший толчек к социалистической революции. Октябрьский переворот, разумеется, был фактом огромнейшего культурного значения. Он создал необычайно благоприятные возможности для культурного перерождения всей трудящейся массы городов и деревень. Он пробудил в этой массе небывалую жажду культуры во всех ее проявлениях, начиная с простой грамоты, кончая трактором и радио-телефоном у себя на дому. Но октябрьский переворот сам по себе вовсе еще не разрешил никаких культурных задач. Он лишь создал власть, которая взяла на себя великое обязательство разрешить своими советскими способами все старые, доставшиеся ей по наследству от буржуазии, и все новые, поставленные революцией, культурные задачи. История вызвала, наконец, к жизни самую передовую, самую культурную власть,—власть труда,—о которой веками мечтало человечество. Но она породила эту власть не в какой-нибудь передовой, высоко-развитой стране, а в одной из самых отсталых стран, до крайности бедной культурными силами и средствами. Вот в чем исключительная трудность и острота задач нашего культурно-социалистического строительства. Вот в чем исторический трагизм положения пролетарской власти в нашей стране.

ЧТО ТАКОЕ КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

Уже в силу своего происхождения культурная революция есть не что иное, как продолжение в особых формах, особыми методами социально-политической революции Октября. Это вторая часть Октябрьской революции, ее созидательная, творческая работа. Ленин писал об этом так:

«Главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции... является положительная или созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей. Такая революция может быть успешно осуществлена только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящихся». (Том XV, стр. 194—5, апрель 1918 года).

Здесь—самая суть вопроса о культурной революции. Первоначальную, разрушительную задачу социалистической революции еще может выполнить передовое революционное меньшинство трудящихся (разумеется, при сочувственном отношении большинства). Но дальнейшую, главную, созидательную задачу может успешно выполнить только большинство трудящихся путем самостоятельного творчества.

Ленин еще в 1918 году считал основным условием дальнейшего успеха революции—усвоение этой своей идеи политическими руководителями народа и всеми сознательными представителями трудящихся. Но до сих пор нельзя еще сказать, что мы ее вполне усвоили. Мы все еще считаемся работу культурно-социалистического строительства, глубочайшую культурную революцию в самой жизни, труде и быте многомиллионных масс провести силами небольшого передового меньшинства. Мы все еще не отказались решительно и навсегда от мысли или привычки осуществить культурно-социалистическое строительство силою, волею, распоряжением культурной верхушки трудящихся, или же (трудно сказать, что хуже) смотрим на культурную революцию упрощенно, по-старинке, как на задачу нашего культурного просвещенного слоя просветить, воспитать «темный», «некультурный», «необразованный народ». Происходит это в силу увлечения нашими прошлыми успехами (как ни предостерегал против этого Ленин) или же просто в силу бессознательного следования по старой, неизменной линии в новых изменившихся условиях. В этом величайшая опасность для всей нашей революции.

Ленин в свое время с удовлетворением отмечал наши успехи в гражданской войне: «Мы к сознательному участию в войне и к активной помощи ей привлекли такую массу народа, как никогда раньше. Чтобы так поголовно сочувствовали войне, понимали ее партийные и беспартийные рабочие и беспартийные крестьяне (а крестьяне в массе своей беспартийны), этого ни при одном политическом режиме не было до сих пор и в десятой доле». (Том XVII, стр. 413, декабрь 1920 г.). Но Ленин тут же приводил «одно из самых глубоких положений марксизма, в то же время являющееся самым простым и понятным. Чем больше размах, чем больше широта исторических действий, тем больше число людей, которое в этих действиях участвует, и наоборот, чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести,—тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов». (Там же). Перед нами новые, хозяйственные задачи,—говорил дальше Ленин.—«Поставьте теперь вопрос: есть ли здесь то условие быстрой безоговорочной победы, которое создалось во время войны, то условие, которое состоит в вовлечении в работу масс? Убеждены ли они, члены профсоюзов и большинство беспартийных, в необходимости наших новых приемов, наших великих задач хозяйственного строительства, убеждены ли они во всем этом так же, как были убеждены в необходимости все дать для войны, всем пожертвовать ради победы на фронте войны? Если так поставить вопрос, то вы должны будете ответить: несомненно, нет. Они далеко в этом не убеждены настолько, насколько это требуется». (Там же, стр. 413—14).

Вот вопрос, который каждый из нас и теперь должен был ставить себе почаще и на который мы все еще вынуждены ответить так же, как отвечал Ленин в 1920 году. «Мы имели полный успех в военной области и теперь должны подготовить такой же успех для задач более трудных, требующих энтузиазма и самоотверженности от огромного большинства рабочих и крестьян. Надо убедить в новых задачах сотни миллионов людей, живших из поколения в поколение в рабстве и угнетении, подавлении всякой самодеятельности... Мы были и остались страной мелко-крестьянской, и переход к коммунизму нам сделать несравненно труднее, чем при всяких других условиях. Для того, чтобы этот переход совершился, нужно участие самих крестьян в десять раз больше, чем в войне». (Там же, стр. 414, 417).

Вот с какой изумительной простотой и четкостью формулирована у Ленина основная задача культурной революции, без выполнения которой останутся пустыми словами все наши речи о культуре, культурной работе и проч.:

«Мы привлекали к участию в обороне социалистической революции массы в десять раз большие, чем в войне. Привлеките к участию в культурно-социалистическом строительстве массы в десять раз большие, чем в нашей гражданской войне! Культурная революция должна быть делом самих трудящихся масс, историческим самотворчеством большинства населения!»

Культурная революция есть продолжение социально-политической революции Октября еще в том смысле, что наше культурно-социалистическое строительство является лишь новой, высшей формой борьбы все с той же буржуазией. Ленин писал об этом так:

«Буржуазия побеждена у нас, но она еще не вырвана с корнем, не уничтожена и даже еще не сломлена до конца. На очередь дня выдвигается поэтому новая, высшая форма борьбы с буржуазией, переход от простейшей задачи дальнейшего экспроприирования капиталистов к гораздо более сложной и трудной задаче создания таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия. Ясно, что это задача неизмеримо более высокая и что без разрешения ее социализма еще нет». (Том XV, стр. 197—8, апрель 1918 г.).

Какая глубокая разница в понимании с тем, что склонен разуметь под нашими культурными задачами исключительно просвещенство! Цель культурной революции, по Ленину,—«создать такие условия, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия». Ленин тогда же, в 1918 году, и позднее не раз об'яснял, что это значит. Одолеть мелкобуржуазную стихию, побороть проявления ее в рабочей среде, осуществить всюду государственный учет и контроль, самодисциплину трудящихся масс, а главное—организовать миллионы раздробленных мелких производителей в трудовые об'единения для производства, сбыта, приобретения продуктов и втянуть их в непосредственную хозяйственную связь с трудовыми коллективами промышленных

Я. БЕРЗИН.

Из воспоминаний о В. И. Ленине.

В конце марта или в начале апреля состоялось мое назначение «полномочным представителем Российской Федеративной Советской Республики *) при правительстве Швейцарской республики». Но мой от'езд затягивался, потому что через швейцарского посланника в Петрограде нельзя было добиться согласия швейцарского правительства. В конце концов, по настоянию Вл. И., было решено, что я должен поехать в Берлин, где в то время уже находился тов. Иоффе, в качестве нашего полн. представителя, и оттуда добиваться согласия швейцарского правительства на принятие меня представителем нашей страны. В начале мая я уехал из Москвы и 17 мая был уже в Берне.

Перед от'ездом в Швейцарию я имел много разговоров о предстоящей мне там работе и от него я получал все инструкции по поводу нее. К сожалению, об этих разговорах в настоящее время я не могу рассказывать подробно, это—дело будущего. Скажу только, что Вл. И. в то время не придавал большого значения чисто дипломатической работе и полагал, что в этом направлении в Швейцарии можно будет сделать не много. Зато он придавал чрезвычайное значение работе информационного характера и был уверен, что именно Швейцария является тем местом, откуда можно будет знакомить страны Запада со всем, что происходит у нас, в России. Все его советы относились, главным образом, к этой стороне нашей работы. При этом он не переставал повторять:

«Нужно работать так, чтобы вас не могли обвинить в пропаганде. В Швейцарии как-никак свобода и демократия, там мы всегда находили приют, будучи эмигрантами, и свободно издавали свои органы. Там не может быть легальных препятствий для интервью в газеты, для статей, для издания брошюр о России и т. д.».

Он смущался, когда я ему указывал, что одно дело—свобода для частных граждан, а совсем другое—для дипломатического представителя...

В дальнейшем он проявлял весьма большой интерес к каждому шагу нашей работы. В течение тех 6 месяцев, которые я провел в Швейцарии, почти каждый курьер привозил от него личные письма и записки, адресованные мне.

У меня сохранились 10 таких писем.

В дальнейшем я привожу краткие выдержки из них, но при чтении прошу иметь в виду то, что я сказал о них в начале этой статьи.

Вот коротенькая записка от 2 июня, адресованная: «Тов. Берзину или Шкловскому».

«Дорогие друзья! Удивляюсь, что от Вас до сих пор ни звука.

Передайте прилагаемое Гильбо.

Привет Платтену и Гортеру: хорошо бы от них иметь пару строк.

Жду вестей.

Ваш Ленин».

Следующее письмо не датировано. По-видимому, оно относится уже к июлю месяцу. Из него можно привести только пару фраз:

«Дорогой тов. Берзин! Чтобы не забыть: дайте пособие жене И. (он здесь). Надо все же помогать семьям едущих работать в Россию.

. . . .

Пусть Гортер даст список брошюр и статей на всех языках, имеющих теоретич. интерес для меня.

Привет от меня всем.

Особо передайте мой привет Гильбо и Герцогу. Ваш Ленин.

P.S. Итак, будьте здоровы и строго соблюдайте режим».

Упоминаемые в этих письмах иностранные товарищи (Платтен, Гортер, Гильбо, Герцог)—его старые друзья. Их он особенно ценил как соратников по работе «Циммервальдской левой», вел с ними личную переписку, но не упускал случая передать привет и через меня.

Из письма от 3 августа также привожу только пару слов:

. . . .

«За письма спасибо. Работаете вы, видимо, энергично. Привет!

. . . .

Здесь критич. момент: борьба с англич. и чехо-слов. и кулаками. Решается судьба революции.

Ваш Ленин».

В письме от 14 августа он пишет:

«Дорогой тов. Берзин!

Пользуюсь оказией, чтобы черкнуть пару слов привета.

Благодарю за издания от всей души:

. . . .

Ваш. Ленин.

P.S. Шлите по экземплярчику интересных газет (с отрывками о б-ках) и новые брошюры все и всякие: англ., фр., нем. и итал. Не жалейте денег.

Привет Гортеру и Гильбо. Хорошо бы, если бы начитанные в всемирной социал. литературе люди прислали нам хорошие цитаты, годные для надписей на улицах (к след. Гортера и др.) и т. п.

Помогли ли П.? и N. N.? Не жалеть денег!!

P.S. Прилагаемое отдайте Платтену».

Через неделю, в коротенькой записке от 20 августа, Вл. И., после всяких приветов и некоторых указаний о работе, опять пишет:

«... всего шлите мне по экземпляру. Даже новых брошюр «Demain» не имею!

Пришлите «Le Feu» par Henri Barbusse и т. п. литературу».

Все эти письма и записочки написаны рукою самого Вл. И., им же написаны и адреса на конвертах (обыкновенно так: «Тов. Берзину, Русскому послу в Берне»). Все они испещрены постскриптами, подчеркиваниями—одной, двумя, тремя чертами, по большей части пером, иногда еще красным или синим карандашом. Каждая строчка в них дышит энергией и силой. Каждая страничка свидетельствует о том, какими пронизывающими, проницательными глазами он следит за всем, что творится на Западе, и с каким нетерпением он ждет и призывает помощь оттуда...

Но вот письмо от 20 сентября. Оно написано на машинке,—должно быть, рука Вл. И. после покушения еще плохо работала. Только подпись и дата от руки, а также две вставки иностранными словами в тексте. Первую половину его привожу полностью:

«ТОВ. БЕРЗИНУ.

Дорогие товарищи!

Сегодняшняя «Правда» привела выдержки из статьи Каутского против большевизма (Soz. Auslandspolitik).

Позорный вздор, детский лепет и пошлейший оппортунизм Каутского возбуждает вопрос: почему мы ничего не делаем для борьбы с теоретическим опошлением марксизма Каутским?

Можно ли терпеть, что даже такие люди, как Меринг и Цеткина, отграничиваются от Каутского более «морально» (если позволительно так выразиться), чем теоретически. Каутский же не нашел лучшего, как писать теперь против большевиков?

Разве это довод? Разве можно так ослаблять свою позицию? Ведь это значит только давать оружие в руки Каутскому.

И это вместо того, чтобы писать:

Каутский абсолютно не понял и извратил чисто оппортунистически:

и учение Маркса о государстве,

» » о диктатуре пролетариата,

» » о бурж. демократии,

» » о парламентаризме,

» » о роли и значении коммуны и т. д.

Надо бы принять такие меры:

. . . .

Очень просил бы прислать (для меня особо) брошюру Каутского («О большевиках, диктатуре и проч.»), как только она выйдет.

Затем собрать для меня все статьи Каутского о большевиках («Демократия и диктатура», конец 1917 или начало 1918 г.); затем статьи из «Soz. Auslandspolitik», авг. 1918 г.) и другие статьи, коли были.

Наилучшие приветы.

Ленин».

Тут перед нами — момент возникновения идеи о брошюре против Каутского, которая вскоре и была написана под заглавием: «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Ленина волновало и удручало, что мы не только не получаем прямой практической помощи в нашей борьбе от европейского пролетариата, но не встречаем даже сколько-нибудь действенной теоретической поддержки со стороны левых марксистов Запада в борьбе против оппортунизма. И тщетно он взывал к «левым» друзьям Европы: по моим личным наблюдениям даже лучшие среди них в то время не были психологически в состоянии полностью осмыслить пролетарскую революцию в России и давать решительный отпор дряхлому каутскианству... Но это уже особая тема, к которой нужно будет вернуться в другом месте.

И вот еще выдержки из большого письма от 15 октября:

«ТОВ. БЕРЗИНУ.

Дор. тов.! Получил от вас разрозненные, как всегда, иностр. газеты (нельзя ли заказывать кому-л. делать вырезки: (а) все о России; (б) все о соц. партиях всех стран).

Из них вижу, м. пр., что Грабер и Гримм глупо и подло напали на Гильбо. Как вы могли увидеть что-л. дурное в поведении Гильбо? Не понимаю.

Нельзя же порицать ценного т-ща без формального разбора дела!? Кто из членов партии (вами назначенных) разбирал дело? Никто! А из данных Гильбо и из решения женевской к-сии дело яснее ясного за Гильбо.

NB. Пришлите мне: Longuet: „La politique internationale du marxisme. Karl Marx et la France“. Vandervelde: „L'Etat et le socialisme“, и все брошюры подобного рода на франц., нем., англ. и итал. языках, все, все, все.

Еще: „La Russie socialiste“ (Soc.-rev. de gauche). См. „La Feuille“: Genève, 3.X. 1918 *). Pierre Loti, „Quelques aspects du vertige mondial“. Paris. (Flammarion). Leon Frapié: „Les contes de la guerre“ (ibid).

Только-что получил от Свердлова комплект таких-то изданий (не грех бы и мне послать этот комплект).

. . . .

Ваш Ленин.

NB. Если больны, лечитесь серьезно и не выезжайте из санатории. Сношения по телефону, а на заместителя посылайте».

Всего два замечания по поводу этого письма, в котором содержится несколько упреков по моему адресу. (В неопубликованной части этих писем таких упреков остается гораздо больше, но не это является причиной, по которой я их не привожу).

Газеты, вырезки, комплекты разных изданий и т. д. нами посылались Вл. И. регулярно, но они часто не доходили до него или доходили поздно и в разрозненном виде. Главной причиной этого было—плохая постановка в то время курьерской службы и всего аппарата НКИД. По этому поводу я мог бы привести весьма курьезные места из своей тогдашней переписки с т. Караханом, но нужды в этом нет.

По поводу обвинений против т. Гильбо Вл. И., повидимому, имел в тот момент неправильную информацию о позиции, занятой мною в этом деле: я был все время вернейшим защитником т. Гильбо не только против швейцарских оппортунистов, но и против бывшей коммунистки Балабановой. Но и это—дело прошлого, и излагать его здесь подробнее нет надобности.

Через 3 дня (18 октября) Вл. И. мне пишет:

«Дорогой тов. Берзин!

Выслушал я Черных и вижу, что дела у Вас плохи.

Во-первых, Вам надо серьезно лечиться.

NB. Раз доктора сказали лежать ни шагу из санатории.

NB. Если доктора сказали «2 часа работы», ни минуты более.

Свободно можете отказаться от приемов, ¼ часа уделить на доклады по «делам» и беседы о «делах», 1¾ на руководство всем прочим.

Назначьте ответственных лиц...

. . . .

Русским дуракам раздайте работу: посылать сюда вырезки, а не вырезки (как делали эти идиоты до сих пор). Назначьте поименно ответственных за это лиц (Leitejsen и др.) и мы их пристрогаем. А то у Вас нет ответственных.

Статьи из «Volksrecht»'а и др. газет, кои писали, что до Советы не для Европы (по словам Черных) не присылали сюда. Кого за это карать? Вы должны назначить ответственных.

2—3 раза в неделю у Вас должны бывать люди вроде...

. . . .

Привет!

Ваш Ленин».

Я в своих письмах давал Вл. И. более или менее утешительные сведения о своем здоровье. Он этим не удовлетворился, и по приезде т. Черныха из Швейцарии он вызвал его к себе и устроил ему настоящий допрос, в результате которого я и получил вышеприведенные указания о лечении, режиме, порядке работы и т. д. К сожалению, все эти советы оказались невыполнимыми, да и здоровье мое, на самом деле, было не так плохо, как казалось врачам и Вл. Ильичу. Все остальное в этом письме, кажется, не нуждается в комментариях.

А вот письмо от 25 октября:

«Дорогой т. Б.

Что за история с исключением Герцога?

Я думаю, надо нам высказаться за него. Ведь исключающие—сволочь, оппортунисты.

Пишите об этом.

Надеюсь, что вы [illegible] «дело» Гильбо в том смысле, что [illegible] не признали его [illegible].

Передайте ему мой привет. Где он?

Когда выйдет французское издание «Госуд. и рев.»? Успею ли написать предисловие против Вандервельда?

Пришлите мне: Vandervelde: „Le Socialisme contre l'Etat“; „La Belgique envahie et le Socialisme int“; „Trois aspects de la révolution russe“. Все три изданы Berger-Levrault, Paris, V, 7, rue des Beaux-Arts.

Привет!

Ваш Ленин.

Пожалуйста, все такие брошюры соберите (англ., фр., итал., нем.). Пишите почаще о Франции. Что там? Как там?»

Об исключении т. Герцога из швейцарской партии я в данный момент не могу вспомнить подробностей. Для этого пришлось бы просмотреть [illegible] документы. По «делу» же Гильбо я с самого начала [illegible] письмо ту [illegible], которую мне предписал Вл. И.

[illegible] письмо Вл. И. за этот период. Оно [illegible] 1 ноября.

«Дорогой Берзин!

Получил много книг от Вас. Большое спасибо.

Слышал про то, что у Вас все перессорились. Инов и Игрека возьмем (обратно).

В случае чего пишите; я буду подписывать Ваши приказы (подчиненным Вам лицам), чтобы не смели ссориться и исполняли строго Ваши приказы.

Лечите и лечитесь строго; жить Вы должны не в Берне, а в горах, на солнце, где есть и телефон и жел. дорога, а в Берн посылать секретаря и ходить должны к Вам.

. . . .

Крепко жму руку

Ваш Ленин».

На этом письме и оборвалась наша корреспонденция в тот период: через 10 дней (12 ноября) наше полномочное представительство было выслано из Швейцарии, и мы в конце ноября вернулись в Москву вместе с тов. Иоффе, которого задержали долго на русско-германской границе и которого мы там «догнали».

В Москве к приходу поезда на вокзал был послан секретарь, который передал мне, что Вл. И. просит меня приехать прямо с вокзала к нему, если только мое здоровье это позволяет.

Он меня встретил чрезвычайно радушно, помню, мы [illegible]. Отмечаю это потому, что, по моим наблюдениям, Вл. И. не любил подобных проявлений чувств, и я не видел, чтобы он когда-либо и с кем-либо целовался. Но я его отношение ко мне и всегда чувствовал не только товарищеское, но и какое-то отцовское чувство.

В другой комнате шло какое-то заседание, куда должен был пойти и Вл. И., но он просил подождать его, долго не отпускал меня. Он подробнейшим образом расспрашивал о нашей швейцарской работе, об отдельных там товарищах, о росте революционного движения в странах Запада и т. д. А когда я как-то в разговоре спросил о его ране, про которую [illegible], он [illegible]:

«Ну, все пустяки, [illegible]. Рукой только двигать не очень удобно...».

И снова вернулся к [illegible] революции.

*) Вряд ли многие из вас помнят, что [illegible] было официальное название нашей республики в то время, и что слово «социалистическая» было вставлено лишь [illegible], после утверждения конституции [illegible] 1918 года.

*) Думаю, что лев. с.-р. здесь называли странно. Надо точно выяснить (хоть Лейтейзену) компиляцию из «Правды» и «Известий» против правых лев. с.-р. (и еще из «Знамени Труда», «Коммуны» и из «Воли Труда»).

рабочих. Эти идеи более знакомы широкой массе наших работников. Но вот что существенно важно: каждый шаг хозяйственника, организатора, администратора, пропагандиста, агитатора, просвещенца—проникнут ли каждый шаг его деятельности (как бы мала и узка она иной раз ни была) революционным сознанием, что цель всей его работы «вырвать буржуазию с корнем», «создать условия, при которых бы она не могла ни существовать, ни возникать вновь».

Если да, тогда он творец культурной революции. Если нет, он просто культурник, «спец».

Цели свои и массовый характер свой культурная революция заимствует у Октября; зато методы ее работы должны быть совершенно иные, свои собственные. На доказательство этой мысли Ленин потратил не мало сил, начиная с той же весны 1918 года. Он требовал в деле культурно-социалистического строительства решительного отказа от прежних методов насилия, принуждения, командования, приказа. Он требовал замены их методами убеждения, практического руководства, деловой помощи, примера, показа. Это достаточно известно. Но Ленин ставил вопрос гораздо глубже: он требовал также коренного изменения и тех методов, которые, казалось бы, должны быть общи как социально-политической, так и культурной революции,—*методов агитации, пропаганды, просвещения*. Вот как говорил об этом Ленин на с'езде политпросветов:

«Пропаганда старого типа рассказывает, дает примеры того, что такое коммунизм. Но *эта старая пропаганда никуда негодна*, так как нужно практически показать, как надо социализм строить. **Вся пропаганда должна быть построена на политическом опыте хозяйственного строительства.** Это наша главная задача, и если кто вздумает понимать это в старом смысле слова, **тот оказался отсталым и не может вести работы пропаганды для массы крестьян и рабочих.** Наша главная политика сейчас должна быть—экономическое строительство государства, чтобы собрать лишние пуды хлеба, чтобы дать лишние пуды угля, чтобы решить, как лучше использовать эти пуды хлеба и угля, чтобы не было голодных,—вот какова наша политика. **И на этом должна быть приложена вся агитация и вся пропаганда.** Нужно, чтобы было поменьше фраз, так как фразами вы не удовлетворите трудящихся... Каждый агитатор должен быть государственным руководителем, руководителем всех крестьян и рабочих в деле экономического строительства». (Том XVIII, часть II, стр. 184—5, ноябрь 1920 г.).

Вдумайтесь в эти строки—и вы поймете, как часто наши записные работники культурной революции (агитаторы, пропагандисты, просвещенцы) оказываются отсталыми, занимаются никуда негодной пропагандой старого типа! Мы обращаемся с политикой все еще по старинке. Политику мы все еще понимаем в старом смысле, отрываем ее (в нашей пропаганде, в просвещении) от экономики. Мы еще слишком мало вовлекаем трудящиеся массы в нашу главную теперешнюю политику,—в политику экономического строительства советского государства. Наши агитация, пропаганда, просвещенство все еще не приложены полностью на этой политике.

Ленинский завет о коренном изменении методов при переходе к культурно-социалистическому строительству состоит из двух частей: 1) *откажись от старых методов насилия, замени принуждение убеждением*; 2) *откажись от старых методов убеждения, замени рассказ показом, будь государственным руководителем крестьян и рабочих в деле экономического строительства*. Первую половину этого завета мы частью выполнили, выполняем, да и то плохо. Вторую половину только теперь начинаем как следует усваивать и выполнять. В общем культурная революция еще не выработала своих собственных, отчетливых методов работы.

Переживаемая нами, творимая силами рабочих и крестьян великая культурная революция, несомненно, наступит и во всех других странах после победы пролетариата. Это не только наша, но всемирная задача. Разница лишь та, что в высоко-развитых промышленных странах культурная революция разрешит свои задачи несравненно легче, чем у нас. Но всюду в основу этой культурной революции лягут три главных признака:

1) она будет великим историческим самотворчеством трудящихся масс, большинства населения;

2) она будет новой, высшей формой борьбы с буржуазией,—борьбы, которая в корне уничтожит самую возможность появления вновь буржуазии с ее экономическими, политическими, общественными учреждениями, навыками, взглядами и проч.;

3) она выработает свои особенные методы, суть которых сводится к отказу от насилия, к замене принуждения убеждением, примером практического строительства.

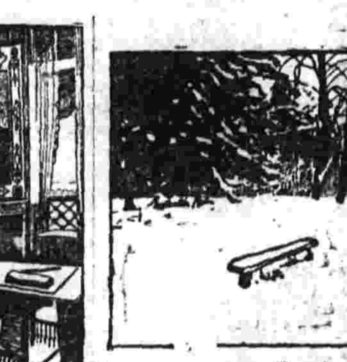
Общая, самая главная задача партии в следующий «год без Ленина»—пропитать весь передовой руководящий слой трудящихся основными началами ленинской культурной революции.

С. ОБРАДОВИЧ.

Траур.

Так тяжко скорби слово! Не постиг
Рожденный в дни баррикад и зарев
Наш битвой опаленный стих
Твою утрату, пролетарий.
Но это не забыть. Тот час,
Тех глаз запалых над онемелым,
Россия на отяжеленных плечах
Покорное качала тело.
Но это не забыть. Неистов
Был вихрь в своей тоске бессонной.
Шагал, как на труднейший приступ,
За гробом командарм Буденный.

Но это не забыть. Безмолвия
Такого не запомнит тишина.
Стояли у глухого изголовья
Поникшая Россия и жена.
И то, последнее. Над клятвою гудков
Дыханье времени и трепет сердца,
И там, у мавзолея, в крик часов
Вдруг побледневшего красноармейца...
Так тяжко скорби слово! Не постиг
Рожденный в дни баррикад и зарев
Наш битвой опаленный стих
Твою утрату, пролетарий.


Комната В. И. в Горках.

Скамеечка в парке (Горки), где любил сидеть В. И.

А. ЗОРИЧ

Мужичье слово.

...Помню, как под'езжали мы в ту незабываемую ночь к глухому, заметенному снегом полустанку, и в замерзшие окна вагона пробивался мутный рассвет и наступал тяжкий день, второй после того, в который на голову ниже стало осиротевшее человечество...

В переполненном вагоне люди молчали угрюмо, за всю дорогу два слова сказаны были о Владимире Ильиче: кто-то говорил—колосс, такие люди рождаются раз в тысячелетие, работница-делегатка поправила: «нет, прост, очень прост, на фабрику приезжал, спрашивал о фартуках—не промокают ли фартухи?»

От полустанка в Горки вез нас на захлебывающихся розвальнях тутошний мужичок. Он орал суетливо на крыле, дергал старательно скрученными веревочными возжами, молчал долго, потом обернулся, оглядел всех невидящими глазами, засопел подтекающим на морозе носом и неожиданно сказал:

— А товарищ-то Ленин... кончился. Помер, помер дорогой человек...

Все знали, что товарищ Ленин кончился, что едут они сюда именно потому, что нет больше товарища Ленина, и никакого особого глубокого смысла не было, казалось, в этих нехитростных мужичьих словах, но впервые за дорогу, может-быть, впервые за все эти скорбные дни, внезапно ощутил каждый до глубины всю непереносимую тяжесть утери.

Каждый ощутил это потому, что в простых словах об умершем дорогом человеке никто и никогда, кажется, не сказал так хорошо о Владимире Ильиче, как обтрепанный этот, заиндевевший, хмыкающий мужичонка,—в простых словах почувствовали все величайшее, ни с чем несравнимое человеческое переживание, невысказанную, в самых тайниках человеческой мысли, человеческих чувств рожденную, острую, мучительную боль.

В эти дни мне много довелось слышать значительнейших и прекрасных слов о Владимире Ильиче, мне много довелось видеть согбенных под тяжестью несчастья людей, много окаменелых, застывших лиц, много человеческого горя, безудержных человеческих слез. Как ни странно может это показаться—ничто так мучительно не врезывалось в память, ничто не ложилось на сердце такой внезапной, неощутимой, непонятной до этой минуты тяжестью, как то, что сказал в эту ночь ободранный, закутанный бабьим тряпьем мужичонка: нет уж, помер, помер дорогой человек...

Ничто не может для меня сравниться с видом деревень, мужиков, встречавших Владимира Ильича, когда из Горок, от полустанка—в последний путь—все его тело с'ездило в Москву, в Колонный, где прощалась с ним траурная Россия, в мавзолей, к которому склонила Россия революционные свои знамена. С вечера еще к придорожным полустанкам—к Расторгуевым, Потаповкам—ехали целыми деревнями мужики и с вечера у полустанка ждали терпеливо на страшном морозе, коченея и отогреваясь бегом, пока повезут дорогого человека. Поезд подходил—мужики, бабы и дети загораживали путь, стояли короткие минуты у траурного вагона, прощались молча и навсегда. Поезд отходил—они стояли также, угрюмые, молчаливые, простоволосые. Никто не плакал из них—за долгую и тяжелую жизнь выплаканы, верно, были все слезы,—но тягостное это и напряженное молчание, но лица их, застылые и неподвижные, их ввалившиеся глаза говорили о том же, о чем сказал нищий мужичонка в Горках: о глубочайшем, о единственном переживании людей, лишившихся того, кто был великим тамадой бедняков, кто всегда находил для них нужные и понятные, утешающие, ободряющие, душевные и серьезные слова, кто с изумительной настойчивостью, с непостижимым упорством, медленно, шаг за шагом, день за днем, учил их быть хозяевами завоеванной революционной страны и свободы.

На обратном пути, в поезде, мы подобрали на каком-то полустанке бабку, пешком с клюкой плетущуюся в Москву: бабка, старуха, плакала тихонько в уголке, обмерзшими, дрожащими пальцами размазывала слезы и грязь по сморщенному коричневому лицу. Она говорила о Владимире Ильиче:

— Жалею, жалею *я* очень... В поминанье его записала, не верил он в бога, а все ж, царство ему небесное, **справедливый был человек, не продал нас всех.** Старик мой от общества к самому ему ходил, что тесно нам жить, видишь, разные всякие дела по земле. Тот послушал и все сделал, как обществу надо, по-справедливому, по-божьему. Вернулся мой старик и сказал: **теперь я увидел свет, правду, где она находится...**

Позднее мне случилось быть в глухих и заброшенных российских деревеньках, куда впервые докатилась тогда страшная весть. И опять я видел те же посеревшие, постаревшие сразу лица, также жутко, тягостно молчал огромный мужичий застывший сход. В уголке, у притолоки, в привычной позе тяжелого, неизбывного деревенского горя, сидел неподвижно и прямо строгий седой старик. О старике говорили что он **убивается сердцем.** Я спросил у него, почему он убивается сердцем, знает ли он точно, кто такой Ленин? Старик подумал, пожевал губами и сказал:

— **Нужный был для нас человек, неколебимый. Такого другого человека любимого нет для крестьян.**

Мне рассказывали о старике—это был бедняк, нищий и страстный поборник и защитник общественной крестьянской справедливости,—что когда делалось что-нибудь неладное в селе, когда скашивали землемера, и землемер перемерял корыстно надельные крестьянские осьмушки, когда душил ростовщическими процентами и чудовищными *отработками* кулак, когда мудрые исполкомщики отказали как-то обществу в сотне кирпича на достройку готовой почти школы, и школа стояла и сырела и гнила без дров,—старик слезал с печи, брал палку и котомку, шел в нужное место, в УЗУ, в ОНО, в исполком, и в нужном месте говорил, обнажив с почтением седую свою, белую, как снег, голову:

— **Поди, товарищ-от Ленин не велел эдак...**

И так необычен был вид его, внушавший невольное уважение, так торжественно и строго звучали эти его слова, была в них такая твердая вера в особенную какую-то, всезнающую мудрость и «неколебимую» справедливость человека, имя которого он произносил,—что в нужных местах, в УЗУ, в ОНО, в исполкоме не спросив даже гербовой марки, принимали необходимые и срочные меры.

Старик возвращался в деревню, лез снова на печку и с печки говорил удовлетворенно и лаконично собравшимся в хату мужикам:

— Пристращал. Ленин-от, говорю, узнает—как же вы тогда?..

Мужики кивали сочувственно головами, вздыхали сочувственно, говорили: «конешно, наш человек»...

Я много перечитал книжек о Ленине, много слышал о нем ярких и сильных, полных глубочайшего смысла, занесенных уже на скрижаль истории слов. Прекрасные книжки, прекрасные слова.

Но что может сравниться с тем, что может быть проще и значительнее и дороже этого, когда в глухой, непроезжей деревеньке, в курной и нищей, насквозь пропахшей мужичьим потом избе—так говорили о Ленине? Может ли Россия мужичья — многоверстная, однолошадная, лапотная—сказать больше этого: **«наш человек, дорогой человек, такого другого человека любимого нет для крестьян».**

Только здесь, в нищих хатенках обездоленных односумов могли родиться такие слова, настоящие, единственные слова, простые и великие, как прост и велик был умерший Ленин.

Здесь, где не столько поняли, быть может, сколько почувствовали, убивались сердцем, как никогда еще не чувствовали, и с исключительной, трагической силой пережили в самых глубинах потрясенного духа утерю того, кто был для них олицетворением высшей мудрости, высшей человеческой справедливости и высшего понимания беспросветной еще, тяжелой и темной мужичьей жизни.

М. ГЛЯССЕР.

Как работал Владимир Ильич.

В своей книжке «О Ленине и ленинизме» тов. Сталин пишет:

«Ленинизм есть теоретическая и практическая школа, вырабатывающая особый тип партийного и государственного работника, создающая особый, ленинский стиль в работе».

Характерные черты этого стиля—русский революционный размах и американская деловитость. «Стиль ленинизма состоит в соединении этих двух особенностей в партийной и государственной работе».

Что же собой представляют эти две особенности?

«Русский революционный размах,—пишет тов. Сталин,—является противоядием против косности, рутины, консерватизма, застоя мысли, рабского отношения к дедовским традициям. Русский революционный размах—это та живительная сила, которая будит мысль, двигает вперед, ломает прошлое, дает перспективу. Без него невозможно никакое движение вперед. Но он имеет все шансы выродиться на практике в пустую «революционную» маниловщину, если не соединить его с американской деловитостью в работе».

Американская же деловитость,—«...это та неукротимая сила, которая не знает и не признает преград, которая размывает своей деловитой настойчивостью все и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело, если это даже небольшое дело, и без которой немыслима серьезная строительная работа. Но американская деловитость имеет все шансы выродиться в узкое и беспринципное делячество, если ее не соединить с русским революционным размахом».

«Только такое соединение дает нам законченный тип работника-ленинца, стиль ленинизма в работе».

Эти слова лучше всего определяют характер работы Владимира Ильича. Именно соединение этих двух особенностей проявлялось всегда во всей его работе, чего бы она не касалась. И именно этому он учил всегда других.

Владимир Ильич был всегда страшно строг и требователен в работе. Ненавидел «трескотню» и «прожектерство», требуя всегда внимания к мелочам, к простым, будничным фактам, «заботы о пуде хлеба и пуде угля»; но и терпеть не мог также «беспринципность» и «узкий практицизм». Видеть во всякой маленькой, будничной работе конечную цель, сознавать свою ответственность не только за свой труд, но и за общее дело борьбы за коммунизм, иметь перспективу во всякой работе,—это было его первым и основным требованием.

Самыми ярыми врагами Владимира Ильича были «разгильдяйство», «распущенность», «халатность»: словом, наша русская обломовщина. Работников, безработных в деле, или работающих, лишь бы «отбыть службу», способных успокоиться на каком-нибудь словесном ответе, не проверив его на деле,—он совершенно не выносил и беспощадно гнал. От каждого работника он требовал прежде всего сознания ответственности за свою работу, умения ее организовать, правильно и точно исполнять и всякое дело доводить до конца, преодолевая все препятствия и никогда не останавливаясь на полдороге. Но Владимир Ильич не просто «требовал» этого: он на каждом маленьком будничном деле показывал, как надо работать, учил своему методу.

Если Владимир Ильич посылал через своего секретаря какой-нибудь пакет со срочным запросом или поручением ведомству или отдельному товарищу, то к словам: «Отошлите этот пакет такому-то», он редко забывал прибавить: Вы раньше созвонитесь, узнайте, где такой-то, чтобы дать точный адрес самокатчику; попросите, чтобы отметили время получения, а как только принесут расписку, покажите ее мне». И после отсылки пакета секретарь был обязан следить за его судьбой с неослабным вниманием, устраняя все препятствия с его пути, так как каждую минуту мог раздаться звонок из кабинета Владимира Ильича, и на его вопрос: «Получил ли мое письмо такой-то? есть расписка? когда будет ответ?»—надо было ответить совершенно точно. А не ответишь или ответишь не совсем уверенно, Владимир Ильич настойчиво повторит: «Проверьте тотчас же», или же проверит сам: берет телефонную трубку, звонит к тому товарищу, которому он посылал письмо, и запрашивает, доставлено ли оно ему?

Это—очень маленький, но очень характерный, типичный для Владимира Ильича пример. Тут два условия: 1) обеспечить правильность и быстроту исполнения всякого решения или поручения и 2) проверить, исполнено ли оно. И эти два условия одинаково применимы и к самому маленькому, и к самому большому делу. Мало отдать распоряжение,—говорил всегда Владимир Ильич. Нужно сделать так, чтобы оно могло быть выполнено, да проверить фактически, на деле, как выполнено.

Владимир Ильич всегда внимательно следил за тем, чтобы велся строжайший контроль за исполнением решений Совнаркома и Совета Труда и Обороны. Если какое-нибудь решение остается на бумаге, виноват не только тот, кому поручено его выполнение, хотя и он заслуживает самого строгого наказания, но и в равной мере тот, кто обязан был следить за исполнением. «Почему не жаловались?»—говорил в таких случаях Владимир Ильич. «Вы обязаны были сказать мне или поставить на повестку!».

Сам Владимир Ильич был всегда чрезвычайно точен в своей работе. На заседания он всегда приходил за пять минут до начала, личным примером воздействуя на товарищей и заставляя их быть аккуратными. Всякому опоздавшему товарищу его опоздание он ставил всегда на вид, требуя безусловной точности в открытии заседания.

О том, как Владимир Ильич председательствовал на заседаниях, уже много писалось. Эти заседания были настоящей школой для всех их участников. Но охватить полностью его работу на них можно будет только тогда, когда будет собран и изучен весь тот богатейший материал, который после них остался. Кроме своей непосредственной работы, как председателя на этих заседаниях, требовавшей громадного напряжения нервов, Владимир Ильич успевал всегда переделать еще массу всяких дел: раздавал на отзыв тем или иным товарищам, стоящим во главе различных ведомств, деловые бумаги и телеграммы, которые он, в качестве председателя СНК и СТО, получал в очень большом количестве; писал записочки товарищам, запрашивая нужные ему сведения, давая различные поручения или обмениваясь мнениями; просматривал новые книги или корректуру своей статьи.

В центре внимания Владимира Ильича, как председателя Совнаркома и СТО, всегда было несколько особо важных вопросов, имевших самое непосредственное, острое значение для существования Советской Республики, над которыми он имел постоянное наблюдение, входя во все мелочи.

Так, во время гражданской войны его кабинет был «главным штабом» всех военных действий. На его столе почти всегда лежали военные карты, по которым он ориентировался лучше любого фронтовика; он требовал себе подробнейших донесений обо всех деталях операций, рассылал десятки телеграмм на все фронты, созывал (иногда по ночам) комиссии и совещания для разрешения тех или иных военных вопросов. Просиживал иногда у телефона несколько часов подряд, говоря с Харьковом или Питером. Большинство его речей и статей того времени проникнуты одной мыслью,—во что бы то ни стало организовать победу, не допустить срыва спекулянтами хлебной монополии, обеспечить Красной армии все необходимое для успешной борьбы.

Годы гражданской войны—годы усиленнейшей работы Владимира Ильича, подломившей его силы. С порядка дня Совнаркома и СТО не сходили «кризисы»: продовольствия, топлива, транспорта, сырья. Это был какой-то заколдованный круг: чтобы добыть хлеб, нужен был транспорт, для транспорта нужно топливо, а для добычи топлива нужен был опять-таки хлеб. Эту головоломку решал Владимир Ильич. И он работал так, как будто за каждый пуд хлеба или вагон дров, застрявшие в пути по вине чьей-либо халатности, он сам лично отвечал и требовал того же от других: не только самому хорошо исполнять свою работу, но искать и устранять все препятствия к правильному выполнению нужного дела. Он заказывал себе справки о количестве заготовленного где-нибудь в Сибири или на Кавказе и подвезенного к крупным промышленным центрам хлеба или топлива, сам подсчитывал и делал расчеты—как их распределить и на сколько хватит, созывал ежедневные совещания для изыскания всяческих экстренных мер и увязки работы отдельных ведомств.

Но, будучи занят выше меры этой всей неотложнейшей, насущнейшей текущей работой, Владимир Ильич всегда умел находить время и энергию для того, чтобы,—каким бы тяжелым ни было положение,—строить фундамент социалистического развития страны. Никто так много не сделал для развития науки и техники Советской России, как Владимир Ильич. Все знают, под каким неослабнейшим наблюдением Владимира Ильича, при его ближайшем участии, в самую тяжелую пору гражданской войны, строился грандиозный план электрификации России. Такими же вниманием и всемерной поддержкой Владимира Ильича пользовались и Гидроторф, и курская магнитная аномалия, и множество других начинаний в области научно-технических открытий.

В короткой заметке нельзя исчерпать и сотой доли работы Владимира Ильича...

О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ РАБОТЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА.

Пятого февраля 1923 года я видела Владимира Ильича первый раз с того времени, как он снова заболел в декабре, и в последний раз—живым.

Он уже больше месяца лежал в постели. Чтение газет, всякие свидания, вызывающие обмен мыслями, какие бы то ни было занятия «текущими делами» ему были абсолютно запрещены врачами до полного выздоровления, под страхом еще большего ухудшения состояния болезни. Единственное, что было ему разрешено, это—читать книги, но очень немного, и, по его настойчивой просьбе, диктовать свой дневник—в начале только по несколько минут в день (потом эта доза все увеличивалась и была доведена до 30—40 минут в день, разделенных на несколько приемов). И Владимир Ильич воспользовался этим правом по-своему: писал «дневник», а вышли руководящие статьи по самым злободневным, «текущим» вопросам, которые, к тому же, он сам и выдвигал; пользуясь правом диктовать, он под видом диктовки вызывал секретаря и давал различные поручения.

В начале февраля в болезни наступило некоторое улучшение. Врачи обещали даже через месяц разрешить чтение газет. В тот день, когда он меня вызвал—пятого февраля, он лежал уже без компресса на голове, был наружно весел, смеялся и шутил. Дал несколько поручений, говорил совсем легко, как прежде, разве немножко медленнее; по-прежнему старался предугадать все детали для беспрепятственного и быстрейшего выполнения его поручений. Его интересовала разработка материалов по переписи, произведенной ЦСУ в Москве и Петрограде (он знал об этом до заболевания): затребовал точных сведений, в каком положении находится разработка этих материалов, в какой срок предполагается ее закончить и будут ли они опубликованы. Говорил, что нужно «подгонять».

Позднее он при каждом вызове секретаря снова возвращался к этому вопросу, спрашивал, скоро ли будут материалы опубликованы и в каком виде; просил показать ему корректуру сборника.

И раньше всегда характерным для Владимира Ильича было стремление как бы все ускорять темп своей работы, как будто он боялся, что не успеет переделать всего того, что себе наметил. За период же своей последней работы—с декабря 1922 года по март 1923 года, имея в своем распоряжении лишь по полчаса ежедневно, редко—больше, а иногда и меньше, он страшно торопился успеть, сказать и сделать все, что нужно. По мере же того, как, хотя бы немного, улучшалось его состояние, возвращалась его прежняя энергия и инициатива, и оставаться в рамках «спокойно выздоравливающего больного» он явно не мог. А это, в свою очередь, вызывало ухудшение.

К тому же Владимира Ильича сильно затрудняла его непривычка диктовать: до болезни он писал свои статьи всегда сам, не прибегая к помощи стенографов. В секретариате Владимира Ильича сохранилась такая запись стенографистки от 6 февраля, сделанная ею во время просмотра Владимиром Ильичем своей статьи «Лучше меньше, да лучше».

«Пробегая статью, Владимир Ильич делал отступления, говорил о своей старой привычке писать, а не диктовать; что теперь он понимает, почему стенографы его не удовлетворяют; что он привык видеть свою рукопись перед глазами, останавливаться, обдумывать в затруднительных случаях то место, в котором он «увязал», ходить по комнате, даже просто убегать куда-нибудь гулять; что ему и теперь часто хочется схватить карандаш и писать или вносить самому исправления. Вспоминал о том, как он пытался диктовать свою статью стенографу тов. Троцкого еще в 1918 году, как он в том случае, когда чувствовал, что «вязнет», в смущении «гнал» все дальше и дальше с «невероятной» быстротой, и как это привело к тому, что ему пришлось сжечь всю рукопись, после чего он сел писать сам и написал «Ренегата Каутского», которым остался доволен».

Все это Владимир Ильич рассказывал, смеясь. Но мне думается, что, благодаря этой своей непривычке диктовать, ему приходилось гораздо больше, чем «отпущенные» врачами полчаса, уделять предварительному обдумыванию статей для того, чтобы при диктовке не потерять ни одной лишней минутки.

Правом своим читать Владимир Ильич старался, по-своему, пользоваться как можно более широко. Перед тем, как писать статью, он запрашивал литературу (по кооперации, по научной организации труда); спросил однажды книжку Ходорова «Мировой империализм и Китай». Читал «Записки» Суханова. Ему составлялись списки новых книг, из которых он выбирал то, что хотел прочесть. Вот список книг, которые он себе запросил для прочтения 10 февраля:

1. Ромпцин. Новая наука и марксизм.
2. Семковский. Марксизм, как предмет преподавания.
3. Альский. Наши финансы за время гражданской войны и нэпа.
4. Основные проблемы теории денег. Сборник статей.
5. Фальднер. Перелом в развитии мирового промышленного кризиса.
6. Цыперович. Мы сами.
7. Аксельрод (Ортодокс). Против идеализма.
8. Древс. Миф о Христе.
9. Курков. Конец русского царизма.
10. Кличников. На темы дня. Страницы пролетарской идеологии.
11. Медведовский. Пролетарское миротворчество. Об идеологических уклонах современной пролетарской поэзии.

Но через несколько дней после того, как Владимир Ильич затребовал эти книги, ему стало хуже. Участились головные боли. Вызывая к себе секретаря, он стал все чаще просить торопиться с выполнением его поручений. 27 февраля он еще запросил, чтобы ему дали стенографический отчет X С'езда Советов и VII том «Записок» Суханова. Но уже в первых числах марта непреодолимое, несмотря на всю его волю, развитие болезни вынудило Владимира Ильича навсегда прекратить работу.

Л. ФОТИЕВА.

Госаппарат и В. И. Ленин

Через всю работу Владимира Ильича со времени Октябрьской революции красной нитью проходит забота об улучшении госаппарата. В первые годы советской работы борьба с беспорядком, хаосом и бюрократизмом в учреждениях была необыкновенно трудна, так как существование военных фронтов, общая хозяйственная разруха и всевозможные «кризисы», переживаемые Советской республикой (продовольственный, топливный и др.), требовали напряжения всех сил и отодвигали на второй план заботу о госаппарате. Только сильнейший напор Владимира Ильича, его входящие во все детали указания и требования, его резкое осуждение за недостатки точности, аккуратности и деловитости в работе производили должное впечатление и достигали некоторых результатов.

После того, как гражданская война, представлявшая непосредственную угрозу для самого существования советской власти, закончилась и приступлено было к мирному хозяйственному строительству, Владимир Ильич все настойчивее возвращается к задаче улучшения работы наших учреждений. Зная хорошо, какой невероятный беспорядок и бестолковость царят в них, Владимир Ильич с возмущением отзывался о суматохе и сутолоке, которые губят все, об обломовщине, затягивающей нас в «поганое бюрократическое болото».

В апреле 1922 г. Владимир Ильич писал в одном из своих писем:

«Необходимо наладить, хотя бы для начала в очень немногих учреждениях, за перемещением коммунистов внутри сов. учреждений, стремясь к тому, чтобы коммунисты занимали исключительно такие должности (как в самом верху, так и в самом низу иерархической лестницы), которые позволяют им действительно проверять ход работы, действительно бороться с бюрократизмом и волокитой, действительно добиваться непосредственного улучшения положения и облегчения судьбы тех несчастных граждан, кои вынуждены иметь дела с нашим никуда негодным советским аппаратом».

Однако, сам Владимир Ильич признавал громадные трудности работы по улучшению нашего аппарата. В статье «Лучше меньше, да лучше», написанной уже в январе 1923 г., он называет эту работу «чертовски неблагодарной», требующей «дьявольской настойчивости», и указывает на специфическую причину ее трудности. Он пишет:

«Во всей области общественных, экономических и политических отношений мы «ужасно» революционны. Но в области чинопочитания, соблюдения форм и обрядов делопроизводства наша революционность сменяется сплошь да рядом самым затхлым рутинерством. Тут не раз можно наблюдать интереснейшее явление, как в общественной жизни величайший прыжок вперед соединяется с чудовищной робостью перед самыми маленькими изменениями.

Это и понятно, потому что самые смелые шаги вперед лежали в области, которая составляла издавна удел теории, лежали в области, которая культивировалась главным образом и даже почти исключительно теоретически. Русский человек отводил душу от постылой чиновничьей действительности дома за необычайно смелыми теоретическими построениями, и поэтому эти необычайно смелые теоретические построения приобретали у нас необыкновенно односторонний характер. У нас уживались рядом теоретическая смелость в общих построениях и поразительная робость по отношению к какой-нибудь самой незначительной канцелярской реформе. Какая-нибудь величайшая всемирная земельная революция разрабатывалась с неслыханной в иных государствах смелостью, а рядом нехватало фантазии на какую-нибудь десятистепенную канцелярскую реформу; нехватало фантазии или нехватало терпения применить к этой реформе те же общие положения, которые давали такие «блестящие» результаты, будучи применяемы к вопросам общим.

И поэтому наш теперешний быт соединяет в себе в поразительной степени черты отчаянно смелого с робостью мысли перед самыми мельчайшими изменениями».

Наихудшим недостатком в работе наших учреждений Владимир Ильич считал недостаток самостоятельности, единоличной, персональной ответственности за исполняемую работу и отсутствие проверки исполнения, «проверки того, что вышло на деле», как говорил он. *Преодолеть, изжить, уничтожить эти основные недостатки—значит окончательно освободиться от старого, бюрократического, гнилого аппарата, доставшегося нам по наследству от царской власти, и создать новый образцовый аппарат.* Признавая всю трудность этой задачи, Владимир Ильич тем более резко обличал и осуждал недостатки нашего госаппарата. Но не только осуждал их Владимир Ильич; всей своей работой, своим личным примером, своими указаниями и наставлениями, вникающими во все мелочи, во все частности работы, настойчиво и терпеливо учил он добиваться создания настоящего делового, точно работающего аппарата.

При всей той важнейшей работе в мировом масштабе, которую выполнял Владимир Ильич, он был вместе с тем и «практическим инструктором государственной работы».

От отдельных работников и от учреждений Владимир Ильич требовал самостоятельной и ответственной работы «в пределах предоставленных им прав и лежащих на них обязанностей». Если какое-либо ведомство представляло на разрешение СНК вопрос, который мог быть решен распоряжением самого ведомства, Владимир Ильич резко осуждал это, так как здесь он видел недостаток самостоятельности и желание снять с себя ответственность. «Надо добиваться, чтобы наркоматы больше решали сами и отвечали за это»,—говорил он. Он требовал также резкого разграничения обязанностей, ибо при неопределенности, неясности в том, что кому поручено, нет лица, ответственного за данную работу и, следовательно, не может быть ручательства за исполнение. Исполнение каждого, даже мельчайшего дела должно быть доведено до конца, т.-е. проверено его фактическое исполнение. В этом отношении для Владимира Ильича ни одно дело не было слишком мелким. Он не верил словам. «Кто верит на слово, то безнадежный идиот»,—говорил он и учил нас требовать документа, «бумажки», будь то согласие ведомства с каким-либо касающимся его важнейшим предложением или просто расписка в получении письма.

Стремление снять с себя ответственность и переложить ее на коллектив, на комиссию, на Совнарком, неизбежно приводило ко множеству заседаний. Владимир Ильич с возмущением говорил о том, что в разговорах на заседаниях и в писании бумажек и декретов тонет живая работа. Он осуждал спешное писание плохих декретов, которых никто не исполняет. В 1919 г. по требованию Владимира Ильича отдел законодательных предположений Наркомюста выпустил брошюру «Исполняйте законы Советской республики», которую редактировал сам Владимир Ильич. Она представляет собой призыв к рабочим и беднейшему крестьянству твердо исполнять законы, установленные советской властью. Эту брошюру Владимир Ильич распорядился раздать всем членам СНК, секретарю иметь ее всегда при себе во время заседаний и постоянно ссылался на нее и выписками с ней на заседаниях СНК.

Владимир Ильич боролся также с длинными прениями на заседаниях, которые он считал непроизводительной тратой времени. Это время он старался заполнить, занимаясь одновременно со слушанием прений многими другими делами. В № 275 «Правды» сфотографирована заметка Владимира Ильича «о чистке русского языка», написанная им во время одного из заседаний. Владимир Ильич юмористически называет эту заметку «размышлениями на досуге, т.-е. при слушании речей на собраниях».

Первый регламент СНК, ограничивающий время докладчиков и лиц, участвующих в прениях, был написан собственноручно Владимиром Ильичем в 1919 г. во время одного заседания СНК. Он не любил многоречивых докладчиков, говорящих общие фразы. Обычно его требование было говорить кратко, «только суть», а когда вопрос уже выяснен—«только цифры и практические предложения». Особенно преследовал он длинные, бесформенные доклады устные и письменные, которые иногда представлялись к заседанию. Такие доклады он считал одним из видов саботажа, так как «их, конечно, никто не читал и читать не в состоянии»,—говорил он обыкновенно. Однажды на одном из заседаний СНК, если не ошибаюсь в 1920 г., его измучил доклад одного военного спеца. Раскритиковав его в пух и прах, он неожиданно сказал: «Приходите ко мне завтра в час дня, я научу вас, как надо писать доклады». На другой день после часовой беседы с ним Владимир Ильич с удовлетворением сказал: «Вот умеют же написать доклад, если захотят». Оказывается военный спец признался ему, что просидел всю ночь и приготовил доклад такой, какого требовал Владимир Ильич.

Присутствие большого числа докладчиков от ведомств на заседаниях СНК вызвало протест Владимира Ильича, так как отрывало работников от живой работы и без нужды затягивало заседания, благодаря участию в прениях большого числа лиц. По его инициативе СНК принял постановление, ограничивающее количество докладчиков одним-двумя от каждого ведомства.

Владимир Ильич возмущался тем, что докладчики, приходя к началу заседания, тратили очень много времени на ожидание, и требовал организации вызова докладчиков ко времени слушания того вопроса, для которого его вызывали. «Держите его на телефонном расстоянии»,—говорил он обыкновенно.

В октябре 1921 г. Владимир Ильич написал следующее письмо управделами СНК тов. Горбунову:

«Прошу вас провести, после надлежащего соглашения с пред. МСНК (и выяснения с секретарями), чтобы:

порядок вызова докладчиков (и в Б. и в М. СНК) был изменен.

Теперь докладчики получают вызов на час. вообще и ждут часами.

Это—безобразие и дикость. Надо добиться того, чтобы докладчики вызывались на один определенный час.

При двойной проверке по телефону, нужны ли докладчики и какие: при правильном размещении дел определенного заседания (дела с докладчиками и дела без докладчиков) можно и должно добиться того, чтобы больше 15 минут докладчики не ждали.

Прошу вас выработать такой порядок немедленно, тщательно обдумав его, и сообщить мне решение об этом, проведен. через МСНК».

Проверке фактического выполнения реальной работы Владимир Ильич придавал первостепенное значение и требовал ее всегда и во всем, как в большом, так и в малом. «Без этой проверки не вылезть из бюрократического болота»,—говорил он.

Ответственность за исполнение Владимир Ильич возлагал не только на того, кто должен был исполнить то или другое постановление или поручение, но и на того, кто непосредственно в этом исполнении заинтересован. Например, если Совнарком предписывал Наркомпроду выдать муки для рабочих какого-нибудь завода, или Наркомфину отпустить своевременно какую-нибудь сумму денег и выяснялось, что это предписание не выполнено, то Владимир Ильич неизменно спрашивал: «А вы жаловались? Когда? Какого числа? Где доказательство? Где бумажка?» В отсутствии жалобы со стороны заинтересованного лица или учреждения он видел ту халатность и беспечность в деле, которые всегда сурово осуждал.

Проверку исполнения постановлений и поручений СНК и СТО он считал главнейшей работой управления делами СНК. Для облегчения этой работы, по инициативе и по указаниям Владимира Ильича, нами были заведены карточки, на которые выписывались все поручения, даваемые Совнаркомом отдельным ведомствам. Однажды, уже в мае 1922 г., незадолго до своей болезни, Владимир Ильич пожелал лично проверить сотрудницу секретариата СНК, на которой специально лежала эта работа. Познакомившись с тем, как идет работа, он сделал ряд резких замечаний за то, что карточки заполняются неточно и неаккуратно. «Лучше проверять исполнение лишь части постановлений,—говорил он,—но проверять с педантичной аккуратностью». «Вы должны уметь поймать виновного в неисполнении и добиться того, чтобы он был подвергнут взысканию». «За неаккуратное исполнение виновные должны быть беспощадно караемы арестом или увольнением от должности. Задача—приучить наркоматы к аккуратности, сажая в тюрьму и прогоняя неаккуратных исполнителей». Он требовал представления ему 2 раза в месяц отчета, написанного «кратко, телеграфным стилем», о том, как идет дело организации аккуратной проверки исполнения. За неуспех—увольнение».

Но не только проверки исполнения постановлений высших правительственных органов требовал Владимир Ильич. Этой проверки исполнения и точности он требовал на каждом шагу нашей текущей работы. Если он поручал послать срочное письмо, то нужно было сначала найти по телефону того, кому оно адресовано, чтобы знать, где он в настоящее время находится (чтобы посыльный зря не ходил), получить его личную расписку, да еще узнать по телефону, когда будет дан ответ.

Распространенную теперь расписку на конверте ввел впервые Владимир Ильич. Это маленький, но характерный пример: если человек расписался на конверте, то не может быть уже никакого сомнения, что он не получил письма, которое было в этом конверте.

Однажды, в сентябре 1921 г., рассерженный случайно пролежавшей четвертью [illegible] в отправке его письма Владимир Ильич сделал следующее письменное распоряжение:

«Предписываю:

1) По каждому документу или пакету, который я даю для отправки, проверять лично дежурной секретарше (которая должна иметь заместительницу на случай ухода и сговариваться с телефонистками, дежурящими круглые сутки, о замене).

2) Сделаны ли все надписи (в собствен. руки, срочно, с распиской на конверте и т. д.).

3) Передано ли тотчас курьеру.

4) Обязательно проверить по телефону у адресата.

5) Мне сообщать возвращенной распиской [illegible].

6) То же правило исполнять на [illegible] и телефонограммы в букве, на случай поручения в часы, когда секретарши [illegible]».

Если Владимир Ильич поручал [illegible] вызвать кого-нибудь, нужно было [illegible] по телефону, с [illegible] до назначенного срока, [illegible] распорядиться [illegible] в Кремль и в помещение СНК, [illegible] в срок пришел ли такой-то, не [illegible] ли по Кремлю в поисках дороги, не застрял ли где-нибудь в пропуске. И ровно в назначенный час Владимир Ильич принимал его. А если на несколько минут задерживался приемом другого лица, то непременно поручал извиниться и [illegible] несколько 5—10 минут.

Самостоятельность в каждой работе, точное разграничение обязанностей, [illegible] ответственность за исполняемую работу и проверка фактического [illegible] проверка реального результата работы—были главнейшими требованиями Владимира Ильича, которыми он приучал нас к работе и [illegible]. Эти его советы и указания, в сущности, выработали тип государственного деятеля в практической работе, [illegible] широкий и глубокий революционный размах [illegible], «ленинский» стиль в работе.

ДМ. УЛЬЯНОВ.

Из моих воспоминаний о Владимире Ильиче.

1. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ССЫЛКИ.

Двадцать пять лет назад, в начале 1900 года, Вл. Ильич возвращался из Сибири после трех лет ссылки, которую отбывал в селе Шушенском, Минусинского уезда, Енисейской губернии. Возвращался он один, без Надежды Константиновны, у которой еще не окончился срок ссылки. Она доехала с В. И. до Уфы и осталась там отбывать гласный надзор полиции.

Получив извещение о времени выезда В. И., я встретил его в 40 верстах от Москвы, в Подольске, где тогда жил. Нашел его в вагоне 3-го класса дальнего поезда, по всему видно было, что публика ехала из холодных стран,—меховые шубы, дохи, сибирские шапки с наушниками, валенки, сурки и т. д. были разбросаны по вагону. В. Ильич выглядел поздоровевшим, поправившимся, совсем, конечно, не так, как после предварилки. Прежде всего он расспросил про семейных, про здоровье матери; стал спрашивать о новостях, но скоро выяснилось, что он гораздо богаче меня новостями, несмотря на то, что ехал из ссылки, а я жил под Москвой.

Затем разговор перешел к наделавшей в то время много шума книге немецкого с.-д. Э. Бернштейна, самого откровенного и бессовестного тогда ревизиониста и оппортуниста. В. И. жестоко критиковал и ругал, конечно, этого Бернштейна и говорил, что это очень опасное искажение Маркса, и с ним поэтому необходима самая решительная и беспощадная борьба. Попутно он обрушился на наших русских оппортунистов, на так называемый экономизм, на периодические органы этого направления: «Рабочее Дело» и «Рабочую Мысль».

Когда, по прибытии в Москву, мы ехали с В. И. на извозчике к своим, на Бахметьевскую улицу, я был счастлив и горд тем, что я на полтора часа раньше других его встретил и что я «привезу» его к ним.

Вл. Ильичу было предоставлено выбрать себе для жительства любой город, кроме столиц, университетских городов и, кажется, фабрично-заводских центров. Он остановился на Пскове. Псков, где он никогда не бывал и никого там не имел, был выбран, повидимому, только благодаря его близости к Петербургу, который в то время, конечно, был центром внимания Ильича. Из Пскова легче можно было производить наезды в Питер, следить за ходом рабочего движения, сноситься с непосредственно работающими товарищами и влиять на движение. И вот один или два раза В. И. удалось благополучно с'ездить туда и видеться с кем надо. Но в последний свой приезд он попался опять в руки полиции.

Вместе с Мартовым, который был тогда единомышленником В. И., они отправились в Питер. Прибытие на Варшавский вокзал, т.-е. ехать прямо, казалось им опасным. Они решили замести следы и приехать с другого вокзала, где их не ждут шпики. Проехали из Пскова до Гатчины, оттуда повернули по боковой линии на бывшее Царское Село, там опять пересели в другой поезд и благополучно, казалось, прибыли в Питер. На другой день утром, когда В. И. вышел из квартиры, где ночевал, его внезапно схватили,—как он рассказывал потом,—«за руки, один—за правую, другой—за левую, да так взяли, что не двинешься... если бы надо было что-нибудь проглотить, не дали бы». Посадили на извозчика и привезли в градоначальство; там, конечно, обыскали, но ничего не нашли. Отвели тут же в камеру. Вызывают на допрос: «Зачем приехали? Вам ведь известно, что в столицы вам запрещен в'езд?» Далее: «И выбрали путь, нечего сказать! Через Царское Село! Да разве вы не знаете, что там мы за каждым кустиком следим?»

При градоначальстве сидеть было очень скверно, не сравнить с предварилкой! «Инсекты не дают покоя ни днем, ни ночью,—рассказывал В. И.,—я вообще грязь невозможная, а кроме того, ночью шум, ругань; как раз около камеры усаживаются каждую ночь в карты играть городовые, шпики и пр.»...

Хорошо, что сиденье здесь продолжалось не более двух недель. В. И. еще очень беспокоился, чтобы у него не отобрали заграничного паспорта, который был уже в кармане. А с этим паспортом был связан дальнейший план действий: ехать за границу и приступить к изданию большой политической газеты—будущая «Искра»,—которая должна стать органом революционной социал-демократии в противовес экономизму и пр., которая должна тесно связаться с местами и стать центром собирания и организации партии пролетариата.

По освобождении В. И. поехал в Подольск, где мы жили с матерью. Его сопровождал от самого градоначальства полицейский чиновник, который и доставил В. И. по назначению—прямо к исправнику Подольского уезда. Исправник, некий Перфильев, старый чинодрал, любивший при случае метнуть гром и молнию, но трус по существу, потребовал у В. И. документы. Тот пред'явил свой заграничный паспорт. Перелистав и просмотрев его, исправник положил документ к себе в письменный стол и сказал: «Теперь вы можете итти, а паспорт останется у меня!» Самое страшное для В. И. случилось: у него отобрали заграничный паспорт, и кто отобрал? Какой-то уездный исправник! «Документ мне нужен,—сказал В. И.,—возвратите его мне». Исправник величественно ответил: «Вы слышали,—документ останется у меня, а вы можете итти». В. И. протестовал и заявил, что он не уйдет, пока не получит обратно паспорта. Исправник стоял на своем. Тогда В. И. повернулся к выходу и заявил: «В таком случае я принужден жаловаться на ваше незаконное действие в департамент полиции», и вышел. Исправник струсил, последняя фраза произвела свое действие. Он вскричал: «Послушайте, г. Ульянов, вернитесь назад! Вот ваш паспорт, возьмите его».

В. И. ждали дома с нетерпением. Как только он перешагнул порог, он внес с собой живость и веселье. Начал рассказывать о своих последних злоключениях и прежде всего об этом «старом плуте и дураке» исправнике. Он был еще возбужден после этой схватки: «Хотел отобрать у меня заграничный паспорт, старый дурак, так я его так напугал департаментом полиции»...—и В. И. весело захохотал.

В. И. учился в гимназии прекрасно, переходил из класса в класс с круглой пятеркой и первой наградой и окончил гимназию 17 лет с золотой медалью.

Когда задавали на дом сочинение, он никогда не писал их накануне подачи, наспех, просиживая из-за этого ночь, как это делало большинство гимназистов в наше время. Наоборот, как только об'являлась тема и давался примерно двухнедельный срок, В. И. сразу брался за работу. Он составлял на четвертушке бумаги план сочинения, с введением и заключением. Затем брал лист бумаги, складывал его пополам в длину и на левых полосах листа набрасывал черновик, проставляя буквы и цифры, согласно составленного плана. Правые полосы листа или широкие поля оставались чистыми. На них в последующие дни он вносил дополнения, пояснения, поправки, а также ссылки на литературу,—смотри там-то, страница такая-то.

Постепенно, день за днем, правые полосы листа первоначального черновика испещрялись целым рядом пометок, поправок, ссылок и т. д. Тогда, незадолго до срока подачи сочинения, он брал чистые листы бумаги и писал все сочинение начерно, справляясь по своим пометкам в различных книгах, которые у него уже были припасены заранее. Теперь ему оставалось только взять чистую тетрадь и переписать чернилами набело вполне обработанное и готовое сочинение.

Между прочим, В. И. никогда (в гимназии) не писал черновиков чернилами, исключительно карандашом. При этом он очинивал карандаш чрезвычайно тонко, с какой-то особой любовью, так что буквы получались, как тонкие нити. Как только карандаш тупился или ломался, он с новым усердием очинивал его вновь и вновь, доводя до идеального состояния.

Мне, мальчику 12—13 лет, очень нравилось следить за тем, как В. И. пишет сочинения, я пробирался в его отсутствие к первому листу черновика и удивлялся, как быстро правая половина листа дополнялась все новым и новым.

Преподавателем словесности у В. И. и ближайшим оценщиком его сочинений был тогдашний директор симбирской гимназии Федор Михайлович Керенский, отец известного эсера. Тот восхищался сочинениями В. И. и очень часто ставил ему не просто пять, а пять с плюсом. Не раз он говорил нашей матери, что ему особенно нравятся в сочинениях В. И. продуманная система, полнота мыслей и в то же время сжатость, ясность и простота изложения.

У матери долгое время хранились некоторые гимназические сочинения В. И., но, к сожалению, в связи с многочисленными переездами из города в город, с жандармскими обысками и т. д., они все растерялись.

В. И. в своих ученических сочинениях уже тогда проводил хорошее правило, которому многим надо бы следовать и теперь: чтобы мыслям было просторно, а словам тесно.

С. ЗОРИН.

Отрывки из воспоминаний.

Холодно до жути. Гроб стоит на площади. Сюда, в мавзолей, заходят погреться от стужи и, чего греха таить, погреться от ледяных чувств, рожденных горем. Здесь греются возле электрических грелок, а еще больше возле мысли друг у друга.

— Ты говоришь сусуд? Как же так?..

Это говорит крестьянин с заиндевевшей бородой, нервно поглаживая рукой от открытой шеи через бороду.

— Сосуд, товарищ,—отвечает девушка в кожаной куртке, вероятно, вузовка.

Крестьянин на корточках у стены, а девушка возле грелки, сидя на полу.

— Сосуд—это, товарищ, значит как бы трубка... Кровь по ней циркулирует, т.-е. движется. И, значит, этот сосуд сильно засорился... Проходу, значит, нет для крови. Вот, остановился правильный пробег крови, значит, болезнь. А потом совсем нельзя протекать крови... Ну, я смерть.

Крестьянин нервно теребит бороду и недоверчиво смотрит на девушку.

— Говоришь, от этого и помер? А откуда это ты знаешь? Ученая что ли? Как же так: сусуд!..

А девушка, увлекаясь предметом болезни Ильича, об'ясняет своему собеседнику, где находятся какие сосуды и их связь между собой, и для большей ясности все чаще повторяет ему в том слове: значит. Крестьянин вначале явно не доверял рассказу девушки. Он частенько спрашивал: а откуда это ты знаешь? Потом, когда его собеседница все ярче расписывала, как течет кровь по артериям, как она питает мозг человека и как без этого питания мозг перестает работать,—крестьянин, все чаще поглаживая бороду рукой, все меньше перебивал рассказчицу недоверчивыми вопросами и, наконец, сказал:

— Все равно, как земля, значит, эти мозги. Если нет орошения, значит, высыхает. А сусуд,—это в роде как бы для орошения. Чем сколоразнее, значит, тем лучше орошай. А тут, значит, не прицеливали...

Он довел бы свою мысль до конца, если бы ему не помешали американские корреспонденты. Их было двое. Оба в больших роговых очках, оба пронырливо-шумливые. Они быстро осмотрели внутренность мавзолея, записывая что-то в свои блокноты. Потом они очутились около крестьянина, заканчивавшего свою мысль, и, не ожидая конца его речи, направили на него свои очки, как бинокли.

Переглянулись, довольные: настоящий русский мужик. Их переводчик обратился к старику:

— Что вы можете сказать по поводу смерти Ленина?..

Старик, надувшись, посмотрел по сторонам.

— Ленин... помер...

Переводчик перевел. Корреспондентов этот ответ, видимо, не удовлетворил.

— Каково ваше мнение?—допытывался переводчик.

Старику было не по себе. Он ежился всей литерой над бородой и вылезал из себя:

— Ну, помер... Не надо бы... да помер.

Тогда корреспонденты пошли на хитрость. Их переводчик провозгласил:

— Имейте в виду, что ваше мнение завтра будет напечатано во всех американских газетах. Понимаете?.. Уже завтра появится. Мы пошлем по радио-телеграфу... По радио!..

Крестьянин отвернулся от них, посмотрел на притихшую свою собеседницу и сказал ей:

— Ты вот ученая... Ты им об'ясни вопросами этими... Пусть пойдут кобыле под хвост...

Я отогревался возле другой грелки, а возле меня присаживается пожилая крестьянка. Я видел ее на с'езде. Она не то рязанская, не то пензенская. На с'езде она медленно подходила к ораторской трибуне. Спокойно обводила громадный театр своим взором и спокойно, медленно начинала говорить. В ее спокойствии чувствовалась большая уверенность и сила. И это волновало слушателей, доводя их до восторга.

И здесь она медленно подошла к грелке. Опустилась на пол. Протянула к теплу свои корявые ладони. Потерла их. Потом сняла валенок, сказала:

— Чулок-то мокрый. Доктор сочинял. Коленку перевязывал. Поскользнулась я, зашибла в гостях у Владимира Ильича. Вот... Похлопала рукой по мокрому дочиста валенку чулку и подвинула ногу поближе к грелке.

— Чулок-то, он высохнет. Ой, и хорошо тут будет Владимиру Ильичу-то. Тепленько.

И, отогреваясь все больше, она мягким, певучим говорком нанизывает свои спокойные слова.

— Видала я намедни в «Горках», покойничку-то нашему поклониться. Ой, и холодно было! Застудилась... А Надежда Константиновна говорит: «Вот видишь, товарищ, приятно было Владимиру Ильичу-то читать твою речь на с'езде. Говорил: вот до чего дошли наши простые крестьянки»... И поцеловала она меня, а я ее. А потом пошли мы к покойничку и по бабьему делу поплакали возле его. Отвели душу. А потом сидела я, смотрела на Надежду Константиновну и все говорила ей про нашу деревню.

— И до чего же мужики у нас были глупые, а теперь поумнели. Все уж не то, что раньше. И «мой» тоже, бывало: «Куда тебе, бабе, в мужицкие дела лезть, и кой из твоих делегаток толк будет?.. Сидеть бы тебе с своими соломенными на печи».

— А комсомольцы, у меня двое их—внученки. Васютке-то, старшему, двенадцать лет. Запрягла я лошадь, Васютку посадила, поехала в город на делегатское. И говорю в городе товарищам: не верят нам, бабам, мужики; ищи, говорят, своришь, а дела не сделаешь. Надо нам надумать такое, чтобы поверили. Привести бы им бумагу на отвод лесу, вот тогда бы поверили. И что ж, договорились мы с земельным-то отделом, делегатки помогли. Привезла мужикам бумагу. Получайте лесу мужики-товарищи, потому—за баб власть. «А если так,—говорят,—то мы тебя делаем нашей властью». Ладно, говорю, мужички, только слушаться меня надо. У нас строго. Делегаткам сообщу—худо будет. И была я вначале сельская власть, потом волостная. И в городе состою, и в губернии в членах. А теперь в Москве. С Надеждой Константиновной говорила. У покойника в изголовьях стояла. До конца дней покойника в душе носить буду. Ой, и хорошо расскажу я мужикам обо всем, что видела... Чай, каждый день ждут они меня у станции. Прямо так ждут... как владычицу морскую.

И поднявшись с пола, оправляя свои не по летам черные пряди волос на голове, она всей своей уверенной фигурой прекрасно походила на сказочную, строгую, но добрую владычицу.

— Пойду еще раз постою у покойника. Все больше сынам рассказать будет чего. Ой, и хорошие они у меня мужики-то! Четверо их.

И вся насыщенная мыслями о сынах, внучатах, о мужиках-товарищах, об их делах и заботах, насыщенная беспредельным материнским владычеством, она вышла.

Кто-то убежденно обронил:

— Такие, как она, с Лениным в душе, такие преобразуют всю жизнь.

Г. ТИМОФЕЕВ.

Два урока.

Считаю своим долгом поделиться со всеми, кому дороги заветы тов. Ленина, двумя характерными уроками, которые я получил от него при одной из встреч.

Дело было в первой половине ноября 1917 года. Будучи комиссаром пограничной охраны и пропускного пограничного пункта Торнео, я прибыл в Смольный для информации и получения необходимых инструкций. Я привез также письмо, адресованное на имя тов. Ленина и переданное мне проезжавшим эмигрантом Б. во время личного его осмотра. Это письмо мною было вскрыто, так как на нем была обнаружена сургучная печать с короной, что дало повод мне усомниться в подлинности адресата.

При передаче письма оно оказалось действительно предназначенным тов. Ленину. Мне был задан вопрос, почему я его вскрыл. И после об'яснения, со стороны тов. Ленина последовало одобрение моих действий не только словами, но и товарищеским хлопаньем по плечу, сопровождавшимся пожеланиями приблизительно следующего содержания: «И впредь, если будет то или иное сомнение в каком бы то ни было деле, его следует проверять, так как всякое сомнение подрывает веру в успех дела». Письмо же, по словам т. Ленина, исходило от тов. Воровского, первого представителя советской власти в Стокгольме, и запечатано было его кольцом.

Тут же я получил от т. Ленина и второй урок. Он предложил мне взять на себя восстановление живой связи между Смольным и Торнео и контроль по всей телеграфной и письменной почте Смольный—Стокгольм, проходящей через Торнео. Я стал отказываться по мотивам, что у меня нет для этого соответствующих людей и необходимых материальных средств. Тогда он спросил: матрос и революционер ли я, и, получив ответ: «да», он более настойчиво заявил, что я это должен сделать. Но я продолжал стоять на своем, доказывая, что у меня ничего нет и работа эта мне не подходит. Тогда он произнес: «Ах, у тебя ничего нет!»—и тут же, стоя, написал мне следующее письменное поручение:

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦІОННЫЙ КОМИТЕТЪ ПЕТРОГРАДСКАГО Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

[illegible]

[illegible] ...фрос и революционер ли я, и на мой утвердительный ответ тут же, в приемной, взял меня за воротник бушлата (флотский признак) и выпроводил из кабинета с напутствием: «Иди и сделай».

Такое бесцеремонное простое товарищеское обращение побудило меня взяться за это дело, и оно было выполнено в большей мере, чем по заданию (живую связь удалось восстановить не только с Торнео, но и с Стокгольмом).

При последующей встрече он справился о данных мне заданиях, и, узнав о выполнении их, опять, довольный, потрепал меня по плечу со словами, сказанными вето... [illegible]

И вот два урока на всю мою жизнь, два маяка в моей дальнейшей работе, которые не раз выводили меня из затруднительных положений при выполнении тех или иных революционных поручений.

Первый из них: дают революционное поручение, выполняй его, сметай все на пути, но осуществи его!

Второй: проверяй все, что сомнительно, не будет веры в успех дела, если закралось сомнение. Если нужно, то проверяй и самого себя и доверяй только фактам.

Ими я обязан великому, [illegible] и дорогому вождю и учителю Владимиру Ильичу Ленину.

Наличие программы и торжественнейшие заявления [illegible] цены, если нет на практике, делами доказанного факта, что коммунисты и вожди рабочих умеют ставить выше всего на свете развитие революции пролетариата и победу ее, умеют итти на самые тяжелые жертвы ради нее, ибо иного нет никакого выхода и спасения от голода, разрухи и новых империалистических войн.

(Резолюция по аграрному вопросу II конгресса Коминтерна).

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ.

Подписание советско-японского договора.

20-го января в 24 часа по пекинскому времени подписан советско-японский договор.

ФРАНЦИЯ И СССР.

ПАРИЖ, 20 января. (Роста). Агентство Гавас сообщает: «По сообщению газет, Эррио принял Красина и энергично протестовал против заявления Рыкова по вопросу о долгах. При этом Эррио коснулся полученной им телеграммы от Эрбетта, в которой последний сообщил, что Литвинов будто бы заявил ему, что советское правительство, оспаривая необходимость платить, однако, никогда не говорило, что оно вовсе не будет платить. На это Эрбетт возразил Литвинову, что французское общественное мнение едва ли поймет такие тонкости».

Эррио не скрыл от Красина, что если советское правительство будет придерживаться подобной тактики, то переговоры начнутся с трудом и при неблагоприятной атмосфере.

«Матэн» добавляет: «Очевидно, президент республики Думерг, которого также посетил Красин, заявил последнему то же самое».

ОБМЕН ТЕЛЕГРАММАМИ МЕЖДУ ТОВ. ЧИЧЕРИНЫМ И МАРШАЛОМ ЧЖАН-ЦЗО-ЛИНОМ.

Наркоминделом товарищем Чичериным получена сегодня следующая телеграмма из Мукдена от маршала Чжан-Цзо-Лина:

«Ваше превосходительство, 21 января 1925 г. исполняется первая годовщина смерти его превосходительства г. Ленина. Хотя физически он отошел в вечность, но великое дело, созданное им, никогда не сможет погибнуть. Я глубоко убежден, что все граждане вашей уважаемой страны были облагодетельствованы им. Очевидно, они будут обожать его вечно.

Я, губернатор трех восточных провинций Китая, как представитель китайского народа, выражаю мое высокое уважение бессмертному герою.

Преданный вам ваш Чжан-Цзо-Лин».

В ответ на эту телеграмму тов. Чичерин телеграфировал Чжан-Цзо-Лину:

«Народы СССР, которым я передал ваше соболезнование по поводу утраты великого вождя, Владимира Ильича Ленина, верно хранят его заветы: развитие и укрепление дружбы с народами Востока, в частности с Китаем. Я глубоко тронут телеграммой вашего превосходительства. Ваше соболезнование является высшим доказательством дружбы, которая связывает СССР и Китай. Эта дружба будет все больше крепнуть, и, выступая вместе, народы СССР и Китая будут составлять все более могучую силу во имя самоопределения народов.

Чичерин».

К годовщине смерти В. И. Ленина.

ВСЕМ РЕСПУБЛИКАМ, ОБЛАСТЯМ И ГУБИСПОЛКОМАМ СОЮЗА ССР, РЕВВОЕНСОВЕТУ, ВСНХ, НКПС, НАРКОМПОЧТЕЛЮ И ОСТАЛЬНЫМ НАРКОМАТАМ СОЮЗА ССР.

Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР постановляет:

В среду 21-го января с. г. в час кончины тов. Владимира Ильича Ульянова-Ленина, ровно в 18 час. 20 мин. (6 ч. 20 мин. вечера) по московскому времени, произвести одновременно воинский салют по всей территории Союза ССР.

На фабриках и заводах по всей территории Союза ССР салют производится гудками в течение 3 минут.

Настоящее постановление ввести в действие по радио-телеграфу.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР А. ЕНУКИДЗЕ.

Москва, Кремль, 20 января 25 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦИК СССР.

Президиум ЦИК СССР постановляет: по всей территории Союза ССР в день смерти В. И. Ульянова-Ленина—21 января—приспустить на 10 минут, начиная с 18 ч. 20 мин. до 18 ч. 30 мин. по московскому времени, все государственные флаги, поднятые над зданиями правительства СССР, правительств союзных республик, над зданиями центральных местных учреждений, органов союза СССР в Союзных Республиках, а также над зданиями полномочных представителей, торговых представительств и консульств СССР при иностранных государствах и на судах военного и торгового флота СССР. Настоящее постановление ввести по телеграфу.

Председатель ЦИК СССР М. И. КАЛИНИН.

ПРИКАЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА СОЮЗА СС РЕСПУБЛИК № 67.

20 января 1925 года г. Москва.

В годовщину смерти Владимира Ильича Ленина 21 января точно в 18 часов 20 минут по московскому времени повсеместно во всех частях РККА и РККФ произвести салют 20-ю артиллерийскими холостыми выстрелами из орудийно...

В гарнизонах, где нет артиллерии, войсковым частям произвести 20 ружейных залпов холостыми патронами в составе частей до батальона.

Каждый выстрел из орудия и залп из винтовок производить с перерывами в полминуты.

С первым выстрелом или залпом склоняются знамена, приспускаются флаги на 10 минут.

В Москве и Ленинграде произвести 50 артиллерийских выстрелов по батарейно или по дивизионно, по усмотрению [illegible].

Приказ ввести в действие по радио и телефону.

Заместитель председателя Революционного Военного Совета Союза ССР М. ФРУНЗЕ.

ПРИКАЗ ПО ГАРНИЗОНУ Г. МОСКВЫ, 16 января 1925 г.

21 января с. г. в день первой годовщины кончины В. И. Ленина приказываю учредить почетный караул у мавзолея на Красной площади.

Общий порядок несения почетно-караульной службы—согласно особых указаний, данных мною коменданту Кремля тов. Петерсону.

Почетный караул несут части, согласно прилагаемого при сем расписания, в указанном составе и в отмеченные часы.

Караульные начальники и разводящие назначаются распоряжением тов. Петерсона.

Смена часовых через 15 минут.

Форма одежды—караульная при одном подсумке (оружие выдается в караульном помещении караульным начальником до заступления на пост).

Наряд подчиняется во всех отношениях коменданту тов. Петерсону.

Части и вузы, высылающие наряд, отбирают в таковой примерных до всех отношениях красноармейцев и курсантов: состав наряда отдается в приказе по части и с указанием заслуг красноармейцев и военкурсантов, удостоившихся этой чести.

Наряд прибывает к месту назначения точно к указанному времени (старший имеет на руках выписку из несения почетно-караульной службы за подписью командира части) и поступает в распоряжение тов. Петерсона.

Начальник гарнизона гор. Москвы, командующий войсками округа ВОРОШИЛОВ.

ОКТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ 1922 Г.

Я хочу поделиться своими воспоминаниями о том, как работал Владимир Ильич со времени его возвращения к работе 2 октября 1922 г. и до нового заболевания в декабре 1922 г.

В этот период по требованию врачей рабочий день Владимира Ильича был ограничен по сравнению с прежним, а именно: ему разрешено было работать от 11—2 час. дня и от 6—8 час. вечера при условии полного отдыха, кроме воскресенья, еще в один из дней недели. Таким днем отдыха Владимир Ильич назначил среду. Впоследствии врачи прибавили еще второй день.

Совершенно не оспаривая этих ограничений и по внешности как-будто бы вполне подчиняясь требованиям врачей, Владимир Ильич умел всячески обходить режим, установленный ими, и в сущности в эти $2\frac{1}{2}$ месяца он даже по количеству времени работал не меньше прежнего, если не считать председательствования на заседаниях. В этом отношении он действительно ограничил себя, пропуская некоторые заседания или присутствуя только во время обсуждения важнейших вопросов.

Ежедневно утром Владимир Ильич приходил в кабинет в $9\frac{1}{2}$—10 час. (до болезни он приходил в 11 час.). Если, услышав движение в его кабинете в 10 час. утра и раньше, мы заглядывали к нему, он с улыбкой говорил, что он «не работает, а только читает». Без 15 мин. 11 Владимир Ильич вызывал секретаря и выслушивал доклады о важнейших полученных для него бумагах и просьбах приема, а также давал распоряжения о назначении приема на данный день и другие поручения. Эту беседу со своим секретарем Владимир Ильич, повидимому, тоже не считал работой, а потому и захватывал для нее позволенные 15 мин. до 11 час.

С 11 часов начинался «законный» рабочий день, который Владимир Ильич проводил с присущей ему интенсивностью в работе: приемы, совещания, заседания, разговоры по телефону, писание, как известно, большую роль в работе Владимира Ильича, писание писем, статей, резолюций и т. д. И в течение всей этой работы Владимир Ильич постоянно вызывал секретаря, давая ряд новых поручений, возникших в связи с беседой с кем-либо из бывших на приеме товарищей или в связи с разговором по телефону, и требовал каждый раз исполнения быстрого, точного и с проверкой. Почти всегда ровно в 2 час., как раньше ровно в 4, Владимир Ильич уходил домой, обедал, отдыхал и приходил снова в 6 часов, а в те дни, когда он председательствовал на заседаниях СНК и СТО—в $5\frac{1}{2}$ часов. По настоянию Владимира Ильича начало заседаний СНК и СТО было перенесено с 6 часов на $5\frac{1}{2}$ час.; таким образом, и здесь он «выбивал» себе $\frac{1}{2}$ ч. против установленного режима.

Не один раз уже писали о способности Владимира Ильича во время председательствования на заседаниях заниматься одновременно и многими другими делами. Он всегда приносил с собой на заседание новые книги, бумаги, газеты и просматривал их во время речи докладчиков. Но обладая в высшей степени этой способностью, Владимир Ильич и до болезни не терпел шума, разговора, хождения по комнате во время заседания, это отвлекало его и мешало работать; поэтому он требовал абсолютной тишины и спокойствия: «Если что нужно—пишите записки, а не болтайте»,—говорил он обыкновенно.

Свою привычку обмениваться записками во время заседания Владимир Ильич сохранил и после болезни. Узнав от врачей, что такое занятие одновременно несколькими делами утомляет во много раз больше, чем нормальная работа, мы однажды попытались воспрепятствовать ему в этом, сговорившись с товарищами, что ответы на записки Владимира Ильича они будут передавать не ему лично, а секретарю, который отдаст их Владимиру Ильичу после заседания. Не получая ответов, Владимир Ильич догадался, в чем дело, и написал мне записку: «Вы, кажись, интригуете против меня? Где ответы на мои записки?»

В те вечера, когда Владимир Ильич не был занят на заседаниях,—у него происходил прием, и почти каждый день этот прием затягивался после 8 часов, а иногда и до 10 часов с лишним. Иногда приходилось по нескольку раз, рискуя навлечь на себя гнев Владимира Ильича, заглядывать в кабинет, смотреть многозначительно на часы или писать записки товарищам, сидевшим у него, о том, что все сроки уже истекли. Неохотно Владимир Ильич прерывал беседу, и еще труднее было товарищам, часто долго ждавшим этого приема по насущнейшим вопросам и дорожившим каждой лишней минутой беседы с Владимиром Ильичем,—встать и уйти. «Мы только беседуем»,—говорил тогда Владимир Ильич, если бывал в благодушном настроении, или же просто: «уходите и не мешайте».

В более свободные от текущей работы минуты Владимир Ильич любил просматривать новые книги. Чаще всего это бывало по вечерам или рано утром. Из библиотеки Коминтерна периодически присылали для Владимира Ильича ведомости полученных из-за границы книг и брошюр (на английском, французском и немецком языках). Эти ведомости он просматривал и обыкновенно отмечал синим или красным карандашом нужную ему книгу. Повинуясь, по желанию Владимира Ильича, складывались в нижнем отделении одного из шкафов у него в кабинете. Владимир Ильич садился на корточки около шкафа, разбирал и тут же просматривал книги, отбирал интересующие его, которые уносил домой. На все предложения класть книги в более удобное место он неизменно отвечал, что он привык к тому, что они здесь лежат.

Я не знаю, как отдыхал Владимир Ильич, когда уходил домой, знаю лишь, что, уходя в 2 часа дня, а иногда и по вечерам, он уносил с собой книги, доклады, папку с бумагами и часто возвращал на другой день утром возвращая бумаги со своими пометками и абсолютно всегда приходил в кабинет с целой массой поручений по самым разнообразным вопросам.

Дежурство в секретариате Владимира Ильича было установлено с $9\frac{1}{2}$ ч. утра до 10 час. вечера (фактически редко уходили раньше 11—12 час.), не исключая праздничных и воскресных дней. В течение всего дня 2—3 человека из его секретариата были полностью и интенсивно заняты исполнением его поручений. Эта интенсивность работы, определяемая богатством инициативы Владимира Ильича, делала для нас работу праздником. Наше внимание и энергия были обычно напряжены до максимума. Не хотелось быть неисправными, неаккуратными и сделать промах даже в мелочах. Ни одного промаха, ни одной ошибки Владимир Ильич не пропускал и был чрезвычайно строг и требователен.

Эта интенсивность работы была также главной причиной того, что запись о поручениях и приемах Владимира Ильича или не велась, или велась лишь в той мере, в какой это было необходимо для текущей работы, для сведения дежурного секретаря, который должен был в каждую минуту знать, какими вопросами в данное время занят Владимир Ильич, а также кем из товарищей в связи с этим он интересуется. Да и эта запись сохранилась далеко не вся, т. к. иногда она уничтожалась по миновании надобности.

Однако, необходимость этой записи в текущей работе вызывалась еще тем, что Владимир Ильич очень не любил ответа «не знаю» на какой-либо свой вопрос, касающийся данного им, хотя бы мелкого, поручения. «Получил ли мое письмо Чичерин?» «Когда даст ответ?» «Где сейчас Радек?» «Когда приедет Крестинский?» На такие вопросы нельзя было ответить «не знаю» или что-либо приблизительное. Ответ должен был быть точным и немедленным, а для этого нужно было быть всегда в курсе того, чем был занят в данное время Владимир Ильич.

День отдыха Владимира Ильича—среда, а впоследствии и другой день, прибавленный врачами—мало чем отличался для него от других дней, за исключением того, что в эти дни не бывало заседаний с участием Владимира Ильича. В дни отдыха Владимир Ильич лишь как бы считал себя в праве меньше быть в кабинете, меньше принимать, меньше писать, но делал и то, и другое, и третье.

Вот для примера запись, взятая наудачу, приема Владимира Ильича: «1 ноября—днем: Каменев, Сталин, Зиновьев (совещание). Вечером: с 7—8 часов—итальянцы Бомбаччи и Грациадеи, с 8—15 до 8—30—Свидерский. В 8 ч. 30 м. Владимир Ильич ушел домой. Это день отдыха».

Как раз в день отдыха (в среду) в зале заседаний, смежном с его кабинетом, происходили распорядительные заседания СТО. Владимир Ильич проявил большую заботливость о том, чтобы не мешать заседанию. Хотя его дверь была завешена портьерой и не допускала никаких звуков, однако, он говорил не громче, чем в полголоса, не ходил по комнате и требовал от других соблюдения тишины. В это время мне лично неоднократно приходилось выслушивать его замечания за то, что громко говорю, за то, что пропускаю к нему на прием товарищей через зал заседания, а не через другую, боковую дверь, ведущую прямо из коридора, через которую обыкновенно ходил только он один.

Ко всему сказанному надо еще прибавить, что в течение этого периода своей работы Владимир Ильич три раза выступал публично, при чем даже в дни этих выступлений не оставлял текущей работы. Эти всем известные выступления были: 31 октября на сессии ВЦИК, 13 ноября—на конгрессе Коминтерна и 19 ноября—на пленуме Московского Совета.

Первого публичного выступления Владимира Ильича, после перенесенной им тяжелой болезни, все ждали с большим волнением. Сам он тоже, видимо, был слабо... и волновался. Удастся ли? Как выйдет?

Докладом остались довольны не только все, кто слушал его, но и сам Владимир Ильич.

У нас сохранилась следующая запись дежурного секретаря о выступлении 31 октября:

«В 12 ч. доклад Владимира Ильича на сессии ВЦИК. Продолжался 20 мин. Впечатление на всех произвело очень хорошее. Сам он тоже очень доволен, т. к. сказал все, что хотел сказать».

Вечером в этот же день Владимир Ильич председательствовал на заседании СНК до 9 ч., т.-е. на час больше положенного.

Если всякое выступление перед большим собранием требует большого нервного напряжения, то в еще большей мере это относится к выступлению на иностранном языке. Поэтому доклад Владимира Ильича на конгрессе Коминтерна, который он делал на немецком языке, разумеется, был для него тяжелее, чем на русском, хотя он и владел немецким вполне свободно. И Владимир Ильич особенно готовился к этому докладу. 10 ноября он затребовал себе стенограммы III конгресса Коминтерна и свою брошюру о продналоге на немецком языке. 11 ноября он принял одного немецкого товарища специально для беседы по поводу своего доклада. Доклад продолжался час и удался превосходно.

Вечером в день доклада у него был обычный прием.

В середине ноября здоровье Владимира Ильича начало снова ухудшаться.

25 ноября у нас записано:

«Сегодня врачи предписали отдых на неделю, абсолютно не работать».

С этого дня, как видно из нашей краткой записи, нарушается регулярность работы Владимира Ильича. Он не всегда приходит в кабинет, не всегда председательствует на заседаниях, меньше принимает, но чаще больше просматривает книги.

Но, разумеется, об абсолютном отдыхе нет и речи. В тот же день, 25 ноября, когда утром были врачи и предписали полный отдых, днем Владимир Ильич продиктовал по телефону несколько записок и взял к себе на квартиру бумаги. Мария Ильинична просила его ничем не беспокоить. Однако, вечером Владимир Ильич пришел в кабинет ровно в 6 ч., как всегда, и говорил по телефону. С $6\frac{1}{2}$—$7\frac{1}{2}$ ч. был Цюрупа, после чего Владимир Ильич сделал несколько распоряжений и ушел домой. Из дому снова говорил по телефону с $8\frac{1}{2}$—$8\frac{3}{4}$ ч. То же было и в последующие дни. В один из этих дней, просматривая книги, Владимир Ильич отложил «политическое завещание» Энгельса и просил библиотекаршу сохранить его особо.

7 декабря, повидимому, в здоровье Владимира Ильича произошло новое ухудшение, потому что врачи предложили ему, кроме уже установленных дней отдыха, раз в неделю уезжать на несколько дней за город.

Владимир Ильич продолжал работать над разнообразными вопросами. В нашей записи за это время упоминается о концессии Уркарта, о судоремонтной программе, о Гапрыбе, о финансовой записке Михайловского, о докладе по электропромышленности, о переписи, и многое множество других дел, которыми занимался Владимир Ильич. В это же время он готовился к своему выступлению на С'езде Советов и дал поручение собрать материалы.

Даже уехав за город на 1—2 дня, он звонит по телефону, пишет письма, требует присылки протоколов и других материалов.

12 декабря было днем, значение которого мы не понимали в то время, когда переживали его, и который прошел для нас, как все другие дни. В этот день Владимир Ильич последний раз в жизни был за работой в своем кабинете.

В нашей записи значится:

«12 декабря утром: Владимир Ильич приехал из Горок и пришел к себе в кабинет в 11 ч. 15 м. Пробыл недолго и ушел домой. В 12 час. вернулся и принимал Рыкова, Каменева и Цюрупу, которые были до 2-х часов. Ушел из кабинета в 2 часа дня, не дав никаких поручений на вечер. Вечером Владимир Ильич в кабинете с 5 ч. 30 м. Говорил по телефону несколько минут. Дал отправить письмо [illegible] и просил [illegible]. В 6 час. 45 мин. был Дзержинский. В 7 час. 45 мин.—Стомоняков. Владимир Ильич ушел домой в 8 ч. 15 мин.».

13 декабря врачи потребовали полного отдыха и от'езда из Москвы.

С этого дня Владимир Ильич начал ликвидировать свои дела перед длительным отдыхом и готовиться к от'езду.

В течение 2—3 дней он у себя на квартире диктовал письма, давал поручения и принял 2—3-х товарищей. Озабоченный ликвидацией дел, он повторял несколько раз, что с этим нужно очень спешить, т. к. он может заболеть сразу и не успеть закончить дела, а это очень волновало его.

15 декабря в нашем дневнике записано:

«Владимир Ильич сделал распоряжения о книгах: отделить книги технические, медицинские и т. п., которые отправить обратно; сельскохозяйственные—передать Марии Ильиничне; по производственной пропаганде, организации труда и педагогические—Надежде Константиновне; беллетристику держать до востребования и публицистику, политические мемуары... [illegible] для него.

Кроме того, сделал распоряжение, чтобы ему были даны все протоколы [illegible] ...

Настроение неважное, сказал, что чувствует себя хуже, ночь не спал».

И, однако, лишь 16 декабря [illegible] он окончательно отказывается от [illegible] выступать на С'езде Советов и [illegible] распоряжение сообщить об этом [illegible]. 18-го же декабря выясняется, что [illegible] на выезд для Владимира Ильича [illegible].

С этого времени начинается [illegible] болезни Владимира Ильича. [illegible]

Чужие о смерти Ленина*).

Папа Пий X в начале нашего века предсказал близкое пришествие антихриста. В Ленине фанатически настроенные люди с самого начала пытались видеть, если не самого антихриста, то, по крайней мере, его предтечу. Ученые богословы Запада даже написали об этом целый ряд трактатов и архипастырских посланий к верным овцам церкви.

Немудрено. Первые известия из России, попавшие за границу вместе с белой буржуазией, рисовали Ленина в красках, далеко оставивших за собой образ вздорного апокалипсического суб'екта, называемого антихристом. Не было такой лжи и клеветы, которую не приписали бы тогда Ленину, и густой мрак окружил это имя.

Даже люди солидные и уважающие себя невообразимо путались, когда им задавали простейший вопрос: кто такой Ленин и откуда он пришел?

Припомним, что давнишний русский корреспондент английской консервативной газеты «Морнинг Пост», мистер Виктор Марсден, всерьез писал, что Ленин—немецкий шпион, даже «с некоторыми чертами во внешности, напоминающими прусского офицера». Он дальше всерьез утверждал, что этот «настоящий» Ленин был убит, а на его место тайно посажен неизвестный еврей.

А мистер Джон Поллок, бывший до 1918 г. красногорестным эмиссаром в России, уверял, что Ленин—сын немецкого еврея Цедербаума, переселившегося в свое время в Россию, и только был усыновлен Ульяновым.

Понадобилась смерть Ленина, чтобы рассеять туманные и противоречивые легенды, окружавшие это имя.

В известной степени права чешская «Прагер Тагеблатт» (орган торговых кругов), которая писала по поводу смерти Ленина:

«Его существование было окружено тайной. О нем говорили, как о волшебнике, скрывающемся на высокой горе. Весть о его смерти является первым и вместе с тем последним известием, срывающим завесу с его земного существования. Но и после смерти Ленин кажется великим, недоступным и странным».

Надо все же сказать, что не осталось ни одной газеты в мире, которая не отозвалась бы так или иначе на смерть Ленина—с ненавистью, страхом, почтением или любовью,—но клевета в эти дни была пристыжена.

«Мертвого можно меньше бояться. Даже самая разнузданная реакционная печать обуздала свои страсти»,—констатирует парижская газета «Le Travail» («Труд»).

А «Кельнише Фольксцейтунг» (орган католической партии центра, выходящий в Кельне) невольно раздосадована:

«Смерть Ленина привела в движение тысячи перьев. Неприятно видеть, с каким единодушием этого азиата чествуют, как великого человека!»

Но даже самая дикая ненависть не осталась в эти дни верной себе. И в ней сказалось преклонение перед памятью ушедшего великого врага, который в течение шести лет «держал весь мир в величайшем напряжении своими декретами и воззваниями». («Фольксрехт», орган правого крыла швейцарской соц.-дем.).

«Никогда ни один русский не плевал так в лицо Европе, как он. По совести говоря, на Западе свободно вздохнули многие на боявшихся его»,—признается буржуазная «Дер Таг» (орган немецких националистов).

Это чувство почтительного страха заставляет газеты подыскивать гиперболические образы для характеристики личности умершего вождя пролетариата. Его называют «чудовищным гением», «необыкновенным демоном», «грандиозным разрушителем», «железным мужем», «московским великаном» и т. д. Его сравнивают с библейскими вождями, с Чингис-ханом, Савонароллой, Кромвелем, Робеспьером, Маратом.

«Невероятная воля, вечно пылающий в душе факел—вот чем был В. И. Ульянов. Его можно сравнивать только с некоторыми одержимыми мировой истории»,—пишет та же «Дер Таг».

«Такие личности,—говорит Флориан Гайер в «Морген»,—появляются в те редчайшие моменты истории, «когда царства становятся дешевле грибов». Они «подобны ночным привидениям, которые из тьмы африканских и индийских ночей кричат английским лордам в часы бессонницы: «Мене—текел».

Ленин, как и Марат,—«символ недовольства, которое в ужасные ночи выходит из подземелья, обагренное кровью, жаждущее крови подобно вампиру»,—содрогается торгово-промышленная в Берлине «Берзен Курьер».

Но все эти страхи и самозапугивания не мешают все же газетам разных политических оттенков, поскольку им это дано, видеть в Ленине величайшего государственного деятеля эпохи, который «стоит неизмеримо выше пигмеев—дипломатов и генералов, в чьих руках находилась судьба Европы с 1-го августа 1914 года» («Le Travail»).

«Всякий, обладающий историческим кругозором, признает, что в лице Ленина умер великий человек, оказавший решающее влияние на дальнейшее развитие одной из величайших наций и всего человечества», — признает консервативная «Nationalpost» («Национальпост»).

«Самый страстный его противник, если только ему доступно понимание исторического значения Ленина, преклонит, полный уважения, знамя у его гроба»,—пишет социал-демократическая «Арбейтер Цайтунг».

«В великую историю крушения буржуазного общества и под'ема рабочего класса имя Ленина будет вписано самыми крупными, сверкающими буквами. Оно останется незабвенным навеки. Все же эти чересчур умные хулители и судьи умрут бесчестными, смешавшись с выдвинувшей их грязью» (с.-д. «Берлинер Тагеблатт»).

«Вашу страну и мою,—приводит «Воркер» (орган рабочей партии Австралии) слова Артура Рэнсома,—вашу расу и мою в будущем станут судить по той помощи или по тому противодействию, какие они оказали делу Ленина».

Целый ряд видных государственных и общественных деятелей по-разному высказывает в печати свои чувства преклонения и восхищения перед могучим образом Ленина. Большинство этих отзывов уже приводилось в наших газетах. Мы дадим здесь лишь некоторые, появившиеся позднее.

Германский статс-секретарь с.-д. д-р Август Мюллер в «Ахт Ур Абендблатт» (орган, близкий к министерству внутренних дел) говорит:

«Во всех кругах можно теперь услышать радостное признание и перечисление его человеческих достоинств. Такая популярность тем знаменательнее, чем глубже раны, которые наносила его деятельность своей стране и народу. Ленин — величайший вождь. Оценка колоссального исторического значения Ленина может быть сделана лишь позднейшей историей, которая назовет его одним из значительнейших явлений нашей эпохи—эпохи всеобщего брожения и разрушения, искания новых общественных форм жизни в мировом масштабе».

Проф. Курт Вищенфельд, бывший в 1921 году официальным представителем Германии в Москве, указывает, что Ленин, «как никто, сочетал в себе радикализм с чувством действительности. Он был революционером по всему своему темпераменту. Незыблемость и исключительность его положения, как патриарха, проистекали из его неиссякаемой жизненной силы и могучей деятельности» («Лейпцигер Нейсте Нахрихтен»—орган народной партии, связанной с группой Стиннеса).

Сенатор Бора заявил представителям печати: «Ленин был человек большой, интеллектуальной мощи и железной воли».

Капитан Пакстон Гиббен, секретарь американского комитета помощи русским детям, совершивший несколько поездок в Советскую Россию, дал интересную статью в „The Current History Magezine“ (журнал, посвященный истории и выходящий ежемесячным приложением к буржуазной демократической газете «Нью-Йорк Таймс»), в которой говорит:

«Если Наполеон встает перед нами прежде всего как французская фигура, то Ленин представляет противоположное явление. Его значение в первую очередь мировое. Никакая пропаганда, ни изоляция России, ни даже полный провал всего русского эксперимента в целом не могут затмить этого результата, ибо Россия здесь не при чем. Дело Ленина, памятник Ленина—в совершающемся пробуждении человеческого сознания. Этого памятника ничто не разрушит, не сокрушит».

Приведем последний пример, взятый нами из буржуазной английской «Норшер-Пост».

«Епископ В. У. Кокинг в Гарете (Англия) произнес необыкновенную речь в честь покойного Ленина, говоря о большевистском лидере, как о «молоте господнем». Обычные посетители при этом покинули церковь, но их места заняли почитатели епископа. Со склоненными головами прослушало это собрание революционный похоронный марш, исполненный в честь Ленина по предложению епископа.

— Предлагаю воздать последний долг этому великому духу,—сказал епископ,—хотя мы и знаем, что Ленин с нашей религией ничего общего не имеет, я все же, не колеблясь, утверждаю здесь, в этом божьем доме, что он принадлежал к числу самых благородных сынов человечества и был одарен сверхчеловеческой мудростью».

Мы привели здесь несколько характерных отзывов, данных людьми разных общественных положений и оттенков политической мысли, чтобы показать, что несмотря на глубочайшую пропасть, разделяющую нас от них, они не могли не признать честно и недвусмысленно исторического величия фигуры Ленина.

В заключение приведем еще одну заметку из «Echo de Chine» (французская газета в Шанхае)—отклик на смерть Ленина «тоже затравленной»—нашей белогвардейской эмиграции. Вот она:

«Радость по поводу смерти Ленина».

Русские белогвардейцы собрались в православной церкви в Шанхае и отслужили благодарственный молебен небу, положившему конец существованию Ленина. Они молились об успехе будущей контрреволюции, которая должна вернуть трон Романовым. Церковь была украшена царским флагом».

А. ЗУЕВ.

*) «Мы приводим здесь материалы, по преимуществу взятые из буржуазных и с.-д. газет заграницы. При этом мы не пользовались материалами крупнейших газет, поскольку они приводились уже в наших газетах раньше.

Статья написана по материалам выходящего в недалеком будущем иллюстрированного сборника: «У великой могилы».

Миллионы о смерти Ильича.

(Рабкоры и селькоры в дни траура).

«Я никак поверить не мог, что В. И. Ленин помер».

(Из речи рабочего на фабрике «Красное Веретено»).

О Владимире Ильиче писали много. Тысячи органов всех направлений, десятки тысяч журналистов рассказывали о жизни и деятельности Ильича.

Несколько поколений будут обрабатывать, изучать материалы.

В дни траура прошлого года мировая печать выпустила тысячи больших фолиантов, посвященных Ленину. Черная, монархическая пресса, ублюдочная, слащавая, мелкая и гнусная социал-патриотическая печать всех направлений, мелкобуржуазная демократическая печать во всех странах, на все лады писали, толковали каждое слово и жест Ильича. Нет ни одного сравнения из новейшей истории, из истории всех времен и народов, начиная с античного периода, которое не употреблено в отношении Владимира Ильича. Печать сравнивала его и с Саванароллой, и с Робеспьером, и с Кромвелем, и с Кальвином... Когда историк соберет мировую печать в дни траура, подсчитает написанное об Ильиче, то даже количественно никогда в мире ни о ком не писали так много, пестро и разнообразно, как о Ленине.

Но есть нетронутая область. Что переживали в дни траура десятки миллионов пролетариев, кому ближе и дороже всего Ильич? Об их думах будут повествовать новые гениальные поэты и художники, рожденные нашей эпохой.

Как они чувствовали утрату Ильича? В какие образы выливались их страдания? Никто не расскажет лучше рабкора и селькора.

Тысячи и десятки тысяч безвестных писателей рабочим пером выводили думы народные. История соберет эти листки, разбросанные по всему лицу советской земли. Она расскажет, как «в деревенской глуши, в деревне Кореново, старый церковный сторож Прокопыч, узнав о смерти Ильича, ударил в колокола». Честная советская земля покрылась этим звоном многих тысяч Прокопычей, оповещавших стомиллионную крестьянскую массу об утрате Владимира Ильича.

Рабкоры и селькоры пишут кратко, рубят слова. Они выводят неумелой, неуверенной рукой слова правды о Ленине. У Ленина был особый подход, свой ключ к душе рабочего и крестьянина. Никто, как он, не знал дум и мыслей трудящихся. Никто, как рабкоры и селькоры, не изобразил глубже чувства и переживания об утрате Ильича. Шахтер Тарасов пишет:

«Ленину нельзя было не верить. Такому мы верили... Заболел, дорожили каждым его часом. Ленин, живи! Ты один понимаешь нас, как никто».

Так говорят сотни тысяч горняков, металлистов, ибо Ленину нельзя было не верить. Ленин, живи! Рабочий класс этого требовал и желал, но оказался бессильным там, где природа оборвала нить человеческой жизни. Тарасов ярко, одним мазком вскрывает силу Ленина—он понимал рабочих, как никто.

Потеря Ленина ударила по народным сердцам. В «Советской Сибири» А. Сотников рассказывает:

«Плачут крепкие натуры, видавшие не раз смерть перед глазами, плачут без слез, крепко до скрежета стиснув зубы; плачут и слезами—неподдельными слезами—менее сильные. Плачут склонив знамена, море знамен, покрывших всю Россию. В 4 часа по-московски весь мир пропонил не каплю, а море теплых, искренних пролетарских слез».

Рабочие не оплакивают своих героев. Они привыкли к бурям, жертвам и потерям. Но есть потери, которые не могут быть возмещены. И это чувствуется, когда из груди рабкора Яновича («Уральский Рабочий») вырывается:

«Наши старики говорили: лучше бы нас, стариков собрали и пусть бы мы умерли, лишь бы был жив Ильич».

Так думали десятки тысяч рабочих, не жалевших жизни, желавших собственной смертью заменить то, что отняла природа у пролетариата.

По огромной советской земле десятки тысяч старых рабочих, воспитанных Ильичом, думали, жаждали в эти дни траура своими костьми заменить одного, который так нужен был пролетариату. А рабкор Е. В. в «Рабочем Крае» сообщает:

«Нет, нехватило силы крепиться—и рыдания, самые настоящие рыдания огласили корпус».

Корпуса и своды мастерских и заводов, отбитых и завоеванных под руководством Ленина у помещиков и капиталистов, оглашались громкими рыданиями. Не могли сдержаться, нехватало силы крепиться. Никогда эти своды и корпуса гигантских заводов, фабрик и рудников, где несколько поколений рабочих легли костьми во славу капитала, никогда они, видавшие тысячи забастовок, тысячи голодных смертей, не знали такого горя, как в дни утраты Ильича.

А в «Правде» рабочий сообщает:

«Хочется быть ближе к гробу, в последний раз почувствовать ближе того, кто управлял нашей силой, мозгом и волей».

Прощальная тяга к гробу Ильича миллионов рабочих,—это тяга к тому, кто умел, как аккумулятор, впитать и направлять рабочую волю и силу.

Именно ближе почувствовать его. Пройдут годы, и то поколение творцов, которое изобразит скорбь об утрате Ильича, запишет,—почему сотни тысяч хотели в последний раз ближе почувствовать Ильича.

А в «Северном Рабочем» рабкор Иванов пишет:

«Умер он, отец-то наш родной. Большой дом застроил, а крышу вот не вывел».

Ильич строил дом социализма, дом международного пролетариата, но он не достроил его до конца. Рабочие знают об этом, и у гроба его вспоминают, что нет еще крыши на доме.

И как-будто бы в ответ рабкор Трубач в «Кочегарке» отмечает:

«Товарищи, у нас был Ленин, и это уже много... Мы видали жертвы и слезы мы знаем. В пролетарских сердцах мы сумеем перенести великую боль тяжелой утраты».

Сколько таких Трубачей в наших газетах могли бы сказать: «Ленин был у нас, и это уже много». Здесь целая программа, целая система, целое мировоззрение. Пролетарий знает, что значит—Ленин был с нами. Он видал жертвы и перенес великую боль, ибо Ленин учил строить социализм.

Иван Ольшанский (Госдонтабакфабрика) пишет:

«Двадцать третьего января на ГДТФ имени Розы Люксембург никто не слышал ни шуток, ни смеха. За все время существования на фабрике это был единственный день, когда рабочие и работницы были особенно молчаливы... Горькая сосредоточенность, как острая табачная пыль, першила в горле... Тяжел был путь пролетариата, но не было тяжелее утраты».

Сколько таких фабрик, сколько сотен тысяч в эти дни были особенно молчаливы. Может быть, в жизни человечества не найдется таких дней, когда миллионы были так молчаливы, когда горькая сосредоточенность об'единяла в одной мысли, в одном переживании громадные массы. Ибо рабочие думают, что не было у них, а может быть, и не будет,—ибо мы идем к социализму,—более тяжелой утраты.

Так же описывает в «Бакинском Рабочем» П. Е—н.

«12 часов дня. Загудели все промысловые гудки... Это не те гудки, которые ежедневно призывают рабочих к станку, на шлюпы. Эти гудки полны скорби. Они бьют по нервам рабочих, снимают скорбью их сердца. На улицах уныние».

Бакинский пролетариат, в нефтяном царстве, видавший виды расстрелов, десятков комиссаров, расправы иностранных империалистов, призывается скорбными гудками, которые снимают сердца рабочих. На улицах—уныние. Но не унылые отчаяния. Всех подавила весть. Так пишет рабкор Клименко:

Во время траурного собрания тов. Московский написал стихи:

«Радио—быстрая птица.
Головы наши пронзила.
Правду из красной столицы
Нам беспощадно открыла—Ленин умер»...

Беспощадная правда была открыта рабочему миру, пронзила миллионы голов и сердец. И в «Пролетарской Правде» Л. Иохвед повествует:

«Молчат восемьсот человек. Молчат и чудится в каждом лице, в каждой глубокой потной морщине: Ленин».

Морщинистые лица пролетариев, лица с печатью вековых тяжелых переживаний, большого трудного пути искрятся в каждой извилине своей Лениным.

Батумские железнодорожники по-своему переживали эту тяжесть утраты. В «Заре Востока» рабкор А. Кравченко рассказывает:

«Тоскливо перекликаются рожки стрелочников, точно разносят печальную весть—умер... А вдали продолжает свое завывание сирена, гагакта паровоза—умер...

Как напоминают эти рожки стрелочников, как символизируют они нашу советскую страну, громадную, с стомиллионным крестьянством, возглавляемую малочисленным пролетариатом, но стойким, железным и единым. Мы перекликали рожками весь СССР. В тяжкие годы напора сотен врагов рожки стрелочников гудели о подвигах Красной армии, а теперь все о том, что он умер.

И это чувствует особо, по-своему, военкор А. К. «Правды»:

«Тупая боль, точно ржавчина, соскобленная с винтовок, тонкой пленкой застлала нутро и задерживала дыхание».

Ржавчина винтовок—таков образ рабочего или крестьянина, стоящего в рядах Красной армии, переживающего скорбь великой утраты. Этот образ тысячекратно сильнее и глубже сотен написанных произведений нашими поэтами и писателями.

А военкор кав. арт. див-а 2-й Д. Налашенко пишет:

«Выбыл из строя орудийный начальник лучшего орудийного расчета—РКП».

РКП—лучший расчет мирового орудия, и начальником орудия, в образе Налашенко, является Ленин. Это яркое, захватывающее изображение Ленина, как начальника, командира лучшего орудия, обстреливающего весь империалистский мир, будет предметом вдохновления молодых поколений, которые почувствуют, как растет и крепнет дело Ленина, дело Коминтерна.

Есть тысячи образов, глубочайших поэтических переживаний широких масс. В «Тульском Коммунаре» Д. Кравченцев пишет:

«В траур оделись по мастерским портреты вождя—Ильича».

На том же заводе рабкор «Патронщица»:

«В траурных лозунгах прячутся станки.
Бурное море людское плещет в мастерской».

Когда человек умирает, его портреты, изображения одеваются в траур. Люди видят их опечаленными и скорбными. В каждой рабочей квартире одежду траура надели портреты Ильича и все станки, все стены, все покрылось траурными лозунгами.

Какие же выводы делают рабочие? В «Молодом Ленинце» Б. Г. пишет:

«Выходим осторожно. В груди сосудом драгоценным уносим образ Ильича. Не разбить бы».

Рабочие унесли драгоценный сосуд с образом, учением и заветами Ильича. Они боятся за этот сосуд. Они хотят сплочения и единства. И об этом рассказывает рабкор Сидоров в «Коммунаре»:

«Со смертью Ленина нам, рабочим, выход один—под знамя коммунистической партии».

Таков вывод подавляющего большинства рабкоров и селькоров. Ленин умер,—надо сплотиться вокруг коммунистической партии.

В дни траура писали десятки тысяч рабочих от станка.

Надо собирать эти образы и мысли рабкоров, устами которых говорили широчайшие массы нашего союза. Когда умирает вождь и его оплакивают сотни и тысячи—тяжело. Но когда миллионы рассказывают, повествуют простым, ясным словом, острым и жестким, в простоте, о том, что они думают, как они чувствуют эту утрату,—перед нами целая страница новой мировой истории.

М. РАФАИЛ.

„Поясните о заветах“.

(Письмо с Терека).

Открытое собрание станичной коммячейки близилось к концу. Собиралась ячейка совместно с беспартийными не часто, а тут как раз подспели две «кампании», и оттого повестка была загружена чуть ли не полудюжиной вопросов: о едином налоге, кооперации, мелиорации, ликвидации безграмотности, Мопре и т. д.; говорили и говорили докладчики.

Аудитория слушала их всех сторожко-внимательно, прокашливаясь и высмаркивая носы только тогда, когда кончал тот или иной докладчик.

— Вопросы есть?—спрашивал председательствующий после каждого очередного прохаркивания мужиков, и так как вопросов не было, то переходили к следующему докладу.

И только, когда добрались до Мопра, откуда-то из угла был подан за записочке вопрос. Записочка с корявым текстом в четыре строки—в каждой строке по одному слову—прибыла в президиум в самом начале доклада и, видимо, не имела к нему прямого отношения, потому что, читая ее, в президиуме пожимали плечами, переглядывались, улыбались.

Иронически улыбался и докладчик, осчастливленный запиской:

— Тут один товарищ спрашивает... гм... спрашивает, что есть заветы товарища Ленина? Так и пишет: «Поясните, пожалуйста, заветы Ленина».

Тут докладчик приподнял брови и развел руками:

— То-ва-рищи. Это прямо удивительно даже... Я не знаю, кто подал записку, но если даже и беспартийный, то очень странно и беспартийному так спрашивать: неужели он не знает, что есть заветы Ленина. Вся революция ими сделана, все наше строительство на их основано, а товарищ будто и не знает... Очень даже это странно... очень. Так ли я говорю?

Вытянувшиеся было шеи мужиков вобрались обратно в лохматые воротники кожухов. Глаза потухли. Кто-то стал усиленно сморкаться.

— Правильно,—подал кто-то из партийных.—Вопрос не по существу доклада...

— Верно... Верно...

Перешли к «текущим делам»... Их не оказалось, и собрание окончилось.

Мой сосед первым подался к выходу. Ему было, видимо, неловко, он спешил уйти, ибо это он, сорокалетний бородач, подал записку.

Я догнал его через два квартала.

— Дядя Семен, это ты подал записку?—окликнул я его сзади.

Он вздрогнул, оглянулся, потом узнал.

— Я,—неохотно ответил он.—Сдуру, конечно. Вижу: молчат все, вот и подал. Дай, думаю, подам, чего тут... Ан вопрос-то тот оказался, несущественный...

Ему явно не хотелось говорить на эту тему, но я расторможил его, и, вот, когда мы шли пустырем,—от околицы села к хутору, где он артельно хозяйствовал,—мой Семен разговорился:

— По совести сказать, давно я кумекал... Над вопросом-то, то-не... Да-аа-но, брат...

— Ну?

— Ну, а постигнуть не могу. Говорят, говорят, а понятья никто не дает. Не мне, нет... Я-то знаю, я, брат, осьмнадцать книг за Ленина прочикнул, девятнадцатую одолеваю... А вот прочим мужикам...

— Да, чай, и другие тоже почитывают.

— Эх, не про то ты... Дослухай, тады поймешь. Сомлеваются наши мужики шибко... Слыхал, какие речи говорят у ячейке? Ну, во. И кооперация—завет, и Мопра—завет, и мелиорация—завет. Куды ни глянь—везде завет да завет... И выходит,—звини за выражение,—как у попа в церкви: братие да братие, бог да бог... А это уже нехорошо. По весне приезжали тут с города сборщики воздушные, дюже говорили, с рапланов, мол, будем скоро сеять, саранчу изводить [illegible], леса от пожара блюсти. Люди городские, а мужики уж слухали и смеялись: какие, мол, у нас здесь леса. Сроду никогда не было, стоит вкруг степное века... А [illegible] с душевным речем, куды там с рапланами. Но, как сказано: было завет,—[illegible] работе наши, а по фунту с души [illegible], и ее [illegible] благодарим... А мужик и не пикнул: за ради имени такого великого не дать—невозможно.

Передохнув, продолжал:

— И я так тебе, братишка, скажу. Об'ясни ты сейчас нашим бабам делегаткам: коров через сутки доить, и будут... Лишь бы пояснено было, что и это завет. Дома выть будут, тайком выдаивать пойдут, а резолюцию примут.

Я начинал понимать моего собеседника. Мой Семен пространно выкладывал мне то, что носили в кудлатых головах остальные мужики. Носили, прятали. Носили, боясь выложить, не умея, не находя часто слов.

В деревне Ленин—величина огромная. Огромная не потому, что о нем там много знают, но потому, что его сильно чувствуют все, от мала до велика. И это ощущение Ленина в хате рядового хлебороба почти всегда окрашено некоторым мистицизмом. Попробуйте заговорить с малознакомым крестьянином о Ленине. Сколько бы и что бы вы о Ленине не говорили, он вас жадно будет слушать, он вам задаст в процессе беседы ряд вопросов, но сами от него вы не выпытаете ничего.

— Что вы думаете о Ленине?

На этот вопрос он только с'ежится, замрет, вздохнет тихо, но ничего не скажет. И не потому не скажет, что нечего сказать, а потому, что его подавит такой вопрос, подавит своей внутренней тяжестью. Разве может он, малограмотный, темный, определить, что есть Ленин? Вон сколько ученых людей, лично знавших Ленина, прочитавших все его сочинения, бок о бок работавших с Лениным, пишут да пишут о нем, а всего написать не могут... А его, мужика, спрашивают, что он думает. Разве тут можно думать?

Это психическое состояние проявляется довольно многообразно.

Начнем с мелочи, однако, весьма характерной. Портреты вождей очень распространены сейчас в деревне. Калинина, Сталина, Зиновьева, Троцкого и многих других можете вы встретить почти в каждой хате, по крайней мере, у нас на Сев. Кавказе. Висят они обычно на стенах, возле перекошенных зеркал, окруженные «фамильными» карточками. Но портрет Ленина обязательно вешается только в «красном углу», под образами, или даже вместо них.

И еще штрих. Зажиточный середняк бумажных портретов Ленина не любит. Как бы ни была художественно исполнен такой портрет, такой крестьянин предпочтет взять портрет, исполненный не в литографии, а «мастером», красками «настоящими», по настоящему полотну. Перед седьмой годовщиной Октября в Пятигорск приехали из Владимира такие-вот богомазы. Сотни портретов Ильича у них живо разошлись среди крестьян, и они по телеграфу выписали еще... пятьсот. Аршинные портреты (15×18) очень смахивали на икону: строгие узкие глаза, крутой лоб, темный, свинцово-землистый цвет лица, худощавые скулы,—все это, при внешнем сходстве с Ильичем, отдавало иконописной слащавостью. Но крестьянам нравилось, и они платили по 3—4 рубля, не торгуясь, спрашивая только:

— Дай пострашне. Этот—невзрачный.

Такой точно портрет-икона висел в красном углу и в хате дяди Семена. К Рождеству он убрал его черно-красным, и никто в доме не спрашивал, зачем он это делает, как раньше сам Семен не спрашивал у жены, зачем под праздник она «оправляет» лампадку.

Что это? Поклонение верующего?

Не совсем. Правда, Ленин в деревне вытесняет и бога, и ангелов, и домовых; там, где есть портрет Ленина, там, садясь за стол, не крестятся, а если в большие праздники и принимают попа, то последний обязан «ничего не замечать», а без лишних слов петь свой кондак одинаково перед богом и портретом. Но все же деревня верит в Ленина. Она своим мужицким нутром понимает, что Ленина, которого деревенская масса не видала, Ленин только начинает переворачивать весь деревенский уклад, что он после смерти своей перевернет ее гораздо больше, чем перевернул при жизни...

Сколько-то этих мелких мужиков и [illegible] «заветов»—слову, которым сельские коммунисты злоупотребляют не в меру. Оно, это слово, как это ни странно, очень часто превращается в своего рода жупел, ибо им скрепляются разные требования, адресуемые к деревне (сдача налога, всякие отчисления, пожертвования и т. п.). Деревня сейчас у нас понимает достаточно хорошо, для чего нужны такие вещи, как ОДВФ, ОДН, ОДД, Доброхим, Добролет, не говоря уже о едином налоге и кооперации. Но когда в селе или на хутор делается агит-налет и т.т. ораторы не столько об'ясняют, что и к чему, сколько призывают, ссылаясь на «заветы»,—деревню внутренне коробит; деревня чувствует, что ее хотят подавить величием авторитета, связать самую возможность обсуждения того или иного вопроса великим именем, как раньше поп связывал именем Иисуса.

И за это-то самое жестоко режет деревня сельских работников там, где имя Ленина не может служить прикрытием. Произведен ли неправильно раздел кредита под севе, неправильно ли свалили хутор, оль или еще что подобное,—деревня всегда скажет, и в лицо на сходе, и за глаза в беседе, и разделает так, что хоть новой тулуп снимай...

Но вот что любопытно. Рядовой хлебороб, бичуя своих хозяйственников и администраторов, никогда не помянет при этом ни Ленина, ни его заветов, чтобы уколоть обличаемых. В этом не страх, но особая деликатность, уважение к памяти того, кто лишь начинает переворачивать деревню на новый лад—кооперацией, Доброхимом, Добролетом и т. д., и т. п.

И единственное, чего хочет сейчас деревня, это—чтобы ее учили, об'ясняли, показывали, как надо переворачивать жизнь, как надо устраивать ее, а не просто тыкали носом и говорили: «Это надо сделать, это—завет т. Ленина».

Ибо такими тыканьем—смычки не создать, понимания ленинизма в деревне не утвердить.

Т. ХОЛОДНЫЙ.

Злость он нашу понимал...

(Из письма крестьянина Андрюшкина, Павла Федоровича, из слободы Сенечи, Усть-Медведицкого округа, Царицынской губернии).

«К подходу годовщины смерти Ленина никак не могу не сказать мои думы. Да не мои, а всех нас. За что его любили мы? Потому, как он все в понятие брал, хватал всех по загривку, открыл всем глаза, будто спичку к пороху подложил.

— Мы, вот, крестьяне-то, соберемся гуртом и кумекаем,—откуда смелость во всех взялась?

— А все от него. Злость он нашу понимал. Прошлый год, как услыхал я—«скончался», думаю того... каюк делу.

— Ан, нет! Пошло, пошло дело, ровно, как и при нем шло.

— И кинграция, и помощь на корм, семена... Как у него плант был, так значит и того... пошло. Партию он правильно навострил.

— Вот жисть и растет. А увидать-то его и не удалось. Э-ох! Думал, урожай соберу, продам и без сумления с'езжу в Москву... Нет! Урожай не собрал. Теперя в этом году авось удастся поехать».

Ленин в эпохе народов Востока.

Каждый день десятки, сотни арбакешей, подняв голову кверху, мурлычат в разных концах Средней Азии:

...Ленин... Ленин... Ленин...

Мы знаем Ленина как великого теоретика революционного марксизма, как железного вождя мирового пролетариата, как гениальнейшего практика революционной стратегии.

Восток открывает перед нами нового, еще до сих пор неведанного Ленина.

Ленин—сказочный богатырь эпоса народов Востока.

Его имя с величайшим благоговением произносится в кибитке оседлого дехкана, в юрте кочевника. Его память, звеянная легендой, исторгает из самых глубин сердец народных пламя восторга, вздохи печали, слезы умиления...

...Ленин... Где ты, Ленин?..

Прошел всего один год. Еще в памяти неповторяемый образ живого человека, в характерной позе, с рукой, заложенной в жилетный карман. Живут десятки, сотни тысяч людей, которые могли бы рассказать об обаятельной улыбке, чуть-чуть «с хитрецой».

Но уже на глубине народных, с подножий и склонов гор необ'ятного Востока, в «тоях», «капкари», «чайханах», «ашханах», по кишлачным дорогам, на культурных полях вырастает новый гигантский образ легендарного человека, в котором черты реального живого Ленина причудливо дополнены его идеей раскрепощения Востока, окружены ореолом бессмертия.

Эта мысль о бессмертии Ленина появляется уже в первой песне-диалоге, исполняемой двумя певцами:

Первый.—Мало ли звезд на небе. Выделишь ли ты из них самую яркую?

— Мало ли песчинок на бархане. Выделишь ли ты самую большую?

— Мало ли людей на земле. Найдешь ли самого славного?

Второй.—Я не выберу из миллиона огней самый яркий. И из миллиона крупинок самую большую.

— Но из тысячи миллионов людей я назову самого славного.

Первый.—Кто?

Второй.—Ленин.

Первый.—Ты прав. Он затмил величие железного Тимура.

Второй.—Тимур—ничто.

Оба вместе.—Где прошел он, не росла трава и умирал в норе суслик и в пустыню превращалась земля, прожженная железной хромой пятой.

Первый.—Вздрогнул царь, когда родился Ленин...

Второй.—Вздрогнули все цари, когда Ленин сказал первое слово...

Первый.—И слово это было...

Второй.—Хлеб и свобода...

Имя Ленина затмевает легендарных героев Востока. И в заключительных словах приведенной песни-диалога мы находим ключ к разгадке этого секрета.

Хромой Тимур, заливший морем крови культурные дороги Востока, до сих пор не имел соперников в своей популярности. Сотни лет в старой мечети «Гур-Эмир», выстроенной над его прахом в Самарканде, стекались тысячи богомольцев, чтобы воздать дань великому авантюристу, сумевшему из начальника разбойничьей шайки подняться на высшую ступень восточной деспотии.

И далеко не случайно в имени певцов мы находим противопоставление величию Тимура—величие Ленина. В сознании широких масс трудящихся Востока эти два имени—выражение двух откристаллизованных, друг друга исключающих идей.

Первое слово Ленина было «хлеб и свобода».

А Тимур?—«Где он прошел... в пустыню превращалась земля, прожженная железной хромой пятой».

Одно с другим несовместимо. Либо «хлеб и свобода», либо «прожженная земля». Нужно выбрать. И народ, резкий в своих суждениях, умеющий свергать с пьедестала вчерашних кумиров, устами певцов решительно бросает жребий:

— Тимур—ничто.

Эти два слова должны громовыми раскатами разнестись по всему миру. Народный эпос — это коллективная народная мысль. Целое тысячелетие от Александра Македонского до Тимура и далее, до наших дней, эта коллективная народная мысль умела только воспевать военные доблести, благочестие и [illegible] своих легендарных героев. И только смерть великого революционера, терзавшегося мыслью о всех угнетенных и страстной любовью к ним, дала нам возможность узнать, что старый седой Восток вырос, что он растет с чудовищной быстротой. Свергая суеверия и фанатизм, он высоко поднимает [illegible] непосредственным чувством образ того, кто сумел претворить в действенную формулу «хлеб и свобода».

Сказки, песни народные певцы на Востоке умеют изображать Ленина не только как грозного «богатыря», перед словом которого вздрагивают все цари. Было бы огромным заблуждением полагать, что образ Ленина, дошедший сюда из туманного далека холодного севера, совершенно лишен реальных черт, что он только символ того стихийного процесса, который бурно назревает в недрах народного сознания в глубинах народной мысли.

Мы уже говорили выше, что в песнях, сказках и импровизациях реальный Ленин причудливо сплетен с легендарным. Рядом с героем, потрясающим основы мира, ищущим и сейчас, после смерти, в горах счастье людское, раскидывающим гигантские глыбы, живет всем нам родной Ильич, преследующий непорядки, просто печалящийся о счастье трудящегося люда.

Живой Ильич—грозный для неверных, заботливый хозяин рабоче-крестьянской земли, смотрит на нашиных народных импровизаций.

Разве неправ дехканин в оценке Ильича, когда, завидя на дороге разрушенный арык, он поет:

«Если бы его увидел Ленин,
То он сказал бы: арык, арык—несчастный.
Почини и дай воду земле...
Ленин, Ленин... Мы без тебя... Мы без тебя...
Как рой пчел без матки».

Глубокая скорбь об ушедшем вожде сквозит в созданных за год траурных песнях. Глухой стон затаенной боли, навнявший над кривыми улицами и переулочками городов и кишлаков Востока, вторил звукам траурных орудийных салютов год назад. И сейчас мы ту же скорбь и боль об ушедшем находим отображенными в ритме и словах сложенных народом траурных песен.

Восток не помирился со смертью Ленина до сих пор. Он не только скорбит. Со свойственной ему пылкостью он вопит словами траурных песен:

«Под его руководством мы шли по тропе жизни
И не знали забот и горя.
Ленин... Где ты? Ленин...»

Охваченный порывом печали дехканин рисует себе свое собственное существование при жизни Ленина в преувеличенно-радужных красках.

В другой песне:

«Плачьте, узбеки,
Ваше солнце погасло,
Пусть высохнут слезы ваши глаза...»

В третьей:

«И он... Заткните уши... Вас поразит страшная весть...
И он... стисните зубы... он—умер».

Глубокая безнадежность, отчаяние, затемняет сознание авторов этих песен. Так умеет плакать только Восток. Он не верит в смерть Ленина. Ленин—это новый мир раскрепощения, это «хлеб и свобода», которые появились перед ним, изнывающим в цепях.

И здесь сказывается сила эпоса новой эпохи, нового мира. Безнадежности, отчаянию долго не может быть места. Нужно строить, перестраивать, создавать. С Лениным или без Ленина. Конечно, с Лениным. Значит Ленин жив.

«Он не умер. Он спит и иногда он открывает глаза, и лик горит радостно, потому что он видит, что у него есть достойные заместители».

Итак, в сознании народов Востока Ленин достиг бессмертия. О сознании важности его дела, незыблемости завещанных им идей говорит заключительная строфа вышеприведенной песни:

«Пусть спит спокойно. Он может совсем не открывать глаз
И быть уверенным, что ни одного слова его не переиначат».

Перед нами только маленькая, собранная т. Соловьевым в Фергане частичка того множества сказок, песен, импровизаций, легенд, которые сложены вокруг имени Ленина на Востоке. Из них мы узнаем о том, что почивший вождь, как человек и учитель, оказался несравненно более близким народам Востока, чем даже можно было бы предполагать. Было время, когда слово «Ленин», нацарапанное детски-неуверенной рукой на стене одного дома в Риме, вызвало взрыв негодования. Теперь мы знаем, что в миллионы сердец Востока—этого пробуждающегося богатыря революционной эпохи—запечатлено это имя, как символ страстных надежд на полное освобождение, как боевой клич победы над старым миром.

Прожектор ленинизма бросил ослепительную струю света в темные улицы Востока. В ореоле бессмертия мощная фигура вождя ведет на смертный бой порабощенные миллионы.

[illegible]

Пшавы и хевсуры о Ленине.

В горах, в условиях суровой оторванности Ленина знают все, но о Ленине почти ничего.

Ленина считают русским. Быть может, потому горцы —народ себялюбивый —говорят: «Ваш Ленин». Но говорят тоном зависти и уважения. «Если бы у нас был Ленин!»—сказал мне у Ортцкали худобокий пшав (пшавы и хевсуры—горцы, грузины, народ воинственный, малокультурный), в рваной чохе. Сказал с искренним сожалением.

В далеком хевсурском селе, за Пихтурчельским перевалом, когда ночью хозяева, люди простые и открытые, развлекали меня игрою на бандуре, юноша пропел мне песню о коммунисте. Это была наивная речитативная песня. И когда я спросил:—«А Ленин?»—юноша меня переспросил.—«Это тот самый, который побил всех генералов?»—«Да,—отвечал я,—тех самых генералов, которые побеждали вас».—«Ленин,—с глубочайшим уважением воскликнули хозяева,—Ленин самый удалый воин!».

В Артизском ущелье, в здании школы, я видел старика-горца, внимательно разглядывавшего портрет Ленина.

«Что?»—спросил я.—«Не хорошо,—ответил он с видимым разочарованием и об'яснил,—такой! Этот не похож на храбреца. Как он одет!» Горец провел по портрету рукой, обвел пиджак Ленина и не сказал больше ни слова.

В горах я слышал еще о Ленине. О нем говорят всюду, но почти одно и то же. Представляют большим, одетым в военную форму, удалым храбрецом. Естественно. Выживают в горах только неустрашимые, умеющие с оружием в руках защищать жизнь и кров. Неудивительно, что только таким представляют здесь великого вождя. Придет время, и в горах Ленин-лечения станет жизнью, защищать которую горец выйдет по первому зову.

ТАТИШВИЛИ.

По мере своих сил

Мороз пощипывает нос. Все в снегу. Кое-где над воротами или у пронумерованных домовых фонарей висят красные флаги с черными каймами, бахтиками, где и без черного...

Встретил Илью Николаевича, как величают теперь «бывшие люди» старого знакомого дворника. Недаром величают: в совете он в Московском, членом от дворников состоит. А по мне хоть что, как звал Никольичем, так и зову, потому как одного с ним поля мы ягоды.

Поздоровались.

Придвинулся ко мне Николаич, шопотом спрашивает:

— Что, правда, говорят, Ильич помер?

— Ну и чудило же ты, Николаич. Ишь чего выдумал.

Разошлись.

Ушки на макушке навострились, сам не свой.

Кажись Николаича разубедил, а вот себя-то... Что-то не того... Да нет, Ильич не помрет. Знает небось как нужен он нам. Ухо-тонкое у него, да слово четкое. Всегда прислушивался к нашему голосу и теперь послушает.

...А не послушает, так помереть ни велит и крышка...

Ну, а может?

Помчался к ребятам в общежитие. Приплелись ребята. Не глаза, а плошки мерцают, да печальные...

— Слыхал?..

— Ребята, да что вы забеленились что ли... Да разве такими вещами шутят... Да за такие вещи...

Ушел на поверку... Несет куда-то вперед.

А кругом, кто тихо, кто громко, в разных редакциях, люди об одном—об одном:

— Ленин умер...

— Ильича больше нет...

— Калинин, об'явил на с'езде, кричал, а делегаты, после столбняка, пробудились с рыданиями. Истерики...

— Тело прибудет двадцать третьего, в час дня... Похороны в субботу...

Все это не проходит мимо меня, а плывет, как в кинематографе... только с нарывом...

— Да неужто ушел, не спросившись...

— Куда же теперь?.. Куда!

...Куда же больше, как не в плотный ряд с Ильичем детище,—в нашу партию.

Побрел... Пропала радость утренняя...

В ячейке те же мысли, переживания у каждого в глубине... Не говорят они вслух. Сидели, плотно придвинувшись друг к другу. Ильич ведь сплачивал. Честное слово, у каждого на устах висело, так же честно продолжить ленинское дело, по мере своих сил, как сам Ленин.

Поздно ночью разбрелись по домам, чтобы завтра чуть свет еще теснее сойтись. Ильич ведь умер взаправду.

В. ИНСАРОВ.

У гроба Ильича.

(Впечатления).

Уже год истек со дня смерти [illegible] родного Ильича. Я все время мечтала хоть раз взглянуть на могилу Ленина и до сих пор никак не могла осуществить свое желание.

Наконец, настал долгожданный день. Я приехала в Москву и тотчас направилась на Красную площадь. У высокой серой стены Кремля стоит строгий мавзолей, как верный [illegible] рати.

Сквозь имеется вход, на котором чернеется одно—блестящее и веское слово: Ленин. У входа [illegible] толпа людей. Все куда-то спешат, волнуются.

Войдя в коридор, весь обитый красным сукном, все сразу притихли, затихли. [illegible]

[illegible]

[illegible]

Чествование памяти Ленина за границей.

УСПЕШНЫЕ МИТИНГИ В ПАРИЖЕ.

ПАРИЖ, 20 января. (Роста). Организованные в Париже и окрестностях митинги памяти Ленина прошли с большим успехом. В самом Париже было организовано два митинга. Участники митинга с напряженным вниманием слушали ораторов, делившихся своими воспоминаниями о Ленине и говоривших о жизни и учении великого учителя.

На митинге в доме французских профсоюзов, на улице Гранж-О-Бель, выступали коммунист Кольяр, вождь Унитарной конфедерации труда Монмуссо, китаец Тюельи, коммунисты Дорио и Семар. Ораторы подчеркивали неизмеримое значение Ленина в развитии мировой революции. Ораторы заявили, что французская компартия будет твердо следовать заветам и учению гиганта мировой революции.

Хор коммунистов спел ряд революционных песен. Собрание высказалось за солидарность с лозунгами, выдвинутыми компартией и Унитарной конфедерацией труда: «За единство пролетариата против фашизма» и «За единство профдвижения против плана Дауэса».

Конгресс французской компартии.

ДОКЛАД О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ.

ПАРИЖ, 19 января. (Роста). 3-й день конгресса французской компартии. Председательствует т. Барр. Докладчиком от организационной комиссии выступает Сюзан, излагающий схему новой организационной связи. Прежнее распределение на федерации уничтожается. Организуется 26 районов. Федерации Уазского и Сен-Марнского департаментов присоединяются к Парижскому району.

С докладом о международном положении выступает тов. Трэн. Свой доклад он начинает с критики троцкизма, указывая на ошибки Троцкого до и после 1917 г. Тов. Трэн указывает: «В трех пунктах расходятся наши тезисы с положениями троцкизма: 1) по вопросу о революционных перспективах, 2) о роли фашизма и социал-демократии и 3) о роли Коминтерна».

Трэн подвергает критике «сверх-империалистическую» теорию Каутского и Троцкого. Трэн подчеркивает также значение левого течения в Амстердамском Интернационале.

Переходя к вопросу о фашизме, Трэн указывает, что с точки зрения Троцкого фашизм является *орудием борьбы* в руках буржуазии, которая перестает уже нуждаться в этом орудии. «Буржуазия,—заявляет Трэн,—об'единяет против пролетариата все силы: фашизм, социал-демократию и анархию. Необходима тактика, которая сумела бы опережать верх над тактикой буржуазии».

Касаясь роли Коминтерна, тов. Трэн подчеркивает, что и в этом вопросе существуют разногласия с Троцким. Революция не является единственным критерием для оценки людей.

Для такой оценки служит точно также и длительная борьба на идеологическом фронте в период, предшествующий революции.

«Партия,—говорит тов. Трэн,—должна быть абсолютно едина в своей идеологии. Поэтому необходимо энергично бороться с правыми уклонами». Критикуя оппозицию, Трэн заявляет, что всякий отход от ленинизма влечет за собой контрреволюцию.

Переходя к вопросу о положении в РКП, Трэн заявляет, что благодаря прошлогодней дискуссии российская компартия еще более приблизилась к массам.

Заканчивая свою речь, т. Трэн указывает, что ленинизм для является [illegible]

бение внутрипартийного режима, об'единение компартии и унитарной конфедерации труда, единство профдвижения, завоевание муниципалитетов, усиление провинциальных организаций и завоевание крестьянских масс.

Председатель конгресса оглашает письмо от центрального комитета итальянской партии. В письме подчеркивается необходимость борьбы с соглашательским интернационалом, с демократией и социал-демократией.

На том же заседании оглашается письмо польской компартии, адресованное рабочим Дуарнена.

ПАМЯТНИК ДАМБЛОНУ.

ПАРИЖ, 20 января. (Роста). Бельгийская компартия открывает подписку на памятник недавно умершему вождю бельгийских рабочих, основателю бельгийской рабочей партии Дамблону. В опубликованном компартией воззвании подчеркивается, что Дамблон был сторонником классовой борьбы и вырос до понимания современных задач коммунизма, так как он предполагал примкнуть к компартии, к которой относился с большой симпатией.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА.

ПАРИЖ, 19 января. (Роста). На вчерашнем дневном заседании выступил представитель Исполкома Коминтерна, который в своей речи отметил, что перемены в партии выражают перемены, происшедшие в пролетариате со времени войны, и что борьба в рядах партии является отражением борьбы между троцкизмом и ленинизмом. Чистка закончена. Большевизация означает, главным образом, строительство партии, способной завоевать власть. Необходима организация партии на основе ячеек, а также союз партии с рабоче-крестьянскими массами в колониях. Ячейки должны лучше понять свою роль, должны стать численно более сильными. Французский пролетариат не привык к сплоченной массовой организации. Надо внушить ему сознание необходимости такой организации. В качестве первого шага на пути к этой цели надо завоевать 50.000 членов партии в Париже.

Затем выступили германский, чехословацкий и швейцарский делегаты.

В 7 часов вечера заседание закрылось.

Внешняя политика С.-А. Соединенных Штатов.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ДЖОНСОНА.

НЬЮ-ЙОРК, 19 января. (Роста). Член республиканской партии сенатор Джонсон (от штата Калифорния), не высказывавшийся по вопросам иностранной политики в течение долгого времени (после неудачных попыток добиться президентской кандидатуры), внес в сенат резолюцию, требующую, чтобы Юз информировал сенат о состоявшемся в Париже соглашении по репарационному вопросу и передал в сенат все соответствующие документы.

Джонсон является непримиримым противником Лиги Наций. Он обвиняет государственный департамент в вовлечении Америки в европейские политические дела без согласия сената.

Резолюция будет обсуждаться в сенатской комиссии по иностранным делам, где Бора (председатель этой комиссии) будет настаивать на возможно более широком рассмотрении вопроса. В связи с предстоящими в сенате прениями, предполагается пересмотр всей внешней политики Соединенных Штатов.

Бора, несомненно, доложил выступление Джонсона в защиту политики изоляции, ибо это ставит в затруднительное положение Кулиджа и усиливает значение Бора в качестве посредника между сенатом и государственным департаментом.

Одновременно с выступлением Джонсона, выступил против парижского соглашения издатель газеты «Вашингтон Пост» Джордж Харвей, предшественник Келлога на посту американского посла в Лондоне. Харвей оценивает парижское соглашение, как отказ от политики невмешательства в европейские дела.

ЮЗ О ФИНАНСОВОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

НЬЮ-ЙОРК, 19 января. (Роста). Отвечая на обвинения, что парижское финансовое соглашение вовлекает Америку в политическую жизнь Европы, Юз сегодня официально заявил, что Соединенные Штаты были вынуждены принять участие в парижской конференции в целях защиты своих собственных интересов. Юз указывает, что парижская конференция не является какой-либо инстанцией, предусмотренной версальским договором, или договором между Германией и Америкой. Поэтому участие Америки в подобной конференции без одобрения сената не нарушает постановлений сената. Парижское соглашение имело своей целью единственно распределение сумм, полученных по плану Дауэса, и совершенно не касалось вопроса о санкциях, при чем Соединенные Штаты не брали на себя никаких обязательств оказывать давление для получения платежей. Юз заявляет, что вообще парижское соглашение ни в какой степени не нарушает прав, какими пользуются Соединенные Штаты по договорам. Юз обещает опубликовать полный текст соглашения, как скоро он будет получен в Америке.

В разных странах.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ РУМЫНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ВЕНА, 19 января. (Роста). Сообщение о том, что Румыния добивается восстановления врангелевской армии с целью использовать последнюю для совместных действий в случае выступления против СССР, официально опровергается румынским правительством, при чем указывается, что Румыния не хочет дать повода к каким бы то ни было выступлениям со стороны СССР.

МАССОВЫЕ АРЕСТЫ В ЛИТВЕ.

КОВНО, 19 января. (Роста). Литовская охранка произвела массовые аресты в Вилковишках, Мариамполе, Шавлях, Поневеже, Янишках и Ковно. Среди арестованных, кроме рабочих и крестьян, находятся также учителя, врачи, студенты. В Мариамполе арестован видный общественный деятель педагог и врач Матулайтис.

НОВОЕ «ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ВИНОВНОСТИ» РАДИЧА.

ВЕНА, 19 января. (Роста). Официальное юго-славское агентство «Авала» распространяет сообщение о том, что предложение Крестьянского Интернационала прислать Домбаля в Белград для дачи показаний по делу Радича рассматривается в Белграде, как новое доказательство сношений Радича с большевиками, которые тем самым обнаруживают, насколько они заинтересованы в революционной деятельности Радича.

По сведениям белградских газет, прокурор не намерен принять предложение Крестьянского Интернационала.

Воспрепятствует ли полиция вступлению Домбаля на сербскую территорию — еще не выяснено.

АРЕСТЫ КОММУНИСТОВ В ГОЛЛАНДИИ.

БЕРЛИН, 15 января. (Роста). В связи с бывшими ранее попытками нападений на пороховые склады и арсеналы, голландская полиция в провинции Нордголланд (Амстердамский округ) произвела аресты среди коммунистов и синдикалистов.

РОСТ БЕЗРАБОТИЦЫ.

БЕРЛИН, 16 января. (Роста). Безработица в Германии за время от середины до конца декабря 1924 года увеличилась, приблизительно, на 15 проц.: с 458 тысяч человек до 529 тысяч. В это число входят только те безработные, которые получают основное пособие; число же безработных, получающих добавочное пособие, возросло с 606 тысяч до 710 тысяч человек.

Юз, С.-А. Соединенные Штаты и СССР.

(Интервью с народным комиссаром по иностранным делам тов. Г. В. Чичериным).

В беседе с сотрудником Роста по поводу отставки государственного секретаря С.-А. С. Ш. Юза и перспектив взаимоотношений между СССР и Америкой тов. Чичерин заявил:

ЮЗ—САМЫЙ НЕПРИМИРИМЫЙ ВРАГ СОЮЗА ССР.

«Только что ушедший в частную жизнь после четырехлетней правительственной деятельности государственный секретарь Юз не будет помянут добром нашими согражданами, да и вообще всеми, кому дороги интересы человеческого прогресса и установления более справедливых отношений между народами. Четыре года назад многие смотрели вперед на начинавшуюся эру господства республиканской партии не без некоторых оптимистических ожиданий. Как только власть перешла к президенту Гардингу, ВЦИК, как известно, обратился к нему с предложением о начатии сношений. Отказ американского правительства, переданный в крайне грубой форме, без непосредственного обращения к советскому правительству, через американского консула в Ревеле, был, прежде всего, делом начинавшего свою деятельность Юза. Когда советское правительство в ответ на оглашенную в конгрессе 6 декабря 1923 г. декларацию президента Кулиджа обратилось к последнему с предложением обсудить имеющиеся разногласия, отрицательный ответ американского правительства был опять в первую очередь личным делом Юза. Поспешность, которую проявил Юз в пересылке своего ответа на это обращение советского правительства, и тон такового ясно указывали, насколько Юз, обуреваемый слепой ненавистью к Советскому Союзу, пытался всеми силами помешать урегулированию взаимоотношений между СССР и Америкой, к чему в тот момент склонялись некоторые правительственные круги Соединенных Штатов. Неоднократно в своих обращениях к тем или другим учреждениям или группам, заинтересованным в возобновлении сношений с СССР, Юз выражал по отношению к нему самую непримиримую враждебность. Стало аксиомой, что никакое улучшение отношений между Соединенными Штатами и СССР невозможно, пока во главе ведомства иностранных дел находится Юз. Когда одни его аргументы оказывались с полной несомненностью опровергнутыми действительностью, Юз придумывал новые аргументы, чтобы отвергать всякое изменение отношения к нам, не брезгуя даже использованием подложных документов.

КЛЕВЕТА И ЛИЦЕМЕРИЕ ЮЗА.

Главным его аргументом в течение долгого времени служило утверждение, будто бы Советская Республика представляет в экономическом отношении пустое место, не может ни ввозить, ни вывозить. Завязавшиеся у нас с Америкой торговые сношения несмотря на всю трудность развития при отсутствии юридического признания одной стороны, побивали на голову нелепое утверждение Юза. Живая действительность и ежедневные наблюдения самым положительным образом сводили на нет его другое утверждение, будто бы советское правительство является кучкой людей, оторванных от народных масс и поддерживающих свою власть силою. Чем больше живая действительность советского строя открывалась перед глазами американцев, чему способствовала и работа агентов АРА во время голода, а также посещения СССР американскими государственными деятелями, тем больше этот чудовищно-вздорный аргумент поражал вопиющим противоречием с фактами.

В последнее время Юз любил выдвигать факт аннулирования советским правительством долгов прежних правительств, но когда с нашей стороны ему было предложено обсудить этот вопрос, он от его обсуждения отказался, тем самым доказав лицемерный характер этой аргументации. Оставался последний аргумент: мнимое ведение пропаганды советским правительством. Этот аргумент оказывался применимым только потому, что в своих рассуждениях Юз, вместо более точных терминов, употреблял слово «Москва». Он мог какие угодно факты из совершенно чуждой советскому правительству области ставить ему в счет, когда неопределенное понятие «Москва» заменяло у него точные политические понятия. Та самая Америка, которая в течение некоторого времени служила местом пребывания центрального исполнительного органа I Интернационала, странным образом не могла мириться с тем, что центральный исполнительный орган III Интернационала находится в Москве. Но не только советские республики испытали глубокую реакционность и доктринерскую узость политики Юза. Чем дальше, тем больше Юз становился главной опорой агрессивного империализма в мировых отношениях.

НЕОБХОДИМО РАЗРУШИТЬ КИТАЙСКУЮ СТЕНУ МЕЖДУ АМЕРИКОЙ И СССР.

Преждевременно связывать какие-нибудь пророчества с личностью нового государственного секретаря Соединенных Штатов. Было бы слишком рискованно что-либо предсказывать в отношении его будущей деятельности. Можно пожелать, чтобы его близость к реальным экономическим отношениям в виду его активной роли в американской промышленности отразилась плодотворным и оживляющим образом на его будущей деятельности. Не будем делать никаких выводов из его прошедшей деятельности в Лондоне, ибо там он являлся не руководителем политики, а исполнителем чужих предначертаний. Пусть живая жизнь, непосредственно затрагивавшая его в его личной хозяйственной работе, откроет ему глаза на те перспективы, которые были и оставались книгой за семью печатями для его предшественника. Сама жизнь властно толкает к тому, чтобы разрушить ту китайскую стену, которую Юз возвел между Америкой и СССР. Под влиянием одного из лучших политических деятелей Америки, сенатора Бора, г. президент возымел намерение созвать конференцию о разоружении. Но как же созывать такую конференцию без государства, обнимающего 1/6 часть всего земного шара, и каким образом приглашать это государство на конференцию при отсутствии с ним легальных отношений и при принципиальном отклонении всякой возможности сношений с ним. Первый же шаг нового избранного президента в области мировых отношений сталкивает его, таким образом, с очевиднейшей необходимостью вовлечения СССР в круг политических отношений его страны. Достаточно, впрочем, посмотреть на карту, чтобы убедиться в совершенной невозможности длительного сохранения искусственной системы разобщения двух величайших стран земного шара, созданной Юзом. Вхождение СССР в круг тихоокеанских отношений сталкивает с ним лицом к лицу американскую тихоокеанскую политику, и ежедневно интересы последней будут оставаться в тупике в случае сохранения нелепой разобщенности с СССР.

Но ведь американское правительство не ограничивается уже больше тихоокеанской политикой, оно с каждым днем все больше вмешивается во все европейские, азиатские и другие колониальные отношения. Как же ему при этом применять политику страуса по отношению к нашему государству, обнимающему половину Европы и половину Азии?

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АМЕРИКАНСКОГО КАПИТАЛА И ЕСТЕСТВЕННЫХ БОГАТСТВ СССР УЛУЧШИТ МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

И какое в сущности отсутствие элементарной логики проявляется в этой искусственной разобщенности. Америка буквально переполнена свободными капиталами, ищущими применения, в то время как СССР представляет грандиознейшую картину естественных богатств, ожидающих оплодотворения капиталом. Величайшие перспективы для благосостояния не только наших двух стран, но вообще для улучшения мирового хозяйства связываются с предстоящим проникновением американского капитала для плодотворной работы в нашу страну. Ведь еще в 1918 году тов. Ленин, глубоко обдумав и разработав план привлечения на концессионных началах иностранного капитала для развития наших естественных богатств, послал с полковником Робинсом этот план в Америку, больше других стран призванную силою вещей участвовать в этом процессе.

Я не предсказываю, я не делаю никаких ставок. Я лишь констатирую фактическое положение вещей и, исходя из него, я позволяю себе выразить пожелание, чтобы замена государственного секретаря Юза новым политическим деятелем оказалась историческим шагом на пути приближения наших государств к восстановлению сношений, к которому жизнь толкает их с непреодолимой силой».

МОСКВА.

ПРОБНАЯ ПОЕЗДКА ТЕПЛОВОЗА ГАККЕЛЯ.

20 января утром состоялась пробная поездка построенного в Ленинграде тепловоза Гаккеля. В пробе приняли участие: чл. коллегии НКПС А. В. Халатов и Ю. В. Рудый, нач. Цужела О. О. Дрейер, нач. отдела тяги НКПС П. И. Красовский и другие специалисты жел.-дор. транспорта. С составом в 3 пассажирских вагона тепловоз сделал путь в 38 верст до Крюково в 45 мин. Обратно тепловоз шел с еще большей скоростью, доходившей до 83—85 верст в час.

Поездка произвела на участников большое впечатление. Всеми отмечается ряд преимуществ тепловоза по сравнению с паровозом. Самое основное—большая экономия топлива, плавное трогание тепловоза с места и ровный ход.

Инженер Гаккель в настоящее время проектирует тепловозы несколько иной конструкции. Предполагает поставить на тепловозы двухтактные моторы, что вызовет еще большую выгодность эксплоатации и облегчит уход за тепловозом.

ПРИБЫТИЕ ТЕПЛОВОЗА ПРОФ. ЛОМОНОСОВА.

Тепловоз проф. Ломоносова вчера отправлен из Себежа в Москву, куда прибудет 23 января. В Москве будут произведены испытания тепловоза.

ВЕЧЕР В ПАМЯТЬ 9 ЯНВАРЯ 1905 Г.

Росс. Академия Худож. Наук устраивает 22 января вечер памяти 9 января 1905 г. Вечер организуется научно-показательным отделом, социологическим отделением и местkомом академии. В программе: воспоминания о 9 января И. Н. Кубикова и Г. И. Чулкова, доклад: «9 января по анкете Союза Союзов»—Л. Я. Гуревич, чтение рассказа о 9 января В. И. Янвицкого, исполнение революционной музыки, связанной с эпохой 1905 года, и чтение художественных произведений, отражающих события.

СОВЕЩАНИЕ ПО ОЖИВЛЕНИЮ СОВЕТСКОЙ РАБОТЫ.

Президиум Московского Совета постановил создать при губисполкоме совещание по оживлению советской работы. Председателем совещания постановлено назначить тов. Каменева и заместителем председателя тов. Любимова. В состав совещания входят 64 тт., в числе которых представители районных советов Москвы, уисполкомов Московской губ., целый ряд представителей волисполкомов и сельсоветов, отдела работниц при МК РКП(б), Московской раб.-крестьянской инспекции, Мосселькредсоюза, представители от рабочих завода бывш. Бромлей, завода «Серп и Молот», Прохоровской м-ры и т. д.

РАБОТА ТРАМВАЯ И ТОРГОВЛЯ В ДЕНЬ 22 ЯНВАРЯ.

Согласно постановлению президиума Моссовета движение трамвая 22 января производиться не будет.

Торговля во всех государственных, кооперативных и частных торговых предприятиях, на рынках и базарах 22 января не производится. Разрешается только уличная торговля из ларьков.

Столовые открытого типа, кафе, рестораны и т. д. должны быть закрыты. Дежурные столовые и столовые при водопроводе, электрических станциях, больницах, вокзалах и т. п. должны быть открыты; буфеты в театрах, где идут спектакли, посвященные памяти В. И. Ленина в дню 9 января, а также буфеты в клубах могут быть открыты на общих основаниях.

ВЫСТАВКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Выставка революционной литературы, устраиваемая Росс. Академией Худож. Наук, откроется в помещении академии (ул. Кропоткина, 32) 25 января, в 2 часа дня. На открытие широко приглашаются общественные и литературные организации, пролетарские и крестьянские писатели.

ПО СОЮЗНЫМ РЕСПУБЛИКАМ.

ЛЕНИНСКАЯ НЕДЕЛЯ.

В одесских клубах проходят вечера, посвященные памяти Ленина. Во Дворце Моряка на вечере присутствовало много иностранных моряков. Они просили подробнее рассказать им о жизни Ленина. В последние дни многие моряки—англичане, немцы, голландцы, негры и друг., часами просиживают в уголке Ленина, где знакомятся с документами и материалами, относящимися к жизни и работе Ленина.

Собрание работниц в Царицыне, заслушав доклад «Год без Ильича», дало обещание быть всегда ленинками. Мусульманские женщины заявили: «Ильич снял с нас вековую чадру. Выше будем держать его знамя».

В Самаре в годовщину смерти Ленина открывается заново оборудованный Дом Крестьянина, в котором устанавливается радио с громкоговорителем. На открытие дома прибудут по два представителя от каждой волости.

В Тамбове к ленинским дням приурочен выпуск еженедельной крестьянской газеты «Тамбовский Крестьянин».

В Барнауле ленинская неделя отмечена усиленной тягой рабочих в РКП. Так, в железнодорожных мастерских с начала недели свыше 100 рабочих подали заявления о приеме в партию.

ТЕЛЕГРАММА ТОВ. РАКОВСКОГО МОЛДАВСКОМУ РЕВКОМУ.

БАЛТА, 18 января. Ревком АМССР получил от тов. Раковского следующую телеграмму:

— Дорогие товарищи! Благодарю за ваше товарищеское приветствие в связи с образованием Молдавской республики. Значение последней огромно и заключается не только в том, что еще один народ великого Союза получил возможность развивать свою национальную культуру, но и в том, что открылся еще один фронт борьбы на юго-западной границе нашего Союза.

Задачи, выпавшие на долю Молдавской республики, в этом отношении громадной исторической важности. Это задачи не только по отношению к нашим братьям бессарабским рабочим и крестьянам, но и ко всем народностям Балканского полуострова, где идет еще непрерывная борьба за национальное освобождение.

Эти исторические задачи возлагают на вас еще большую ответственность. Ваша республика должна служить примером во всех отношениях для других народов и стать рассадником освободительных идей коммунизма.

Буду рад, если представится возможность лично посетить в ближайшем вашу республику и убедиться, что пожелание рабочих и крестьян всего Союза относительно образования нашей республики осуществляется на деле.

Да здравствует Автономная Молдавская Советская Социалистическая Республика!

Раковский.

С'ЕЗД СОВЕТОВ УЗБЕКСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

ТАШКЕНТ, 19 января. Первый всеузбекский с'езд советов назначен на 2 февраля в г. Бухаре. Повестка дня с'езда: отчет правительства, задачи национального строительства, хозяйственное строительство, вопросы низового советского аппарата, народное просвещение, выборы.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧАСТИ КРАСНОЙ АРМИИ В КИРГИЗИИ.

ОРЕНБУРГ, 18 января. Началась подготовительная работа по формированию национальных частей Красной армии в Киргизии.

В беседе с корреспондентом Роста секретарь киргизского областного комитета РКП тов. Ходжанов по этому поводу заявил:

— Киргизия является промежуточной полосой между Европой и Азией. Киргизы должны быть впереди революционного движения Азии, образцом революционного строительства, примером для живущих глубоко в Азии народов.

Есть все основания для уверенности в успешном выполнении работы по формированию национальных частей Красной армии. Киргизия будет образцовой азиатской советской республикой.

Председатель Совнаркома КССР тов. Нурмаков, отмечая историческое значение формирования национальных частей, указал:

— Царское правительство смотрело на Киргизию исключительно, как на об'ект эксплоатации и произвола. Ярким примером этого служит памятный для киргиз 1916 год, когда царизм, нуждаясь в людском материале, принужден был обратиться к киргизскому населению, как к чернорабочей силе. Царский акт носил позорное название: «Реквизиция киргиз на тыловые работы».

При практическом проведении формирования киргизских частей, конечно, встретится немало препятствий. Поэтому необходима более длительная подготовительная кампания среди киргизского населения по раз'яснению значения Красной армии. Привлечение киргиз в армию на добровольных началах может практиковаться только в первое время. В дальнейшем мы должны приспособить военный аппарат к учету киргизского населения так, чтобы поставить дело призыва так же, как призыв русского населения.

ПЕРЕВЫБОРЫ ПОЛТОРАЦКОГО СОВЕТА.

ПОЛТОРАЦК, 19 января. Закончились перевыборы полторацкого городского совета. Среди избранных более 80 проц. беспартийных. Женщины составляют 25 проц. числа членов совета.

УЛУЧШЕНИЕ ОДЕССКОГО ПОРТА.

ОДЕССА, 19 января. За истекший год проведены работы по механизации погрузочно-разгрузочных операций, упорядочению и развитию сети портовых ж.-д. путей, исправлению повреждений от штормов, ремонту складочных помещений. Эти работы выполнены на 90 проц. задания.

Благодаря всем проведенным работам нынешнее состояние одесского порта позволяет пропустить в год 180 млн. пуд. грузов. Грузооборот порта за последние 4 года неуклонно растет; так в 1921 году он составлял 1.493.000 пуд., в истекшем году—27.656.000 пуд.

КРУПНЫЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ В ЗАПОВЕДНИКЕ «АСКАНИЯ НОВА».

ЕКАТЕРИНОСЛАВ, 20 января. (По телефону от нашего корреспондента). Вследствие катастрофического положения, в котором очутилось хозяйство государственного заповедника им. Раковского, быв. «Аскания Нова», Наркомземом было назначено обследование создавшегося положения. Во время обследования были обнаружены крупные злоупотребления и полная бесхозяйственность быв. директора заповедника, благодаря чему хозяйство очутилось в тяжелом состоянии. Скот погибал, здания разрушались и жалованье рабочим не платилось. Следствием установлены случаи грубого обращения с рабочими со стороны администрации и заведующего хозяйством. Кроме того, возводились ненужные постройки вместо жилищ для рабочих. Разрушались птичник и зоологический парк, чем был нанесен значительный ущерб научной части заповедника. Бывшая администрация устраивала попойки, вакханалии, пользовалась для личных целей инвентарем заповедника и создавала фиктивные командировки. Не были своевременно приняты меры к засевам и заготовкам корма для скота, а также к устройству жилищ для рабочих. В результате этих злоупотреблений — десятки тысяч рублей убытка.

ОТКРЫТИЕ НОВОГО РУДНИКА.

ЕКАТЕРИНОСЛАВ, 20 января. (По тел. от нашего корр.). Уже сообщалось о подготовке к пуску нового рудника на Никопольских марганцовых рудниках. 2 января состоялось открытие огромного рудника им. Максимова, впервые начавшего работать в три забоя с электрическим под'емом. На этом руднике построена рудообжигательная фабрика и электрическая станция. На марганцовых рудниках производительность за первый квартал дала 3.915.500 пуд., вместо предполагавшихся 2.540 тыс. пуд., т.-е. задание выполнено на 154 проц.

1.200 КВАРТИР ДЛЯ РАБОЧИХ.

ТУЛА, 20 января. (По телефону от наш. корр.). Жилищно-строительное кооперативное товарищество «Красная Кузница» составило план строительства на 1925 г., по которому предполагается построить целый городок-сад с 1.200 квартирами для размещения 6.000 тысяч человек рабочих членов названного кооператива.

Постройки предполагается закончить ко дню 8-й годовщины Октябрьской революции.

Центр предоставляет товариществу кредит в 2.400 тысяч рублей и краткосрочный в 600 тысяч рублей, другие источники могут дать около 700 тысяч рублей. Стоимость всей постройки исчисляется в сумме свыше 6 млн. руб. Губисполком признал ориентировочный план строительства приемлемым и поручил правлению товарищества в ближайшее время выяснить конкретно все финансовые возможности, которыми может располагать товарищество в строительный сезон 1925 г.

ДЕЛО ДЕНИКИНЦА УСОВА.

РОСТОВ-НА-ДОНУ, 19 января. В Ейске в выездной сессии краевого суда начато слушанием дело бывшего агента ейской деникинской контрразведки Усова. В ноябре 1918 года и в мае 1920 г. Усов производил массовые аресты, избивал, расстреливал и вешал заподозренных в сочувствии советской власти. В 1920 году он бежал за границу, недавно возвратился с эмигрантами под чужой фамилией и проживал в Сочи.

БЕЛОРУССИЗАЦИЯ ПРОФСОЮЗОВ.

МИНСК, 19 января. Совет профсоюзов Белоруссии разработал мероприятия по проведению национальной политики профсоюзов. К 1 апреля переводятся полностью на белорусский язык союзы работников просвещения, работников земли и леса, работников связи и на еврейский язык—союз швейников. В следующую очередь переводятся на белорусский язык союз железнодорожников.

Подготовка Наркомзема к возможному пересеву.

Несмотря на то, что нет никаких данных ожидать массовой гибели озимых посевов, Наркомзем готовится к возможным неожиданностям и с этой целью поставил перед правительством вопрос о необходимости заготовки запасного фонда яровых семян в размере 5 миллионов 500 тыс. пудов и забронирования его за Наркомземом для возможного пересева, с тем, чтобы в любой момент, на случай нужды, он был в распоряжении руководителей весенней посевной кампании. Из этого фонда будет покрыта потребность уже выяснившегося пересева около 200 тыс. десятин озимых в Воронежской, Курской, Тамбовской, Саратовской, Брянской, Орловской и Царицынской губ., погибших от осенней засухи. Кроме того, из этого же фонда будет покрыт незначительный недосев озимых в некоторых районах, где засушливая осень не позволила полностью провести посевную кампанию.

Таким образом, Наркомземом учтены все недочеты осенней посевной кампании и возможные сюрпризы весенней, и ведется подготовка, вполне обеспечивающая полное сохранение посевного клина.

Библиография.

СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ К ГОДОВЩИНЕ СМЕРТИ В. И. ЛЕНИНА *).

ЖИЗНЬ В. И. ЛЕНИНА.

1. Зиновьев Г.—Ленин. Гос. изд. Ленинград. 1924 г. Очерки и материалы о жизни и деятельности В. И. Ленина, собранные в одном томе.
2. Зиновьев Г.—В. И. Ленин. Изд. «Красная Новь». 1924 г. Краткий биографический очерк.
3. Зиновьев Г.—В. И. Ленин. М. Изд. МК РКП. 1924 г.

4*). Зиновьев Г.—В. И. Ленин. Очерк жизни и деятельности. М. Гос. Изд.

5. Зиновьев Г.—Владимир Ильич Ленин. (Речь, произнесенная на заседании Ленинградского совета 7 февраля 1924 г.). Изд. Закавказск. книжн. коопер. т-ва.
6. Сталин И.—О Ленине и ленинизме. Речь на вечере кремлевских курсантов. М. Гос. Изд. 1924.
7. Сталин И.—В. И. Ленин. Изд. МК РКП. 1924.

8*). Ярославский Ем.—Жизнь и работа В. И. Ленина. (23 апреля 1870—21 января 1924 г.). М. Гос. Изд.

9. Каменев Л.—Ленин и его партия. Изд. «Красная Новь». 1924.

10*). Н. К. Крупская.—О Владимире Ильиче. Изд. «Красная Новь». 1924.

11. К. Радек.—О Ленине. М. Изд. «Красная Новь». 1924.
12. Кржижановский Г. М.—О Владимире Ильиче. Доклад на вечере воспоминаний о В. И. Ленине 3 февраля 1924 г. М. Изд. «Красная Новь». 1924.
13. Попов Н. и Яковлев Я.—Жизнь Ленина и ленинизм. Изд. «Красная Новь». 1924.
14. Гильбо А.—Владимир Ильич Ленин. Описание его жизни. Ленинград. Изд. «Прибой».
15. «Об Ильиче».—Сборник статей, воспоминаний, документов и некоторых материалов. Ленинград. «Прибой». 1924.
16. Лозовский А.—Великий стратег классовой войны. Памяти единственного. 2-е изд. ВЦСПС. 1924.
17. Аросев А. — Основные вехи жизни В. И. Ульянова (Ленина). Краткая выдержка из календаря жизни В. И. Ленина. Ленинград. Гос. Изд.

18*). «Жизненный путь Ильича».—Библиотечка по ленинизму. Ленинград. Изд. «Красная Газета». 1924.

19. Биография В. И. Ленина в датах и числах.—Ленинград. Изд. «Прибой». 1924.
20. Платтен Фриц.—Ленин из эмиграции в Россию. Март 1917. Предисловие Н. К. Крупской. Изд. «Московский Рабочий». 1925.
21. Посвянский П.—Покушение на Ленина 30 августа 1918 г. Воспоминания очевидцев, газетные материалы 1918 г., некоторые данные из процесса ЦК партии социалистов-революционеров, протоколы допроса Каплан, и др. Изд. «Новая Москва». 1924.

22*). Рогов М.—Ленин. Под редакцией, с предисловием и введением т. Лядова. Изд. «Молодой Ленинец». 1924.

23. «О Ленине». Сборник воспоминаний под редакцией Н. Л. Мещерякова. М. Гос. Изд.

НА СМЕРТЬ В. И. ЛЕНИНА.

1. «Ленин».—Иллюстрированный траурный сборник. Статьи: Бухарина, Горького, Зиновьева, Радека, Уэльса. Изд. «Червоний Шлях».
2. Зиновьев Г.—На смерть Ленина. Изд. «Красн. Новь».
3. «Памяти Ленина». Сборник. М. Высш. воен. ред. совет. 1924 г.
4. Вождь железной когорты. Памяти Ильича-Ленина. Воспоминания, статьи, стихотворения. Ростов-на-Дону. Изд. «Прибой». 1924 г.
5. «В дни скорби». Изд. «Московский Рабочий». 1924.
6. «Передовые отряды—Ленину». Изд. «Рабочая Москва». 1924.
7. «На могилу Ильича». Статьи, характеристики, воспоминания. Ленинград. Изд. «Прибой». 1924.
8. «Умер Ленин». Сборник под редакцией Бор. Волина и Мих. Кольцова. Изд. Мосполиграф. 1924 г.
9. «Товарищ Ленин». Изд. «Новая Москва». 1924.
10. «Владимир Ильич Ленин». Изд. «Новая Москва». 1924.
11. «О памятнике Ленину». Сборник статей Л. Красина, Э. Голлербаха, И. Фомина, Л. Ильина, Я. Тугендхольда. Ленинград. Гос. Изд. 1924 г.
12. «У ленинской могилы». Изд. газеты «Красная Звезда». 1924.

ОСНОВЫ ЛЕНИНИЗМА.

1. Сталин.—«О Ленине и ленинизме». М. ГИЗ. 1924.
2. Сафаров Г.—Основы ленинизма. Ленинград. Изд. «Прибой». 1924.
3. Панкович (М. Вольтман). — Ленин. (Материалы к изучению ленинизма). М. «Красная Новь». 1924.
4. Керженцев П. М.—Ленинизм. Введение в изучение ленинизма. С предисловием Н. К. Крупской. 2-е изд. ГИЗ. М. 1925.
5. «За ленинизм».—Сборник статей. Статьи Рыкова, Н. Бухарина, Л. Каменева, И. Сталина, Зиновьева, Крупской, Сокольникова, Молотова, Бубнова, А. Андреева, Кингисеппа, Д. Лебедя, И. Степанова, Сокольникова, Куусинена, Козырева, С. Гусева, Мельничанского. Приложение: Л. Троцкий. «Уроки Октября». Письмо тов. Ольминскому.
6. «За ленинизм».—Сборник. Статьи: Рыкова, Бухарина, Крупской, Сталина, Мельничанского. ГИЗ. 1925.
7. «За ленинизм».—Сборник. Статьи: Каменева, Сталина, Зиновьева, Ольминского. Изд. «Новая Москва». 1925.
8. Каменев Л. Б.—Партия и троцкизм. (Уроки партийной истории). Ленгиз. 1924.
9. Сталин И.—Троцкизм или ленинизм. М. ГИЗ. 1924.
10. Об «Уроках Октября».—Г. Зиновьев, Л. Каменев, В. Кингисепп, Г. Сокольников, И. Сталин, резолюция ЦК РКП(б). («Правда»), ЦК РЛКСМ. Ленинград. «Прибой». 1924.
11. Ленинизм или троцкизм.—Изд. «Московский Рабочий». 2-е дополн. изд. 1925.
12. «За ленинизм против троцкизма».—Изд. «Молодая Гвардия». 1925.
13. Невский.—В защиту ленинизма. Изд. «Пролетарий». 1925.

ЛЕНИН И ПАРТИЯ.

1. Зиновьев Г.—На фундаменте ленинизма. Ленинград. Изд. «Прибой». 1924.

2*). Каменев.—Ленин и его партия. Изд. «Красная Новь». 1924 г.

3. Зиновьев.—Задачи нашей партии после кончины В. И. Ленина. Изд. «Красная Новь». 1924 г.
4. Молотов Вяч.—Ленин и партия за время революции. Изд. «Красная Новь». 1924 г.
5. Серго Вл.—Учение Ленина о партии. (Организационные основы большевизма). 2-е изд. «Московский Рабочий». 1924 г.
6. Каменев.—Год без Ленина. «Московский Рабочий». 1925 г.

ЛЕНИН И КОМИНТЕРН.

1. Зиновьев Г.—Ленин и Коммунистический Интернационал. Ленинград. Гос. Изд. 1924 г.

ЛЕНИН И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС.

1. Павлович М., Нариманов Н., Хакимов А.—Ленин и Восток. Неопубликованная беседа В. И. Ленина с японским корреспондентом.
2. Отклики на смерть В. И. Ленина на Востоке.—Изд. Научн. Ассоциации востоковедения Союза ССР. 1924 г.

ЛЕНИН И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.

1. «Великий строитель».—Памяти В. И. Ленина. Изд. «Экономич. Жизнь». 1924 г.

ЛЕНИН И КРЕСТЬЯНСТВО.

1. Кингисепп В.—Ленин и крестьянство. Изд. «Пролетарий».

2*). Карпинский. — Пролетарский вождь крестьянства. Ленингр. Гос. Изд.

3*). Канатчиков.—На боевом посту рабочих и крестьян. Ленингр. Гос. Изд.

4. Кузнецов И.—Ленин и крестьянство. Изд. «Красная Новь». 1924 г.

5*). Лебедев и Фомин. — Крестьянские делегаты XI с'езда РСФСР и II с'езда СССР о Ленине.

ЛЕНИН И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

1. Гиринис С.—Ленин и профессиональное движение. М. Изд. МГСПС. 1924 г.
2. Гуревич А.—Ленин и профессиональные союзы. Изд. ВЦСПС. 1924 г.
3. Пропаганда ленинизма в профессиональные союзы.—Сборник материалов и пособий М. ВЦСПС. 1924 г.

ЛЕНИН И КООПЕРАЦИЯ.

1. Лозовый.—Ленин и кооперация. Изд. «Новая Москва». 1924 г.

ЛЕНИН И РЕЛИГИЯ.

1. Ярославский.—Мысли Ленина о религии. М. Изд. «Красная Новь». 1924 г.

ЛЕНИН, КАК МЫСЛИТЕЛЬ.

1. Бухарин.—Ленин, как марксист. Изд. «Пролетарий». 1924 г.
2. «Ленин, как марксист». — Ленинград. Изд. «Красная Газета». 1924 г.
3. Бухарин.— Революционный теоретик. Ленинская библиотека. Ленгиз.
4. Деборин А.—Ленин, как мыслитель. Изд. «Красная Новь». 1924 г.
5. Адоратский. — О теории и практике ленинизма. Изд. «Красная Новь». 1924 г.

ЛЕНИН И ПРОСВЕЩЕНИЕ.

1. Заветы Ленина в области народного просвещения.—Составила Н. К. Крупская. Изд. «Работник Просвещения». 1924 г.
2. Покровский.—Ленин и высшая школа. Ленгиз.

ЛЕНИН И ГОСУДАРСТВО.

1. Стучка.—Ленинизм и государство. Изд. «Прометей». 1924 г.

ЛЕНИН И РАБОТНИЦА.

1*). Николаева К.—Ленин и раскрепощение трудящейся женщины. Ленинград. Гос. Изд. 1924 г.

2*). «Крестьянка». Журнал № 3. 1924 г.

3*). «Делегатка». Журнал № 1. 1924 г.

ЛЕНИН И КОМСОМОЛ.

1. Ленин и комсомольцы.—Изд. «Молодая Гвардия».
2. Сафаров.—О ленинском воспитании молодежи. Ленинград. Изд. «Прибой». 1924 г.
3. Авербах.—Вопросы юношеского движения и Ленин. Изд. «Молодая Гвардия». 1924 г.

ЛЕНИН И ДЕТИ.

1. Дети о Владимире Ильиче.—Изд. журнала одесского губоно «Наша школа». 1924 г.
2. «Ильич».—Детские рассказы и стихи о В. И. Ленине. Собрал и составил А. Гринберг. Изд. «Новая Москва». 1924 г.
3. Лин Илья.—Дети и Ленин. Изд. «Молодая Гвардия». 1924 г.
4. С. Прокофьева, Р. Конторович и Д. Торговец.—«Дети-дошкольники о Ленине». Сборник под редакц. Р. Орловой. М. Госиздат.

ПРОГРАММА ЛЕНИНИЗМА.

1. Материалы по пропаганде ленинизма. Изд. «Красная Новь». 1924 г. Агитпроп ЦК РКП.
2. Изучайте ленинизм. Изд. «Основа». Иваново-Вознесенск.
3. Ленинизм.—«Материалы к изучению и пропаганде». С приложением в тексте статьи. Основные моменты развития РКП. Изд. «Пролетарий». 1924 г.
4. Как изучать В. И. Ленина.—Пособие для ведения бесед и работ в кружках. 2-е изд. «Прибой». 1924 г.
5. Цикл лекций-бесед и художественных иллюстраций по изучению ленинизма. Вып. I. М. Гос. изд. 1924 г.
6. «Год без Ленина». Гос. изд. 1925 г.
7. «Материалы к уголку Ленина». Приложение к № 3—4 журнала «Рабочий Клуб». М. Всеросс. пролеткульт. 1924 г.
8. Невский.—Уголки Ленина в просветительных учреждениях. Изд. «Гудок». 1924 г.
9. Первая годовщина смерти В. И. Ленина. Материалы для массовой, углубленной и кружковой работы в рабочих клубах. Вып. I, II, III. Изд. «Долой Неграмотность». 1925 г.
10. Вечер памяти В. И. Ленина в рабочем клубе. Сборник материалов. Изд. Моск. губ. сов. проф. союз. 1924 г.
11. Вечер памяти Ленина в клубе.—Жизнь—смерть. Воспоминания, стихи, отрывки, ноты, что написал Ленин. Изд. «Труд и Книга». 1925 г.
12. Ленинская хрестоматия. Пособие по изучению ленинизма для школ и кружков под редакц. С. Петропавловского. Изд. «Сорабкоп». Киев. 1924 г.
13. Н. Карпов и М. Фандюр. Хрестоматия по ленинизму. Пособие для совпартшкол, кружков ленинизма и самообразования. Ленинград. Изд. «Прибой». 1925 г.
14. «Великий вождь». Художественно-литературный сборник. Под редакц. П. А. Сомыпко. М. Изд. комис. помощи детям при президиуме Моссовета. 1924 г.

ЛЕНИНСКИЕ СБОРНИКИ.

1. Ленинский сборник I. Под редакц. Л. Б. Каменева. Изд. 2-е М. Институт Ленина при ЦК РКП(б).
2. Ленинский сборник II. Под редакцией Л. Б. Каменева. Гос. изд.
3. Каталог рукописей В. И. Ульянова (Ленина). Выпуск I (составлено А. Аросевым). Под редакц. Л. Б. Каменева. М. Институт Ленина при ЦК РКП.

ЛЕНИН В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

1*). Рид Дж.—10 дней, которые потрясли мир. Изд. «Красная Новь».

2. Товарищ Ильич.—Биография, статьи, стихи, посвященные вождю мирового пролетариата В. И. Ленину. (С 3 портретами). Изд. ВКСО и ВИНО «На помощь». 1924 г.
3. «На смерть вождя». Траурное действие в 2 картинах, посвященное В. И. Ленину. Изд. «Пролетарий». 1925 г.
4. К имени Ильича. Московская ассоциация пролетарских писателей. Изд. «Красная Новь». 1924 г.
5. Ленин в еврейской поэзии. Отклики на смерть Ленина. Под ред. Бориса Гуськина. Изд. «Прометей». М. 1925 г.
6. Бедер, Меламед.—У могилы Ленина. Цикл стихотворений. Посвящается ударному пролетарскому фронту, борцам ленинизма. Перевод с немецкого. М. Гос. Изд.
7. «Памяти Ленина». Сборник материалов для рабочего клуба. Ленинград. Изд. клубного сектора Губоно.
8. Ленина нет... Стихи, посвященные памяти В. И. Ленина. Изд. «Современные Проблемы». М. 1924 г.
9. Поплавко.—«Ленин». Поэма. Перевод с украинского под редакцией Г. Петникова. Харьков. Изд. «Путь Просвещения». 1923 г.

10*). Сейфуллина.—«Мужицкий сказ».

ЗАГРАНИЧНАЯ ПЕЧАТЬ О ЛЕНИНЕ.

1. Лисовский.—«Ленин в свете иностранной печати». Ленинград. Гос. изд. 1924 г.
2. Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине. Под редакцией Ил. Вардина (Мгеладзе). М. 1924 г.

*) Звездочкой отмечены популярные книги.

Центральная газетная типография «Красный Пролетарий». Мосполиграф. Тверская, 48.